

2012/I

SIBERIA_LINGUA

Научный журнал Института филологии и языковой
коммуникации Сибирского федерального университета

ISSN 22227-6378

Учредитель – «Сибирский федеральный университет»

Siberia_Lingua: научный журнал Института филологии и языковой коммуникации СФУ

Периодичность – один раз в полугодие

Журнал зарегистрирован в Международном ISSN центре в Париже, регистрационный номер 22227-6378

Электронная версия журнала размещена на сайте Института филологии и языковой коммуникации СФУ
<http://ifiyak.sfu-kras.ru/node/719>

Контакты

Почтовый адрес 660047, Красноярск, пр. Свободный, 82А, оф.328
Редакция научного журнала Siberia_Lingua

E-mail nauka_fil@mail.ru

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Фельде Ольга Викторовна, докт. филол. наук (отв. ред.)
Анисимов Кирилл Владиславович, докт. филол. наук
Григорьева Татьяна Михайловна, докт. филол. наук
Гладилин Алексей Владимирович, канд. филол. наук, с.н.с. (зам. отв. ред.)
Ким Игорь Ефимович, докт. филол. наук
Ковтун Наталья Вадимовна, докт. филол. наук
Магировская Оксана Валериевна, докт. филол. наук
Осетрова Елена Валерьевна, докт. филол. наук
Южанникова Марина Алексеевна (отв. секретарь)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Боргоякова Тамара Герасимовна, докт. филол. наук (Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова)
Иванцова Екатерина Вадимовна, докт. филол. наук (Томский государственный исследовательский университет)
Копнина Галина Анатольевна, докт. филол. наук (Сибирский федеральный университет)
Косяков Геннадий Викторович, докт. филол. наук (Омский государственный педагогический университет)
Куликова Людмила Викторовна, докт. филол. наук (Сибирский федеральный университет)
Панин Леонид Григорьевич, докт. филол. наук (Новосибирский государственный исследовательский университет)
Пекарская Ирина Владимировна, докт. филол. наук (Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова)
Сковородников Александр Петрович, докт. филол. наук (Сибирский федеральный университет)
Шарифуллин Борис Яхиевич, докт. филол. наук (Лесосибирский педагогический институт – филиал СФУ).

@ Сибирский федеральный университет, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. РУСИСТИКА

<u>Пекарская И.В. Эвидентная образность языка: к проблеме системного описания</u>	4
<u>Веренич Т.К., Муюй Лю. О некоторых стилистических приёмах в российской телевизионной рекламе</u>	11
<u>Евраева С.В. Воплощение религиозных концептов в русских поговорках</u>	16
<u>Емельянова О.Н. Лексика диалектного происхождения в толковых словарях русского языка</u>	20
<u>Жадлун М.И. Репрезентация концепта «Вода» в русской наивной картине мира</u>	27
<u>Мартыанова Н.А. Полевая организация цветообозначений с интегральной семой «Синий» в контексте системы элокутивных средств (на материале произведений А.И. Куприна)</u>	33
<u>Степанова Е.С. Полевая структура фразеологизма «старая дева»</u>	39
<u>Штейнгарт Е.А. Мотивационные словари в русской лексикографии</u>	46
<u>Южанникова М.А. Проблема разграничения двусмысленности и смежных с ней явлений</u>	52

II. ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

<u>Абдина Р.П. Экология языка и симбиоз культур: к проблеме описания экзотизмов</u>	59
<u>Беляева Е.В., Шан Вэйчжи Речевые тактики выражения вины в китайском языке (на материале произведений Лао Шэ)</u>	62
<u>Бутерус Е.Г. Динамика дискурсивных исследований: от истоков до современности</u>	66
<u>Ван Гуаннань. Китайские приметы в сфере торговли: результаты опроса</u>	72
<u>Веренич Т.К., Колпацникова Е.А. БЕЛЫЙ в русской и китайской лингвокультурах</u>	76
<u>Готланд Ю.А. История английского SPRUCE</u>	81
<u>Зорин К.А. Трансформация масс-медиа в условиях перехода к обществу знания</u>	83
<u>Юркова О.С. Основные модели двухкомпонентных терминосочетаний в терминологии экономики качества</u>	88

III. ЖИВАЯ РЕЧЬ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ

<u>Публикации текстов живой речи, записанной в Кежемском районе Красноярского края (70-90-е годы XX века – 2012 г.). Подготовка к публикации и вступительное слово – Филатова М.А.</u>	91
--	----

<u>IV. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ</u>	104
--------------------------------------	-----

<u>V. ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ, ПРИСЫЛАЕМЫХ В ЖУРНАЛ «SIBERIA LINGUA»</u>	106
---	-----

I. РУСИСТИКА

И.В.Пекарская

ЭВИДЕНТНАЯ ОБРАЗНОСТЬ ЯЗЫКА:

К ПРОБЛЕМЕ СИСТЕМНОГО ОПИСАНИЯ

The authors describe in the article types of advancement, namely the convergence of figurative means, text-figures etc., as actualizers of the expressiveness of a text, which form specific composition of a text, which attracts and holds attention of an interlocutor.

Key words: *types of advancement, expressiveness of the speech, figurative means of the language, composition, pragmatics of the speech.*

Ключевые слова: *экспрессия, эмоциональность речи, образность, тропы, фигуры, речевое воздействие.*

Яркая, образная речь во все времена, начиная с Античного канона, соотносилась с эффективной возможностью влияния на собеседника. В связи с этим особое внимание обращалось на речевую образность, которая не является однозначной. М.М. Михайлов, характеризуя образность как одно из качеств хорошей речи, выделяет три её типа: потенциальную, эвидентную и художественную [Михайлов, 1991. С. 84–86]. Выделение этих групп заслуживает внимания, т.к. облегчает решение вопроса о том, изобразительными или выразительными являются образные средства. Вместе с тем нельзя не увидеть разные основания, которые кладутся в перечислительный ряд данной типологии. Однако, прежде, чем предложить своё системное описание эвидентной образности, остановимся на краткой характеристике заявленных типов.

Первый тип образности, который называет М.М. Михайлов – **потенциальная образность**. Это заложенная в словах скрытая способность создавать наглядно-чувственные картины внешнего мира. В большинстве слов чувственно-образный элемент пребывает лишь как скрытая (потенциальная) возможность, и только в определённых условиях она вызывается к жизни, к “видению” (франц. potential – “скрытый, возможный” < лат. potentio “возможность”) ¹. Так слово *ясень* в обычной речи, создав понятие об определённом дереве, может и не вызвать конкретно-чувственного образа этого дерева. Другое дело – это же слово в эмоционально насыщенной речи Аркадия Кирсанова из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»: “Не находите ли вы, – начал Аркадий, – что *ясень* по-русски очень хорошо назван: ни одно дерево так легко и ясно не сквозит на воздухе, как он”. Здесь в особо организованном контексте с эмоциональным заданием – слово *ясень* создаёт

---

¹ М.М. Михайлов замечает: «Термин “потенциальная образность” употреблял Г.О.Винокур, но он связывал потенциальную образность с употреблением “живописующих слов и выражений” и поэтому считал её “естественной образностью” (см. Винокур Г.О. Культура языка. – М., 1925). Выделяемые нами три типа образности своим основанием имеют иные принципы» [Михайлов, 1991. С 85].

вопреки точной этимологии² (ясень и ясно – слова разного происхождения), не только понятие дерева, но и конкретно-чувственный образ определённого дерева [Михайлов, 1991. С. 85]. По свидетельству М.М. Михайлова, потенциальная образность существует (в скрытом виде) в языке, но проявляется в речи. «Другими словами: надо различать образ в слове и образ посредством слов, образ в языке и образ в речи» [Михайлов, 1991. С. 85].

С выделением данного типа образности нельзя не согласиться. В своё время В.В. Виноградов писал: «Нет слов и языковых форм, которые не могут стать материалом для образа. Необходимо лишь, чтобы применение их в целях художественной образности было стилистически и эстетически оправдано [Виноградов, 1981. С. 107].

Следующий тип образности, который выделяет М.М. Михайлов, – **образность эвидентная** (франц. *evidant* – “очевидный” < лат. *evidens* “очевидный”). Это образность, заключённая в специальных изобразительно-выразительных средствах языка (в соотнесённости с ней в своё время мы выделили незвидентную образность и системно представили её: Пекарская, 2001; Пекарская, 2011. С. 97-107). Далее М.М. Михайлов пишет: «Объективное существование в языке двух типов образности – *потенциальной* и эвидентной – является несомненным фактором: на этом основано деление слов и выражений на *образные* и *необразные*» (выделено нами – И.П.) [Михайлов, 1991. С. 88]. В связи с этим М.М. Михайлов приводит две цитаты из А.А. Потебни: «Одновременное существование в языке слов образных и безобразных обусловлено свойствами нашей мысли, зависимой от прошедшего и стремящейся в будущее». «Все значения в языке по происхождению образны, каждое может с течением времени стать безобразным» [Потебня, 1905. С. 22]. Прокомментируем процитированное, т.к. данное высказывание некорректно в силу имеющегося в нём противоречия. По справедливому замечанию А.А. Потебни, все значения в языке по происхождению образны и в процессе развития языка могут терять эту образность – становиться безобразными (= необразными). Эти необразные средства М.М. Михайлов, очевидно, и называет средствами с потенциальной образностью. Однако потенциальная образность не может существовать в языке: она может выявляться лишь на уровне речи. Иными словами, бывшее образное слово (а ныне безобразное) может вернуть свою исконную образность (или образность переосмысленную) лишь на уровне того или иного контекста (см. пример со словом ясень: в языке это слово необразно). Причём, потенциальной образностью могут обладать не только слова, но и более крупные единицы языка. На уровне конкретного контекста стилистически значимым (образным, изобразительным и даже выразительным) может стать любое языковое средство, начиная от фонетического уровня и заканчивая синтаксическим и текстовым [См. об этом подробно: Пекарская 1995; 1999; 2000, Ч. 2; Антонов, Пекарская 2005].

---

² Предлагаемая иллюстрация интересна тем, что деэтимологизация – ложная этимологизация – слова ясень представляет собой фигуру лексико-семантической контаминации, а значит и создаёт контекстную образность.

Речь здесь идёт о так называемой без'образной образности, т.е. «образности, достигаемой без применения “специальных средств” – тропов, фигур». Без'образную образность называют ещё без'образной поэзией. «Поэтическая образность рождается из художественной оправданности каждого слова и расположения всех слов. Очень важно, что нет здесь ни одного лишнего слова, которое могло бы нарушить гармонию, “соразмерность и сообразность” целого» [Горшков, 1996. С. 321–328]. Для соблюдения системности в типологизации образности по одним и тем же основаниям считаем целесообразным в соответствии с уже названной эвидентной образностью без'образную образность определить как **неэвидентную**. Системное описание неэвидентной образности мы предлагали ранее [подробнее об этом см.: Пекарская 2000, Ч.1. С. 57–71, Пекарская, 2011. С. 97–107].

В данной же статье мы остановимся на описании эвидентной образности, которая также представляется нам неоднородной. Эвидентная образность создаётся за счёт мотивированности:

- 1) по смыслу при тождестве формы – тропы;
- 2) по форме (фонетические средства экспрессивности);
- 3) по смыслу и по форме³.

Приведём некоторые примеры.

1 группа – тропеическая образность (мотивация по смыслу при тождестве формы) является достаточно яркой, при наложении тропов друг на друга, т.к. вследствие этого образ укрупняется⁴:

На бледно-голубой эмали, **гипертроп: “небо”:** **перифраза**, в которую включён **цветовой эпитет**

Какая мыслима в апреле,

Берёзы ветви поднимали **олицетворение**

И незаметно вечерели. **метафора**

Узор отточенный и мелкий, **гипертроп: метафорические эпитеты**

Застыла тоненькая сетка, **метафора**

Как на фарфоровой тарелке **сравнение**

Рисунок вычерченный метко, **гипертроп: метафорический эпитет**

Когда его художник милый **эпитет**

Выводит на стеклянной тверди, "тарелка" **перифраза**

В сознании минутной силы, **литота**

В забвении печальной смерти. (О.Э. Мандельштам) **гипертроп: плеонастический эпитет**

³ Данные типы мотивированности описаны Т.В. Матвеевой в связи с исследованием проблемы лексической экспрессивности в языке [Матвеева, 1996].

⁴ Контаминированные тропы и контаминированные фигуры мы называем гипертропами и гиперфигурами (hureg – греч., над, сверх, по ту сторону – частица сложных слов, указывающая на превышение нормы) [Пекарская, 2000].

Кроме контаминации (наложения) тропов – гипертропов, которые усиливают изобразительность этого текста, выразительность его усиливает и конвергенция тропов (последовательное их соединение в тексте).

2 группа *эвидентной образности* может быть охарактеризована как мотивация по форме. Т.В. Матвеева называет в её кругу фонетические средства экспрессивности: звуко-символизм, звукоподражание (в т.ч. звуковой повтор), “фонетический экзотизм”.

«Звуко-символизм как первичная мотивированность создаёт лексическую единицу необычной фонетики. Звуко-символические слова, которых во много раз меньше, чем слов, не связанных со звуковой символикой, осмысляются как неоднократные, необычные на фоне всей совокупности нейтрально-номинативного лексического фонда и не мотивированной фонетики, экспрессивной лексики» [Матвеева, 1996. С. 45]. Кроме того, Т.В. Матвеева отмечает, что необычность звучания может быть не только признаком звукового символа, но и принципиально важным самостоятельным средством выражения экспрессивности. По замечанию названного автора, эта необычность достигается двумя путями. Первый из них – звуковой повтор, второй – фонетическая необычность слова, его “фонетический экзотизм” [там же. С. 45–47].

Приведём примеры, наблюдающие звуко-символизм (1) и “фонетический экзотизм” (2), которые лежат в основе создаваемой образности:

(1) Шуршат осенние кусты:

Шуришат на дереве листья.

Шуришит камыш.

И дождь шуришит,

И мышшь, шуриша,

В нору спешит.

А там тихонечко шуришат

Шесть шустрых маленьких мышшат...

/П.А. Усачёв. Шуршащая песенка/

(2) *Море булькотело... Вдруг кругом чего-то закурчавилось, затыркало, заколюжило. Это молодой человек рассупонил свои плечи и засупонил руку в боковой карман.*

Море булькотело... Трава немолчно шебуршала. Суглинки и супеси дивно осыпались под ногами влюблённых.

Девушка шамливо и раскосо капоркнула, крюкая сирень. Кругом опять чего-то художественно заколюжило, затыркало, закурчавилось. И спектральный анализ озарил вдруг своим дивным несказанным блеском холмистую местность... / М. Зощенко. Сирень цветёт/

Выполнить функцию юмористического и иронического описания “прогулки влюблённых” в этом тексте фонетическим образным средством помогает «смещение стилей».

3 группа *эвидентной образности* представляет собой мотивированность по смыслу и форме. Описывая данную группу “экспрессивной лексики” Т.В. Матвеева отмечает: «Производные экспрессивные слова (ишачить, ворюга, шкурник и т.п.) связаны с другими единицами языка (лексическими, морфемными, структурно-словообразовательными) по смыслу и форме. Будем различать лексический мотиватор – производящую основу, от которой образовано экспрессивное слово, и структурный мотиватор – а) аффикс или сочетание аффиксов, включающих экспрессивное слово в определённый словообразовательный тип; б) структурную схему словообразовательной модели, использованную при создании экспрессивного слова. Как те, так и другие мотиваторы могут быть нейтральными и экспрессивными <...>» [Пекарская, 2000, Ч. 1. С. 49].

Наиболее экспрессивными являются слова, в которых и лексический, и структурный мотиваторы экспрессивны (в этих случаях, на наш взгляд, наблюдается увеличение интенсивности экспрессивности).

Проиллюстрируем сказанное:

*Когда есть друг, то **безлюбове***

Не страшно нам,

Хотя и дразнит бес легонько

По временам.

***Бездружье** пропастью не станет,*

Когда любовь

Стеной перед обрывом ставит

Свою ладонь <...>

/Е. Евтушенко/.

Здесь мотивированность по смыслу и форме (с нейтральным лексическим мотиватором (любовь, дружба) и экспрессивным формальным – приставка –без в сочетании с абстрактными существительными), создающую образность, усиливает тропеическая образность.

Мастерски использует рассматриваемый тип эвидентной образности М. Цветаева, подчёркивая его графикой (опять-таки лексический мотиватор нейтрален, а структурный – экспрессивен). И эта экспрессивность подчёркивается на письме – графически, а в произношении – логической паузой:

Б. Пастернаку.

*Рас-стояние; вёрсты, мили...
Нас рас-ставили, рас-садили,
Чтобы тихо себя вели,
По двум разным концам земли.*

*Рас-стояние; вёрсты, дали...
Нас расклеили, распяли,
В две руки развели распяв,
И не знали, что это – сплав.
Вдохновений и сухожилий...
Не рассорили – рассор'или,
Расслоили...*

стена за ров.

*Расселили нас как орлов –
Заговорщиков: вёрсты, дали...
Не рассорили – растеряли.
По труппам земных широт –
Рассовали нас как сирот.
Который уж – ну который – март?!*

Разбили нас – как колоду карт. (Выделено нами – И.П.).

Кроме описанного типа эвидентной образности, которая является доминантной, здесь присутствуют и тропеическая эвидентная образность (метафора, сравнение), и фигуральная (цепочка номинативных предложений, эллипсис, парцелляция и др.), и трублятивная (рассорить, распять, разбить и др.).

Ещё более значимым делает данное стихотворение, конвергенция тропов и фигур (т.е. последовательное их соединение).

Интересный и яркий образ может создавать мотивированность по смыслу и форме, когда и лексический, и формальный мотиватор являются экспрессивными:

*... Хорошо я жил, но дурно жил;
Временем не слишком дорожил.
Скованность прошла, прошёл расхрист,
А орешков, – сколько не разгрыз <...>.*

/Е. Евтушенко/

Таким образом, различные виды образности в одном контексте могут взаимодействовать, взаимодополнять, взаимоусиливать друг друга. Однако, как правило, в каждом конкретном случае (речевом произведении) наблюдается доминирующий вид образности, который укрупняется другими видами и разновидностями.

Считаем необходимым ещё раз подчеркнуть целесообразность включения понятий образности, выразительности, эмоциональности, экспрессивности в качестве составляющих в коммуникативное качество выразительности, т.к. именно выразительность речи является следствием проявления в ней всех перечисленных качеств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов В.П., Пекарская И.В. Русский язык и культура речи. Курс лекций Ч.1, 2. Абакан: ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2005. 168 с.
2. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981. 320 с.
3. Горшков А.И. Русская словесность. От слова к словесности. М.: Просвещение, 1996. 336 с.
4. Корольков В.И. К теории фигур // Сб. науч. Тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 78. М., 1973/1974. С. 60 – 93.
5. Львова С.И. Уроки словесности 5 – 9 класс. Пособие для учителей. М.: Изд-во «Дрофа», 1996. 416 с.
6. Матвеева, Т.В. Лексическая экспрессивность в языке. Свердловск: Изд-во УрГУ им. М.Горького, 1986. 92 с.
7. Михайлов М.М. Образность как одно из качеств хорошей речи // Русский язык в школе. 1991. № 1. С. 83-86.
8. Новиков Л.А. Искусство слова. М.: Педагогика, 1991. 144 с.
9. Пекарская И.В. Конструкции синтаксической контаминации как экспрессивное средство современного русского языка (на материале художественных и публицистических текстов): Дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1995. 210 с.
10. Пекарская И.В. Конструкции синтаксической контаминации как экспрессивное средство современного русского языка. Учебно-методическое пособие и системный словарь-справочник. Речеведение. Учебно-методический комплекс. Вып. 2. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 1999. 152 с.
11. Пекарская И.В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Часть 1. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2000. 248 с.
12. Пекарская И.В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Часть 2. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2000. 344 с.
13. Пекарская И.В. Образность в языке и речи: к проблеме системного описания неэвидентной образности // Язык, культура,

коммуникация: аспекты взаимодействия: научно-методический бюллетень. Вып. 7. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2011. С. 97 – 107.

14. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. С. 22, 203.

15. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. 214 с.

16. Шмелёв Д.Н. Слово и образ. М.: Наука, 1964. С. 54.

Т.К. Веренич, Лю Муюй

О НЕКОТОРЫХ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМАХ В РОССИЙСКОЙ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕКЛАМЕ

The article highlights the issue of manipulative impact on the addressee in advertisement. Realization of eleven stylistic devices in television advertisement texts is analyzed in particular.

Key words: television advertisement, language manipulation, stylistic devices.

Ключевые слова: телевизионная реклама, речевое манипулирование, стилистические приемы.

Реклама – это явление чрезвычайно сложное, многогранное и многоаспектное, в известной мере даже универсальное. По данным И.Я. Рожкова, существует более двух тысяч определений понятия рекламы [Рожков, 1999]. Она занимает пограничное положение между различными профессиональными сферами и привлекает внимание представителей разных профессий. Изучением рекламы в той или иной степени занимается целый ряд наук: экономика, социология, психология, журналистика, лингвистика, история, правоведение.

Большое внимание во всех работах, посвященных лингвистике рекламы, уделяется прагматическому и экспрессивному аспектам рекламных текстов, что говорит об интересе исследователей к вопросам речевого манипулирования. Одна из фундаментальных работ, посвященных явлению манипуляции, – книга С.Г. Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием» [Кара-Мурза, 2001]; исследователь М.Ю. Лихобабин рассуждает о явлении зомбирования в современной рекламе [Лихобабин, 2004]; Л.И. Рюмшина рассматривает манипулирование общественным сознанием практически во всех жанрах рекламы – в политической, социальной, печатной и наружной, телевизионной рекламе, в радиорекламе [Рюмшина, 2004].

Исследователи Г. Крес и Р. Ходж утверждают, что рекламе язык служит инструментом воздействия и убеждения, целью которых является побудить адресата, воспринимающего сообщение, определенным образом модифицировать свое поведение. «Выразительные возможности языка позволяют придать определенную значимость высказыванию, с помощью

языковых средств можно не только информировать слушающего о чем-либо, но и манипулировать его сознанием» [цит. по: Лузина, 1983. С. 143].

Изображения на экране, рекламных баннерах, в газетах и журналах, интонации в репликах актеров рекламных роликов на телевидении и радио, безусловно, играют важную роль в донесении до потребителя сути рекламы и побуждении его купить товар. Однако без сопровождающих ролик вербальных знаков все вышеперечисленное может потерять смысл, ключевой момент, который заключен как раз в рекламном тексте. В особенности это касается телевизионной рекламы.

Именно поэтому в большинстве случаев огромная роль при создании рекламы отводится текстовому сообщению, ведь даже эффектное изображение, не дополненное яркой, запоминающейся фразой, может не заинтересовать клиента, что происходит довольно часто.

Главное требование к рекламному тексту состоит в том, что он должен быть запоминающимся. В немалой степени это зависит от его оригинальности. Для создания же эффектного текста, способного побудить реципиента к приобретению товара или услуги, необходимо использование определенных стилистических приемов, некоторые из которых, хотелось бы рассмотреть в данной работе.

Метафора – стилистический прием, который заключается в употреблении слов в переносном значении, замещении одного понятия другим, в той или иной степени сходным с замещаемым, и перенесении признаков с одного понятия на другое. В рекламных текстах метафора выполняет одну из важнейших ролей как раз по той причине, что перенос значения – именно та мера, которая позволяет увеличить информативную емкость текста за предельно краткий срок:

Орифлейм – легкий путь к красоте.

Vichy – источник здоровья кожи.

Сансилк – зимняя сказка для Ваших волос.

Head & Shoulders накроет тебя ураганом улетной свежести.

Метафора в рекламном сообщении служит для передачи более верного смысла явлений, обозначить наиболее важное и новое. То есть она уже не представляет собой отличительную особенность только поэтического текста, а нужна рекламе для того, чтобы связать старое с новым, прошедшее с будущим. Именно при помощи метафоры достигается одно из важнейших условий построения рекламного текста – емкое информативное содержание на сравнительно небольшом пространстве сообщения.

Зачастую при создании рекламного текста, используется олицетворение. Как известно, олицетворение – это наделение неодушевленных объектов признаками и свойствами, присущими живым существам. Когда уподобление неодушевленного предмета живому существу, а точнее, человеку становится полным, реализуется особый вид олицетворения – персонификация:

Volvo XC. Характер нордический, устойчивый.

В тексте рекламы фраза из фильма о Штирлице слегка изменена – характер назван не «стойким», а «устойчивым», поскольку именно устойчивость является важным свойством рекламируемого автомобиля. Но и «одушевляющее» прилагательное «нордический» несет маркетинговую нагрузку, поскольку намекает на место производства автомобиля, которое служит гарантией его качества.

Добро пожаловать к нашему столу! Стол очень щедрый душевный.

Несомненно, щедрым и душевным могут быть только люди, которые накрыли этот стол. Повторение одного и того же слова, словосочетания или предложения не только притягивает внимание клиента (читателя или слушателя) к этому повторяемому элементу, но и дополняет текст новыми оттенками к его содержанию. Стилистическое значение повторения лежит в усилении смысловой значимости той части текста, которая повторяется.

СуперМомент настолько сильный, что может приклеить меня к металлу.

СуперМомент приклеивает меня к пластику.

СуперМомент приклеивает меня к стеклу.

СуперМомент приклеивает меня даже к дереву.

Стилистическая действенность такого приема состоит в придании рекламному тексту ритмичности и, соответственно, большей яркости восприятия и запоминаемости в массе конкурентных сообщений мира рекламы.

Анафора – это стилистический прием, который заключается в повторении одинаковых языковых элементов (букв, слов, словосочетаний, синтаксических конструкций) в начале предложения. Анафора во всех ее видах широко применяется в рекламных сообщениях. Происходит это потому, что первые части текста запоминаются лучше, а употребление анафоры может послужить катализатором этого процесса.

Для пятницы у меня Лешка. Для субботы – Сергей Петрович. А для мамы – Никита.

Не дай погоде. Не дай лени. Не дай городу. Не дай тесноте. Just do it.

Эпифора также создается при повторении одинаковых лексических элементов, но, в отличие от анафоры, такое повторение происходит в конце предложения. Этот прием в рекламных текстах употребляется реже:

Только мы не бросим Вас в беде!

Буксировка с места аварии? – Да!

Ремонт в дороге и на стоянке? – Да!

Доступные цены? – Да!

Эллипсис – стилистическое средство, при котором происходит пропуск какого-либо слова, выражения или синтаксических элементов, которые необходимы для полной грамматической конструкции предложения, но не обязательны с точки зрения смысла сообщения. Чаще всего опускается глагол, что придает тексту динамичность.

Золотой стандарт пломбира. Только от Инмарко.

Детям подарки! Взрослым бонусы!

В данных примерах предполагаемые глаголы «*производить*» и «*подарить*» не несут смысловой нагрузки, поэтому их опущение приводит к более удобному лаконичному построению текста.

Гипербола – также широко используемый в рекламе стилистический прием. Нарочитое преувеличение в рекламных сообщениях не только допустимо, но и необходимо. Данное средство привлекается для того, чтобы завлечь, убедить читателя в том, что данный товар или услуга – именно то, что ему нужно:

С помощью секундного клея СуперМомент вы можете приклеить меня к потолку.

Merrell. От порога до края земли.

Игра слов – очень эффективный экспрессивный прием, как правило украшающий любой текст, не говоря уже о рекламном, в котором экспрессивность каламбура существенно увеличивается в силу краткости текста. Игра слов, употребленная к месту, вносит в рекламное сообщение разнообразие с точки зрения стилистики, помогает воспринимать текст легче, заострять внимание на высказанной мысли, выделяет смысл и экспрессивные акценты сообщения.

Выразительность игры слов в большой степени заключается в употреблении каламбура, основанного на многозначности, двусмысленности слов в связи с омонимией, что в русском языке далеко не редкость. Примером может послужить реклама сахара рафинада для чая и кофе **ЧАЙКОФСКИЙ**. В фамилии знаменитого русского композитора *Чайковский* рекламисты увидели ценный материал для манипулирования: заменив, букву *в* на *ф*, они привлекли внимание потребителя и успешно оказали на него влияние.

Такая стилистическая фигура как антитеза заключается в сопоставлении на контрасте конкретных понятий, представлений, обладающими смысловым единством. Благодаря своей резкости, такой прием обладает большой убедительностью. Эффект достигается от яркого противопоставления, а наибольшая точность значения достигается за счет наложения обратного смысла. В рекламных текстах этот стилистический прием чаще всего употребляется в заголовках:

Минимум калорий – максимум наслаждения (реклама Coca-Cola light).

Легко включить, сложно остановиться (реклама безлимитного Интернета).

В холод – тепло, в жару – прохладу (реклама кондиционера фирмы Samsung).

Indesit. Мы работаем – вы отдыхаете.

Градация – стилистический прием, при котором расположение ряда фраз, выражений происходит последовательно по восходящей или нисходящей линии в зависимости от повышения или понижения эмоциональной или смысловой значимости, при этом происходит наложение однородных синтаксических конструкций. В рекламе в большинстве случаев используется восходящая градация, с помощью которой рекламируют товар или услугу по нарастающей. Например:

Курящая девушка тратит в среднем около 1 часа в день на курение. Итого в год набирается 365 часов или 15 дней. За это время можно было бы посмотреть около 180 интересных фильмов, прочитать около 70 книг, или 120 раз посетить салон красоты.

В анализируемом примере применялась и нисходящая и восходящая градации.

Умолчание – стилистическое средство, при употреблении которого мысль преднамеренно остается незаконченной, прерванной в расчете на то, что читатель (потребитель) закончит мысль сам. Данный прием не только существенно сокращает рекламный текст, но и делает его привлекательнее из-за недосказанности. При этом смысл сообщения не теряется и понятен читателю. Зачастую при использовании этого приема в конце текста ставится многоточие. Например:

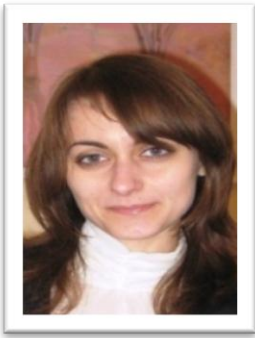
Если вы обустриваете новый дом... думаете об оригинальном интерьере... Для вас – мебель из Италии.

Когда соседи начинают завидовать... Отделочные материалы лучших европейских производителей.

Таким образом, все вышеперечисленные стилистические приемы, выявленные нами при анализе 120 текстов телевизионной рекламы, позволяют структурировать текст, выделить основную мысль и создать образную, воздействующую рекламу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2001. 832 с.
2. Лихобабин М.Ю. Технологии манипулирования в рекламе. Способы зомбирования. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 144 с.
3. Лузина Л.Г. Язык как средство идеологического воздействия: лингвопрагматический аспект (обзор) // Язык как средство идеологического воздействия. М.: ИНИОН, 1983. С. 139 – 152.
4. Рожков И.Я. Реклама: Планка для «профи». М.: Страница, 1999. 200 с.
5. Рюмшина Л.И. Манипулятивные приемы в рекламе. М.: Март, 2004. 240 с.

С. В. Евраева

ВОПЛОЩЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНЦЕПТОВ В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ

The article substantiates value of proverbs in linguistic and cultural research, importance of religious concepts in the Russian naïve worldview, describes the ones represented in Russian proverbs, characterizes connections between these concepts.

Key words: *proverb, concept, religious concepts, language worldview.*

Ключевые слова: *паремия, концепт, религиозные концепты, языковая картина мира.*

Паремиологический фонд языка представляет собой бесценный материал для ставших популярными в последние годы лингвокультурологических исследований, поскольку именно в пословицах и поговорках находят эксплицитное выражение предпочтения, связанные с ценностной доминантой культуры, а также поведенческие стереотипы народа.

Именно ценности и стереотипы народа (носителя языка) находятся в фокусе лингвокультурологии, поскольку именно они лежат в основе его культурной самобытности.

В сознании как отдельной личности, так и народа в целом существуют определенные модальные рамки, созданные культурой – индивидуальным и коллективным опытом, ценностями. На их основе формируются критерии оценки окружающей действительности, исходя из которых строится представление человека о хорошем и плохом или проявляющемся сверх или ниже нормы.

Так, например, действия человека в русской культуре могут оцениваться не только как хорошие или плохие, но и как правильные или неправильные с точки зрения поведенческих стереотипов русского народа (*Не покидай ножа на ночь – лукавый зарежет; Кто не октясь за стол садится, с тем ест и пьёт диавол*), праведные или греховные с позиции его ценностей (*Спорить спорь, а браниться грех; Грех воровать, да нельзя миновать*) и т. п.

Так порождаются стандарты (эталоны) поведения, которые фиксируются в паремиологическом фонде языка: *Подумаешь – горе; а раздумаешь – воля господня; Есть до днесь, а впредь – бог весть*. Они представляют собой антропометрическую позицию, служащую, по словам В. Н. Телия, «фильтром, сквозь который, как через цветное стекло, воспринимается мир» [Телия 1986. С. 39]: *Где голь берёт? Голи бог даёт; Бог даст денежку, а чёрт дырочку, и пойдёт божья денежка в чёртову дырочку*.

Ценностный компонент значения номинативной единицы лежит в основе образования вокруг этой единицы некоего культурного поля: слово перестает быть просто словом и становится носителем культурной информации. Культурные наслоения вокруг семантики такой единицы (их

принято называть смыслами) позволяют квалифицировать её в качестве репрезентанта, или вербализатора лингвокультурного концепта.

Как известно, на развитие русской культуры повлияло её религиозное прошлое и настоящее. В ней христианские ценности, верования, обряды сосуществуют с языческой памятью народа, что фиксируется как на уровне артефактов (пасхальный кулич – древний языческий символ плодородия), так и на уровне языка – во фразеологическом и паремиологическом его фонде, например: *В лесу живут, пенью богу молятся*.

Через фразеологию и паремиологию транслируется культура русского народа, ее ценности, «закодированные» в концептах, передаются от поколения к поколению. Такая способность фразем, пословиц и поговорок обусловлена следующими их свойствами: воспроизводимость, которая, по словам В. Н. Телия, способствует межпоколенной трансляции культурно значимых установок; культурно-национальное своеобразие, наличие в семантике фразем и паремий коннотативного компонента;

В. А. Маслова указывает ещё на одно свойство фразеологии: «Фразеологический компонент языка не только воспроизводит элементы и черты культурно-национального миропонимания, но и формирует их. И каждый фразеологизм, если он содержит культурную коннотацию, вносит свой вклад в общую мозаичную картину национальной культуры» [Маслова, 2001].

Данные свойства делают паремиологический и фразеологический фонды языка особым материалом, позволяющим реконструировать ценности и установки народа.

Если говорить об установках и поведенческих стереотипах, то они, безусловно, в большей степени отражены в пословицах и поговорках. Этому способствуют, в первую очередь, синтаксические особенности паремий. Так, являясь эквивалентом предложения, пословица актуализирует лингвокультурные концепты – «сгустки культуры», формирующие языковую картину мира. Их вербализаторы проявляют в пословичном контексте свои грамматические свойства, а также способность к семантической сочетаемости с вербализаторами других концептов: *Послал бог работу, да отнял чёрт охоту; Ни праведный без порока, ни грешник без покаяния; Шёл бы чёрт на свадьбу, да пона боится*.

Таким образом, лингвокультурологический анализ пословиц и поговорок позволяет не только выявить значимые для культуры (в данном случае русской) концепты, но и восстановить определённые фрагменты картины мира, создаваемые системой этих концептов

Страноведческая ценность пословиц обусловлена также их кумулятивной функцией, то есть способностью фиксировать накопленный опыт народа, в результате чего они обладают так называемым культурно-историческим фоном.

Таким образом, пословицы представляют собой «узуально-поведенческие тексты – соединённые представления норм речи и норм

поведения, обязательные для данной речевой ситуации, которые складываются в систему ценностей» [Дмитриева, 1996. С. 73]: *Не греша, не спокаешься; не спокаявшись, не помолишься; не молясь, не спасёшься; Вера и гору с места сдвинет.*

Кроме того, паремии обладают антропоцентрической семантикой, поскольку отражают действительность в непосредственной связи с человеком: *На (за) кого бог, на (за) того и добрые люди; Правдой жить – от людей отбыть; неправдой жить – бога прогневить; Первая жена от бога, вторая от человека, третья от чёрта.*

Среди концептов, формирующих русскую картину мира, особое место занимают религиозные концепты. Они являются отражением ментальности русского человека, поскольку пронизывают все сферы его жизни. Этот факт подтверждается результатами сплошной выборки из сборника В.И. Даля. Автор распределил пословицы, поговорки, загадки, поверья по темам (всего 179 тем), охватывающим все сферы духовной и физической жизни человека: «Бог – Вера», «Правда – Кривда», «Жизнь – Смерть», «Погода – Стихии», «Праздник» и др. Выборка показала, что репрезентанты религиозных концептов представлены не только в пословицах с религиозной тематикой, но и в тех, которые описывают быт русского человека. В таких случаях они, как правило, выполняют оценочную либо экспрессивную функцию: *Мужик глуп, как свинья, а хитёр, как чёрт.* Это свидетельствует о том, что русский человек мыслит религиозными категориями и оценивает явления жизни религиозными ценностями. Нами были выделены такие религиозные концепты, представленные в русских пословицах и поговорках: **Бог, вера, двоеверие, душа, грех, святое (праведное), ангел, чёрт, священнослужитель, молитва, Христос, Богородица, рай, ад, церковь.** Ключевым среди них мы считаем концепт **Бог.** Изучение этих концептов и отношений между ними позволило описать религиозный фрагмент русской языковой картины мира, суперморальные ценности русского народа, а также особенности религиозного его мировоззрения. Количественный анализ вывил наиболее значимые в русской культуре религиозные концепты.

Так, было установлено, что концепты, мотивированные конкретными понятиями, представлены в большем количестве пословиц и поговорок, чем те, которые называют абстрактные категории. «Непопулярность» таких концептов, как **вера** и **двоеверие**, объясняется, на наш взгляд предметно-конкретным образом мышления создателей пословиц. Такие категории, как **Бог, ангел, душа, грех** и др. рассматриваются в философии как метафизические. Однако народное, наивное сознание наделяет их антропо- и зооморфными, а также предметными свойствами: *Что душа унасла, то и на тот свет унесла, Борода широка, да душа молода, Кому бог ума не дал, тому кузнец не прикуёт, Сильна божья рука.*

Это позволяет предположить, что в сознании русского человека все эти образы составляют целостную картину, посредством которой он объясняет себе устройство метафизического мира как находящегося в

конкретном пространстве (*рай* и *ад*), населённом существами (*Бог, ангелы, Христос, Богоматерь, святые, черти, бесы*), выполняющими определённые действия и находящимися в определённых отношениях между собой: *Тело государево, душа божья, спина барская, Пусти душу в ад, будешь богат.*

Важнейшей функцией религиозных концептов в русской культуре является то, что они заполняют лакуны в знании и понимании русским человеком законов природы: *Загорелось от милости божьей (от грозы); Старый месяц тож в дело идёт: бог на звёзды крошит.*

В русских поговорках отражено и языческое прошлое русского народа: наряду с вербализаторами христианских концептов, фиксируются наименования языческих инфернальных существ либо использование слов «бог», «черт» в качестве номинаций этих существ: *В лесу живут, пенью богу молятся; Не гони бога в лес, коли в избу влез; С лешего вырос, а ума-то не вынес; Все бесы в воду – и пузыри вверх; Толчитесь, бесы, да не в нашем лесе!*

Концепты, связанные с христианской верой, в русской наивной картине мира приобретают своеобразные свойства. Так, например, в поговорках фиксируется особое, негативное отношение русского народа к служителям церкви: *Кот посихмился, лиса постриглась; Чётки на руке, а девки на уме; Утинога зоба не залечишь; Поповского брюха не набьёшь*

Концепт *Душа* в русской культуре приобретает особое, не словарное значение – душой в поговорках именуется органы пищеварения человека: *Не ела душа чесноку, так и не воняет; Душа не примаёт, а глаза всё больше просят.*

Религиозные концепты находятся в тесных семантических связях между собой, проявляющихся в пересечении их ассоциативно-семантических полей, в способности концептов характеризовать друг друга, а их вербализаторов – реализовать разные концепты религиозного фрагмента наивной картины мира. Изучение межконцептуальных связей религиозной концептосферы позволяет предположить, что в основе этих связей лежит модальная рамка «праведное – греховное»: *Аминь, аминь – а головой в овин (т. е. на распутство).* То есть события в жизни человека, а также человеческие качества и поступки оцениваются либо как праведные, богоугодные, либо как греховные. Разумеется, что понятия праведного и греховного относятся, в первую очередь, к человеку, а потому и все описанные нами религиозные концепты русской наивной картины мира связаны с концептом *Человек*: с одной стороны, место концепта в религиозной концептосфере определяется его значимостью для человека, а с другой – с позиции религиозных ценностей в русской культуре оцениваются действия человека.

Таким образом, религиозный фрагмент русской наивной картины мира представлен в русских поговорках множеством концептов и их вербализаторов. Эти концепты тесно связаны между собой, а также с другими,

нерелигиозными концептами. Изучение религиозных концептов имеет особое значения для реконструкции русской наивной картины мира, поскольку они функционируют не изолировано, а проникают во все сферы жизни русского человека. Особая значимость пословиц и поговорок для исследования концептов русской культуры обусловлена их устойчивостью и воспроизводимостью, антропоцентричностью, обилием этноспецифической лексики, называющей объекты культуры и быта народа, наличием аксиологического компонента в их содержании, а также способностью отражать ценности и поведенческие установки народа, что обеспечивается предикативностью пословиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 1. 383 с.; Т.2. 399 с.
2. Дмитриева О. А. Об этнокультурной специфике пословиц и афоризмов // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. / ВГПУ, ПМПУ. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. С. 67 – 74.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2001. 208 с.
4. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 144 с.

О.Н.Емельянова

ЛЕКСИКА ДИАЛЕКТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

The article discusses a number of questions, concerning the reflection of the dialect's words given in the explanatory dictionaries of the contemporary Russian language. The stylistic labels used in all basic explanatory dictionaries of the Russian language are in the focus of the attention of this article.

Key words: *an words of the dialect, a stylistic label, an explanatory dictionary, a stylistic colour of the word.*

Ключевые слова: *диалектная лексика, стилистическая помета, толковый словарь, стилистическая окраска слова.*

Поскольку толковые словари русского языка являются нормативными изданиями, диалектная лексика не может быть объектом их описания: Литературный язык - основная **наддиалектная форма**. Поэтому в предисловиях и вводных статьях всех толковых словарей сообщается, что областные слова (за редким исключением) в них не включаются. Однако, несмотря на нормативный характер, каждый толковый словарь содержит

некоторую часть лексики диалектного происхождения. Ф.П.Филин в работе «О новом толковом словаре русского языка» писал: «Естественно, что в новом словаре не должно быть диалектизм (может быть, только за исключением тех слов, которые стоят на грани общенародного и локального употребления)» [Филин, 1957. С. 257]. С.И.Ожегов в статье «О трех типах толковых словарей современного русского языка», определяя задачи большого словаря, отмечал: «Большой словарь с возможной полнотой включает лексику художественных и общественно-публицистических произведений XIX - XX вв., широко отраженную (систематически употребляемую) в художественной и отчасти в публицистической литературе, *областную речь* (выделено нами - О.Н.) и просторечие разных типов, как выразительные средства литературного языка [Ожегов, 1981. С. 250]. Некоторые лингвисты даже утверждают, что словарей литературных языков без диалектной лексики нет и не может быть в принципе (Партенадзе). Поэтому вопросы отбора этой лексики находятся в центре внимания специалистов.

О.Г. Порохова в статье «Областная лексика в словарях русского литературного языка» пишет: «в толковых словарях <...> областные слова помещались эпизодически и отбор их случаен. Он преследовал две цели: теоретическую (выделение среди областной лексики слов, которые могут проникнуть в литературный язык) и справочную. Теоретические основы и методика выделения таких слов еще не разработаны. Почти совсем не изучена история слов, вошедших в литературный язык из говоров. Долго не было критериев различения областных и общенародных слов» [Порохова, 1975. С. 111]. Она отмечает, что при отборе областной лексики толковые словари русского языка руководствуются двумя критериями: «1) частотой использования слова в литературе (как правило, художественной) и 2) шириной его употребления в говорах» [там же]. Но эти критерии, по ее справедливому замечанию, сомнительны, поскольку: «1) в художественную литературу областные слова попадают лишь эпизодически и, прежде всего, с художественной целью <...> для создания определенного местного колорита. Вопрос о характере бытования областной лексики в художественной литературе имеет больше отношение к изучению языка писателей, чем к изучению судьбы областной лексики в литературном языке в целом; 2) широта же использования слова в говорах совсем не является показателем его актуальности для литературного языка» [там же. С.113].

В толковых словарях представлены не только полные диалектизмы, но и диалектные значения многозначных слов. По мнению М.Х.Партенадзе, «введение в словарь литературного языка диалектных значений общенародных слов является по существу одним из путей расширения круга многозначных лексем в составе литературного языка, если диалектные и литературные значения рассматриваются как значения одной лексической системы. Если же считать их значениями разносистемными, тогда мы не вправе оставить их в одной словарной статье; такие

многозначные, условно, словарные единицы, по нашему мнению, следует «расщеплять» на самостоятельные слова: значение литературное оформить как единицу литературного языка, диалектное значение - как единицу диалектную или как диалектизм и, соответственно этому, последнюю поместить или в словаре языка писателя, или в региональном диалектном словаре, или, наконец, в словаре литературного языка, но в последнем случае снабдив пометой «обл.» (областное)» [Партенадзе, 1978. С. 87]. Обратимся непосредственно к словарям. Первый из них (по времени возникновения) Словарь Ушакова - во вступительной статье «Как пользоваться словарем» доводит до сведения пользователей, что «Согласно с намеченной задачей словаря, в него, как правило, не входят некоторые категории слов. Так, за некоторыми исключениями, *не входят слова местные, или областные* (выделено нами - О.Н.) <...> Но многие из них широко распространены и полезно было поместить такие слова в словарь» [СУ. С. 21 - 26].

Большой академический словарь во Введении указал на то, что «в Словаре находят место те областные, провинциальные слова, которые являются материалом общенационального языка, а не достоянием только местных говоров. Сюда прежде всего относятся слова, широко распространённые в разных говорах или в фольклоре, а оттуда проникающие и в художественную литературу, как, например: *посконная рубаха, баять, оброть, коваль, мизгирь, булатный нож, косячатое окошко, поленница* и др.; сюда же относятся слова, отражающие бытовую, хозяйственную и культурную стороны жизни крестьян и выходящие за пределы узкоспециального и местного значения: *матица, закута, лядина, выть, огрех, обжа, огрѣбки*» [БАС, т.1. С. 5 - 6]. Во втором издании словаря помета (*обл.*) «ставится при тех словах и значениях слов, употребление которых ограничено рамками одного или нескольких местных говоров русского языка. При использовании в художественной литературе эти слова сохраняют свой диалектный характер» [БАС-2, 1991. С. 10].

Словарь Ожегова также предупреждает: «В соответствии с задачами словаря в него, как правило, не помещаются <...> местные, диалектные слова, если они не используются достаточно широко в составе литературного языка как выразительное средство» [СО. С. 4]. Эту установку естественно продолжает Словарь Ожегова и Шведовой, но с некоторым уточнением: «В соответствии с задачами словаря в него, как правило, не помещаются <...> местные, диалектные слова и значения, если они не используются достаточно широко в составе литературного языка как выразительные средства или как слова, приобретающие терминологический характер и используемые достаточно широко не в узкоспециальных сферах» [СОШ. С. 6].

Авторы Малого академического словаря также сообщают: «В соответствии с задачами Словаря в него не входят: а) областные слова, за исключением тех, которые достаточно широко представлены в художественных произведениях различных авторов или обозначают предметы, явления, понятия, особенно важные и характерные для жизни,

быта и т.д. населения той или иной области и широко известные за ее пределами» [МАС. Т.1. С. 7].

Все проанализированные нами словари, описывающие лексику диалектного происхождения, для её характеристики используют одну специальную помету «*обл.*» (областное), которая выполняет несколько очень разных функций: 1) этимологическую, поскольку указывает на происхождение слова; 2) теоретическую - выделяет среди областной лексики слова, которые могут проникнуть в литературный язык; 3) справочную, т.к. разъясняет значения необщепонятных для носителей литературного языка слов; 3) запретительную, потому что предупреждает о запрещении стилистически нейтрального употребления слова в литературном языке; 4) функционально-стилистическую, показывающую, что слово принадлежит к выразительным средствам художественной литературы (хотя не входит в литературный язык). При этом иногда доминирует стилистико-этимологическая функция пометы (*обл.*), а иногда - стилистико-функциональная.

Значительная часть диалектизмов в словарях имеет при себе кроме пометы (*обл.*) еще одну или две пометы. Среди вариантов сочетания помет в Малом академическом словаре, например, встречаются: (*устар. и обл.*) - 111 единиц (*батажсьё, боле, взрачный, далече, кат, кресало, лепота, паужин, помочь, прозор, свичай, складень, ухожсье, ухитить*); (*прост. и обл.*) - 33 единицы (*гагакать, байка, батька, глазастый, гоношить, завсе, женихаться, знамо, калёный, сгоношит, спечь, тятя*); (*спец. и обл.*) - 18 единиц (*бахтарма, ватажный, кореннойз, обегайка, ожеледь, папуша, хайло₁*); (*нар.-поэт. и обл.*) - 5 единиц (*грай, кровинка₂, молодица, присуха, стёжка²*); (*с.-х. и обл.*) - 5 ед. (*выгреб₂, избоина, переярок, ухвостье, хряк*) и некоторые другие. В Словаре Ушакова наиболее частотны сочетания помет (*простореч. обл.*): *али, бог`атее, барахло, басурман, впервинку, вострый, вона, вчерась, голодовка, дарм`а, девонька* и мн.др.; (*разг. обл.*): *батрачить, брыкун`ья, вспучить/ваться, вызимовать, выставной* и под.; (*устар. обл.*): *батажсьё, высевок, глум, горшеня* и (*спец. обл.*): *болона, бондарня, вага, выплыв* и т.п.. Часто вместо общей пометы (*спец.*) в таком сочетании используются конкретизирующие пометы: (*с.-х.*), (*тех.*), (*охот.*) и мн. др.: *вага (обл. спец.), бороздильник (обл. с.-х.), варочный (обл. тех.), лежбище (обл., охот.)* и т.д.

Совмещение при одном слове помет (*обл.*) и (*прост.*), (*обл.*) и (*разг.*) многие исследователи называют существенным недостатком толковых словарей. О невозможности совместного употребления данных помет писал еще Ф.П.Филин в статье «Заметки по лексикологии и лексикографии»: «двойная помета «*прост. и обл.*», впервые появившаяся в Словаре под ред. А.А.Шахматова и принятая последующими словарями, основана на недостаточно четком представлении о природе диалектизма, на смешении понятий «ненормативное», «внелитературное» и «диалектное»» [Филин, 1957. С. 53]. На самом деле «границы между просторечной и диалектной

лексикой четки и определены: просторечные слова общерусского распространения, они входят в словарный состав общенародного языка, а диалектные - территориально ограничены и не входят в состав общенародного языка» [Балахонова. 1982. С. 22]. Именно на этом основании двойная помета (*прост. и обл.*) или (*разг. и обл.*) в нормативных словарях лишена смысла, поскольку каждый из ее компонентов с точки зрения «стилистического кодекса» общенародного языка исключает другой. С нормативной точки зрения, слово является либо просторечным (или разговорным), т.е. общенародным, либо диалектным, т.е. территориально ограниченным. С этим трудно не согласиться. Более того, развивая данную мысль, мы можем утверждать, что и сочетание помет (*обл.*) и (*книжн.*) также недопустимо (или, как минимум, некорректно). Поскольку слово либо входит в литературный, нормированный язык (а книжное слово не может не входить в литературный, нормированный язык), либо не входит в него. Примеров такого сочетания помет много, например, в Словаре Ушакова: *глубь* (*книжн. обл.*), *зелье₁* (*книжн., обл.*). Можно было бы предположить, что, используя составную помету (*книжн. обл.*), авторы словаря в некоторых случаях имели в виду, что книжная на момент создания словаря лексема пришла в литературный язык из диалектной, областной речи, и помета (*обл.*) в таком случае выполняет этимологическую функцию, но во избежание недопонимания и путаницы такое сочетание могло бы иметь другое выражение, например (*книжн., прежде обл.*) или (*обл., теперь книжн.*), - по аналогии с используемыми в словарях составными пометами (*устар., теперь ирон.*) и под. Но для сочетания помет (*книжн. и обл.*) данное объяснение не подходит, а между тем в СУ эта странная квалификация сопровождает целый ряд лексем: *всклочивать, захудать, излучина, лёт* и др. В любом случае эти вопросы требуют, с нашей точки зрения, разъяснения в Предисловии или в специальном теоретическом вступлении к словарю.

Соединение помет (*устар.*) и (*обл.*), по мнению исследователей, указывает на изменение стилистического статуса слова, а именно - переход нейтрального в прошлом слова в состав диалектной лексики современного языка [Балахонова, 1982]. Так, например, двойная помета (*устар. и обл.*) при слове *кресало* (*стальная пластинка для высекания огня из кремня; огниво*) в МАС указывает, с одной стороны, на то, что это слово употреблялось нейтрально и широко в прошлом, с другой стороны, на то, что в современном языке оно сохранилось только в говорах. Тогда, вероятно, сочетание (*устар. обл.*) говорит пользователю словаря о том, что слово является исчезающим, устаревающим диалектизмом. Например, *казаковать* в СУ - *быть казаком, заниматься казацким делом (обл. устар.)*.

Количественные показатели присутствия диалектизмов в исследованных нами словарях таковы: «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н.Ушакова описывает более 4500 лексических единиц, имеющих помету (*обл.*). Среди них более 3000 слов и около 1500 отдельных значений и

оттенков значений многозначных слов. Кроме того, более 70 диалектизмов, включённых в СУ, - это устойчивые выражения (*с виру и с болота, выбить дорогу, дуван дуванить, сняло живой рукой, играть песни, куда зря, наставить самовар, красный петух, набрать на стол*) и около 200 единиц - диалектные грамматические (или орфоэпические) формы слов (*медяной* и (обл.) *медяный*; *нашест* и (обл.) *нашесть*; *настрогать* и (обл.) *настругать*; *обобратить* и (обл.) *обрать*; *п`етьелька* и (обл.) *пет`елька*; *поднеб`есье* и (обл.) *подн`ебесье*). Напомним, что всего в словаре описано 85 289 слов (не считая более 5000 отсылочных).

Другой словарь среднего типа - Малый академический словарь, содержащий более 90 000 слов (т.е. больше, чем в СУ), включает в шесть с половиной раз меньше диалектных единиц - 670 ед., имеющих помету (обл.). При этом полными диалектизмами (помета «обл.» относится к слову в целом) являются 472 единицы (71%): *балакать, беремья, векша, домовина, добре, дымокур, задворок, залавок, заплот, кочет, купава, мга, мурло, нехай, обабок, огородинка, паужин, примак, сусек, худоба* и др., а частичными / неполными (помета относится к одному из значений многозначного слова) - 197 единиц (29%): *балаган₁, веришить₃, выпасть₆, кликать₄, кровинка₂, лежак₂, летник_{3,1}, перемёт₃, помочь₂, рыбалка₄, секира₂* и др. В одном случае помета относится к оттенку значения: *простенок* // (обл.) *перегородка, переборка* (в Словаре Ушакова таких случаев более 100). В двух случаях - к идиомам: *знамо дело, ходором ходить* (в СУ, повторим, диалектизм - устойчивых выражений более 70). 491 единица в МАС имеет при себе только помету (обл.) - 73%: *бугай, буерак, взвар, голица, гайтан, догляд, жниво, загнетка, изволок* и т.д.. Оставшиеся лексемы имеют еще одну (174 ед.) или две (7 ед.) пометы: *взбодрить* (прост., устар. и обл.), *баять* (прост. устар. и обл.), *утица* (обл. и нар.-поэт. и устар.), *гуня* (устар. нар.-поэт. и обл.), *поколе* и *поколь* (разг., устар. и обл.) и др.

Как видим, процент присутствия лексики диалектного происхождения в толковых словарях современного русского языка среднего типа многократно снизился. А «Большой толковый словарь русского языка» под ред. Кузнецова (также являющийся словарём среднего типа), повторим, вообще от неё отказался. В этом словаре не используется помета (обл.), но комментарии и ремарки, используемые при толковании некоторых лексем, характеризуют их именно с точки зрения ареала употребления. Например: *Дубок₂* (нар.-разг.) - *На юге России: большая дубовая долблёная лодка, челн.*

Сокращение количества диалектизмов, включаемых в толковые словари литературного языка и даже отказ некоторых словарей от этой лексики объясняется, вероятно, несколькими одновременно действующими причинами: изменением стилистического статуса части диалектизмов - их переходом в просторечие, разговорную речь (*балакать, баламут, б`аловать, братан, внучок, вякать, защёлка, квёлый, кожанка, конопатый* и т. д.) или даже в нейтральный словарный фонд языка (*брусничник, ежевичник, бублик, дублёнка, казан, мангал, калиновый,*

кислое молоко, крутой кипяток и мн. др.); устареванием (*кика, лихвенный, ploженный* и *ploжённый* и др.) и, как следствие, невключением в следующие по времени создания, более современные словари другой части диалектизмов; просто более строгим отбором этой лексики в словари литературного языка (исключением из них таких лексем, как *азям, зуй, индо, кеньги, канчук, морцо, очкур* и т.п., описанных в СУ) и, наконец, глобальными процессами, происходящими в самом общенациональном языке, а именно - исчезновением, постепенным «растворением» в нём диалектов и говоров (связанном, например, с ростом уровня образования носителей языка, тотальным распространением влияния СМИ и другими причинами).

В Словарь Ожегова включено всего 44 диалектизма: 26 слов и 14 лексем (отдельных значений многозначных слов). В двух случаях диалектными словарь называет формы слова: *вечереть* // (обл.) *завечереть*, *выделить*₁ // (обл. и спец.) *выдел*. Дважды помета относится к идиомам: *драть зерно, играть песни*. 40 единиц имеют только помету (обл.), 4 единицы имеют еще одну помету: (спец. и обл.) - *выдел*, (стар и обл.) - *зелье*₁, (устар. и обл.) - *змей*₁, *сам*₄.

Словарь Ожегова и Шведовой включает в 5 раз больше диалектизмов, чем Словарь Ожегова (214 единиц), хотя также является словарем малого типа и фактически продолжением ожеговского словаря. В нём 154 полных диалектизма, 51 частичный диалектизм, 6 идиоматических выражений диалектного происхождения и 6 диалектных форм слов.

Мы сравнили толкования некоторых диалектизмов, данные в толковых словарях, с толкованиями этих же лексем в «Словаре русских народных говоров» АН СССР (далее - Словарь говоров или СРНГ), и оказалось, что не всегда зафиксированные толковыми словарями значения содержатся в Словаре говоров. Так, например, *обечайка* в МАС: *боковая стенка различных цилиндрических или конических сосудов, барабанов, труб* (в СУ данное значение не зафиксировано, в СО и СОШ такого слова нет), а в Словаре говоров: 1. *Обот, обруч, надетый на бочку*; 2. *Вешалка для рукомошника*; 3. *Коробка из листового железа вокруг жернова, чтобы мука не разбрасывалась в стороны*. Слово *ряшка*₁ в МАС: *банная шайка*, в СУ: *шайка, ведёрко* (в СО и СОШ данной лексемы нет), а в СРНГ: 1. *Старая рваная одежда, тряпка*; 2. *Сушеная рыба (обычно мякоть рыбной спинки, нарезанная полосками)*. *Редина*₂ в МАС: *не заросшее деревьями и кустарниками место в лесу* (в СУ данное значение не зафиксировано, в СО и СОШ такой лексемы нет), а в СРНГ: 1. *Состояние чего-либо редкого, жидкого, неплотного*; 2. *Неплотная, редко сотканная ткань*; 3. *Ячея рыболовной сети* и т.д.

Это лишь некоторые примеры, которые говорят о том, что при вхождении в литературный язык диалектное слово может трансформироваться не только функционально стилистически, но и семантически.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балахонова Л.И. К вопросу о статусе просторечной и диалектной лексики // Вопросы языкознания. 1982. № 3. С. 108.
2. Ожегов С.И. О трёх типах словарей современного русского языка // Березин Ф.М. История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка. Хрестоматия. Культура речи. М.: Высшая школа, 1981. С. 248 – 255.
3. Порохова О.Г. Областная лексика в словарях русского литературного языка // Современная русская лексикография / Отв. ред. А. М. Бабкин. Л.: Наука, 1975. С. 111 – 120.
4. Филин Ф.П. Заметки по лексикологии и лексикографии (некоторые вопросы подбора слов для большого Словаря русского языка АН СССР) // Лексикографический сборник. М.: Ин-т языкознания, 1957. Вып. 1. С. 58 – 62.
5. Филин Ф.П. О новом толковом словаре русского языка // АН СССР. Серия литературы и языка. 1963. Т. XXII. Вып. 3. С. 117 – 189.

СЛОВАРИ

6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. 900 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. 944 с.
8. Словарь русских народных говоров. АН СССР / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. М.–Л.: Наука, 1965 (издание продолжается).
9. Словарь русского языка. АН СССР: в 4 т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. М., 1981 – 1984. Т. 1. 696 с.; Т. 2. 736 с.; Т. 3. 750 с.; Т. 4. 800 с.
10. Словарь современного русского литературного языка. АН СССР. Т. 1–17. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950 – 1965.
11. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935 – 1940.

М. И. Жадлун

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ВОДА» В РУССКОЙ НАИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА

The paper presents the results of linguistic representation of the concept of WATER in Russian naïve worldviews (based on the Russian proverbs).

Key words: language worldview, concept, proverb.

Ключевые слова: языковая картина мира, наивная картина мира, концепт, паремии.

Лингвистика конца XX в. ознаменовалась введением в свой понятийный аппарат термина «картина мира». Картина мира в самом общем виде представляет собой целостный образ мира, складывающийся в сознании человека в процессе познавательной деятельности. «Языковая картина мира – это совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе его (народа) развития» [Попова, Стернин, 2007. С.54]. Данная картина мира, с одной стороны, «оказывается самой стабильной и устойчивой, ибо язык сохраняется веками, изменяясь лишь незначительно» [Апресян, 1995. С.42], с другой стороны, она «ограниченная и наивная, поскольку не передает полностью ту картину мира, которая есть в национальном сознании, так как язык называет и категоризирует далеко не все, что есть в сознании народа» [Попова, Стернин, 2007. С.54].

Языковая картина мира отражается в ключевых словах культуры – концептах, посредством которых возможна её реконструкция. Так, по принадлежности к определенным группам носителей концепты бывают универсальные или общезыковые (*вода, солнце, земля, родина*) и национальные (*духовность, смекалка, авось*). Рассмотрение общезыковых культурных концептов на материале одной культуры позволяет более глубоко проникнуть в национально-языковую картину мира, однако выявление ее специфики предполагает сопоставительный аспект.

Целью данного исследования является изучение способов языковой репрезентации концепта ВОДА в русской наивной картине мира. Исследование проводилось на материале двухтомного сборника пословиц В. И. Даля, так как именно пословичный фонд русского языка наиболее ярко отражает наивную картину мира русского народа.

Руководствуясь тем, что вода относится к универсальным, ключевым категориям культуры любой нации и принадлежит сознанию каждой языковой личности, мы относим воду к общечеловеческим концептам.

В ходе анализа языковой репрезентации концепта ВОДА нами использован подход В. И. Карасика [Карасик, 2002. С.154], в соответствии с которым в структуре концепта выделяется понятийная, образная и ценностная сторона.

Понятийная сторона концепта ВОДА складывалась веками в процессе познания окружающего мира, в частности, в результате наблюдений за качествами, свойствами воды. Накопленные знания и представления о воде передавались устным и письменным путем из поколения в поколение.

В «Современном толковом словаре русского языка» [Кузнецов, 2004. С.84] отмечаются следующие значения лексемы «вода», которые в свою очередь отражаются в поговорках: 1. Прозрачная бесцветная жидкость, представляющая собой химическое соединение водорода с кислородом: *Буря в стакане воды* [Даль-1. С. 38]¹. 2. Водный раствор каких-либо веществ, применяемый в лечебных косметических целях: *Мартовская вода целебная* [Даль-2.С. 305] или как напиток: *Спит, как маковой воды напившись* [Даль-2.

С.24]. 3. Водное пространство моря, реки, его поверхность, уровень: *Черного моря не переехать* [Даль-2. С.50], *Волга всем рекам мать* [Даль-1. С.270].

Вода-стихия является одним из важнейших элементов картины мира русского этноса. Согласно народным представлениям и верованиям славян, вода – стихийная сила, сотворенная Богом: *Божья вода по божьей земле бежит* [Даль-1. С.23], *На воду сердиться грех: это дар Божий* [Даль-1. С.47], *Пущен корабль на воду – сдан богу на руки* [Даль-1. С.38].

В паремиях также отражен взгляд славян-язычников на миропорядок, который образно воспроизводится через соотношение с различными природными стихиями, где воде отводится ведущее место: *Огонь – царь, вода – царица, земля – матушка, небо – отец, ветер – господин, дождь – кормилец, солнце – княгиня* [Даль-2. С.340].

Понятийная сторона концепта проявляется и при сопоставлении характеристик одного концепта по отношению к другим концептам.

Вода – связующая стихия, она находится во взаимодействии с другими стихиями. Так, вода наряду с огнем – могучая сила, которой следует подчиняться (*С огнем, с водой не дружись* [Даль-2. С.340], *Подле огня обожжешься, подле воды обмочишься* [Даль-2. С.340]), но тем не менее: *Огонь беда, и вода беда, а без огня и воды и пуще беды* [Даль-1. С.346]. Огонь и вода выступают в пословицах не только как неподвластные, враждебные человеку стихии (*С огнем, с водой не поспоришь* [Даль-2. С.340], *Огню да воде бог волю дал* [Даль-1. С.38]), но и как своеобразные помощники: вода и огонь очищают человека от грехов: *Огонь чистит, вода моет* [Даль-2. С.78].

Русские паремии отражают и различие между водой и огнем, показывая их как противоборствующие друг с другом силы (*Огонь не вода – пожитки не всплывают* [Даль-2. С.346], *Муж с огнем, жена с водой* [Даль-1. С.357]), причем вода чаще оказывается победительницей: *Вода всему господин: воды и огонь боится* [Даль-2. С.345].

Помимо указанной диады «огонь – вода» в паремиях наблюдается и диада «хлеб – вода», которая является символом:

- достатка (*Хлеб да вода – блаженная еда* [Даль-2, С.255]);
- благополучия (*Покуда есть хлеб да вода, все не беда* [Даль-2. С.255]);
- уважительного отношения к компонентам данной диады (*Хлеб – батюшка, водица – матушка* [Даль-1. С.255]);
- бедности (*Хлеб с солью, да водица с голью* [Даль-1. С.118], *Богато живут – с плота воду пьют* [Даль-1. С.77]).

Жизненные наблюдения за водой способствовали выработке у человека двойственного отношения к ней. С одной стороны, вода воспринимается как губительная, опасная стихия: *Путь водою проходит бедою* [Даль-1. С.217], *Вода и мельницу ломает* [Даль-2. С.340], *Воды и царь не уймет* [Даль-2. С.273]. С другой стороны, поставленная на службу человеку, вода представляется как нечто безвредное, безобидное, полезное (*Что за беда,*

коли пьется **вода** [Даль-1. С.146], *Холодна вода не мутит ума* [Даль-2. С.260], *Сколько воды не пить, а пьяну не быть* [Даль-1. С.353]), а также как священное, почитаемое (*Плевать на воду – все равно, что матери в глаза* [Даль-2. С.352]).

По замечанию А. В. Костина, подобная противоречивость – свидетельство диалектичности в восприятии реальной действительности, свойственной русскому человеку [Костин, 2007. С.274].

Формирование образной стороны концепта ВОДА происходит в результате эмпирического опыта и выделения следующих характеристик воды:

– зрительных (прозрачность): *Всяк уста, где вода чиста* [Даль-1. С.134], *Как чиста вода, это так, чтобы глаза мои были чисты* [Даль-1. С.318];

– температурных: *От жару и вода кипит* [Даль-2. С.273], *Холодная вода не мутит живота* [Даль-2. С.260];

– вкусовых: *Был я у друга, пил я воду слаще меду* [Даль-2. С.227], *Нет питья лучше воды, как перегонишь ее на хлеб* [Даль-2. С.243];

– звуковых: *Тихая вода берега подмывает* [3, 140], *Тише воды, ниже травы* [Даль-1. С.134];

– пространственных: *Размахнуло широко, почерпнуло глубоко, да та ж вода* [Даль-2. С.199], *Кругом вода, а в середине беда* [Даль-1. С.269];

– физических свойств (пластичность): *Воду толочь – вода и будет* [Даль-1. С.352], *Вода с водой не как с горой сливается* [Даль-1. С.53].

Кроме того, репрезентация образного компонента концепта ВОДА в наивной картине мира сопровождается использованием различных художественно-изобразительных средств и приемов, которые отражают образное восприятие действительности. Широко применяются многочисленные метафоры как при характеристике самой воды, например, при ее олицетворении

(*Квас принял воду в дом, а вода квас и выжила вон* [Даль-1. С.103], *Вода путь найдет* [Даль-2. С.336]), так и при описании с помощью концепта ВОДА различных явлений, понятий, в частности времени (*Еще до той поры много воды утечет* [Даль-1. С. 230], *Уплыли годы, как вешние воды* [Даль-1. С.279]). Это объясняется наличием у них общего признака – текучести: текущая или движущаяся вода – буквальное материальное воплощение идеи движения, изменчивости всего сущего, а изменчивость измеряется временем.

Использование сравнений позволяет на основе общего признака сопоставить воду с кем /-чем-либо, с каким-нибудь явлением (*Водой плывучи, что со злою женою живучи* [Даль-1. С.217] – как по воде трудно плыть, так и вместе со злою женою тяжело жить; *Деньги, что вода. Богатство – вода: пришла и ушла* [Даль-1. С.62] – как не задерживается вода в водяных часах, так и деньги не задерживаются в руках человека; *Как чиста вода эта, так чтобы глаза мои были чисты* [Даль-1. С.319] – сопоставляется чистота и прозрачность воды с чистотой глаз человека).

Не менее частотным изобразительным средством в паремиях является антитеза, фигура, основанная на резком контрасте. При этом одним из компонентов антитезы нередко выступает лексема «вода»: *Жнут порою, а едят с водою* [Даль-1. С.65] – можно предположить, что речь идет о том, что крестьянин много и тяжело работает, но бедно живет, так как его труд ему не принадлежит; *Лаком гость к меду, да пить ему воду* [Даль-2. С.272] – противопоставления меда (достатка) и воды (бедности); *Не море топит корабли, а ветры* [Даль-1. С.142] – противопоставление природных стихий.

Особое место среди средств художественной изобразительности отводится символу. Так, в народной культуре **море** и **река** представляются символом рубежа, отдаляющего человека от далекой, чужой ему жизни: *Живет за рекой, а к нам ни ногой* [Даль-1. С.232]; *Лежит на боку да глядит за реку* [Даль-2. С.11]; *За морем и синица птица* [Даль-1. С.75].

Как видно из приведенных примеров, художественные средства в пословицах используются не столько для украшения речи, сколько для воплощения того или иного содержания.

Ценностный компонент концепта ВОДА проявляет себя в том, что последний является средством характеристики человека. С его помощью описываются самые разные человеческие качества – от положительных, одобряемых народом до отрицательных, осуждаемых и порицаемых:

1) умственные способности: *С ним говорить, что решетом воду носить* [Даль-1. С.168], *Дурака учить, что на воде писать* [Даль-1. С.342];

2) сила, выносливость: *На нем хоть воду вози* [Даль-1. С.309], *Сучек в кулаке сожмет, так вода пойдет* [Даль-1. С.309];

3) осторожность: *Ожегся на молоке, станешь дуть и на воду* [Даль-1. С.164], *Ходи, как линь по дну, и водой не замути* [Даль-1. С.197];

4) слабыхарактерность (отсутствие собственного мнения): *По чьей воде плыть, того и волю творить* [Даль-1. С.168], *Люди – Иван, и я Иван; люди в воду – и я в воду* [Даль-2. С.136];

5) жадность: *В воде по горло, а пить просит* [Даль-1. С.354];

6) упрямство: *Ерема в воду, Фома ко дну: оба упрямы, со дна не бывали* [Даль-2. С.160].

Общеизвестно, что вода – один из самых древних и универсальных сакральных символов. Так, вода и поныне остается основным атрибутом таинства крещения. Это подтверждает, например, пословица *С Нового году всех в воду* [Даль-2. С.210], в которой описывается процесс погружения в воду во время крещенского обряда. Народные верования славян гласят: окунаясь в святую воду во имя Христа, человек не просто «смывал» с себя грехи, он символически умирал для старой жизни, возрождаясь к новой. Вода также наделялась целебными свойствами: *От крику детей окачивают водой на родимом месте* [Даль-2. С.78], *Мартовская вода целебная (из мартовского снега). Она же от веснушек и загара* [Даль-2. С.305].

В сознании славян водная стихия воспринималась и как магическая. Такая семантика реализуется в ритуально-магических действиях с водой,

например, в гадании (нашим предкам представлялось, что, глядя в воду, можно предугадать будущее – *Как в воду глядишь и кажется* [Даль-2. С.374]), в магии (*Мертвой водой окропишь – плоть и мясо срастаются, живой водой окропишь – плоть оживает* [Даль-2. С.381]), в заговорах (*Разбейся, кувшин, пролейся, вода, пропади, моя беда!* [Даль-2. С.115]).

Значимая сторона концепта отражается и в тех поговорах, которые содержат в себе элементы народных примет: *Много снегу – много хлеба; много воды – много травы* [Даль-2. С.326], *Пузыри на воде к ненастью* [Даль-2. С.337], *Ранняя весна – много воды* [Даль-2. С.335], что свидетельствует о восприятии воды как вещи стихии.

Результаты проведенного исследования концепта ВОДА в русских поговорах позволяют утверждать, что поговорки представляют огромный интерес для изучения наивной языковой картины мира. По выражению В. И. Даля, они воплощают «ходячий ум народа», поэтому предоставляют возможность познания специфики национальной культуры русского этноса, его менталитета, особенностей восприятия и осознания действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37 – 67.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 1. 383 с.; Т. 2. 399 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
4. Костин А.В. Способы концептуализации обиходно-бытовых понятий в разножанровых произведениях В.И. Даля (на материале концепта «вода»): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Иваново, 2002. 20 с.
5. Современный толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. М.: Языки славянской культуры, 2004. 688 с.
6. Попова З.Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: Аст, Восток-Запад, 2007. 314 с.

Н.А. Мартьянова

**ПОЛЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ
С ИНТЕГРАЛЬНОЙ СЕМОЙ «СИНИЙ» В КОНТЕКСТЕ
СИСТЕМЫ ЭЛОКУТИВНЫХ СРЕДСТВ (НА МАТЕРИАЛЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.И. КУПРИНА)**

The paper analyses coloratives and elocutives with the integral seme “синий” (“blue”) in the aspect of semantic and structural–functional organization of elocution. This approach reveals the semantic peculiarities of coloratives, characterizes their pragmatic, stylistic and functional significance in texts of Russian literature, and defines their aesthetic influence on a reader by creating vivid images leading to the growth of communicative expressive power.

Keywords: color elocution, color nomination, semantic and structural–functional field, contamination, convergence of tropes and speech figures with color nominations, expressive and nominative function of color nominations.

Ключевые слова: цветообозначения-элокутивы, цветообозначения-номинативы, семантико-структурно-функционального поле, контаминация, конвергенция цветовых тропов и фигур, экспрессивная, номинативная функции цветообозначений.

Языковая система – это целостное образование, которое состоит из множества сложным образом связанных между собой и взаимообусловленных элементов [Русский язык, 2001. С. 16]. К настоящему времени сложилось большое количество способов организации языковых единиц в внутри этой системы, одним из них стало описание языковых знаков в рамках полевого подхода. Как считают лингвисты, полевая модель утверждает представление о языке как системе подсистем, между которыми происходит взаимодействие и взаимопроникновение. По этой модели язык предстает как функционирующая система, в которой происходят постоянные перестройки элементов и отношений между ними. В процессе полевого структурирования раскрываются диалектические связи между языковыми явлениями и внеязыковой действительностью, механизм этой связи и его закономерности, выявляются особенности языкового сознания, раскрываются его национально-специфические черты [Полевые структуры..., 1989. С. 7].

Полевый подход имеет множество интерпретаций, в том числе активно используется при описании изобразительно-выразительных средств, так как сейчас специальное внимание уделяется созданию воздействующей речи. Например, по принципу поля описаны экспрессивные синтаксические конструкции, в основе которых лежит градация [Сковородников, 1981]. Рассмотрена система стилистических фигур (в широком смысле), построенных по принципу контаминации, на разных уровнях языка и речи (фонетическом, лексическом, фразеологическом, грамматическом, текстовом) в аспекте теории функционально-семантического поля экспрессивности [Пекарская, 2000]. Смоделировано семантико-структурно-функциональное поле тропеических фигур, построенных по принципу

сравнения [Лопаткина, 2004]. Зафиксировано элокутивное поле лексических окказионализмов [Грищева, 2006]. Проанализировано семантико-структурно-функциональное поле стилистических фигур, построенных по принципу контраста [Егорченко, 2006] и т.д.

Мы продолжаем исследования в этой области и предпринимаем попытку полевого описания цветообозначений. Отметим, что подобного рода работы уже существуют. Например, представлено семантическое поле цвета в русском языке в синтагматическом аспекте [Дивина, 1996]. Описано лексико-семантическое поле цвета и света в лирике Б.Л. Пастернака [Губенко, 1999]. Зафиксировано функционально-семантическое цвето-световое поле в лирике И. Северянина [Карташова, 2004]. Рассмотрено семантическое поле цветообозначений в рамках диахронического подхода [Кезина, 2005].

Вместе с тем мы не встретили научных работ, в которых бы проводилось комплексное изучение цветообозначений в рамках теории поля. Кроме этого, нами не было обнаружено источников, рассматривающих цветообозначения в качестве элокутивов (цветовых тропов и цветowych фигур), способствующих формированию прагматически значимого высказывания. Поэтому предметом настоящей статьи мы избираем цветообозначения с общей семой «синий», функционирующие в художественном тексте в прямом (цветообозначения-номинативы) и переносном (цветообозначения-элокутивы) значении, целью же работы ставим анализ данных единиц в рамках семантико-структурно-функционального поля речевых экспрессивных средств с выделением микро- и макрополей. Заметим, что полевое описание цветообозначений позволит выявить их семантическую специфику; охарактеризовать прагматико-стилистическую функциональную значимость на уровне текста, в частности, художественного; определить степень эстетичности воздействия текста на читателя через создание ярких образов, повышающих коммуникативную экспрессию.

Лингвистическое наблюдение проводится на материале произведений А.И. Куприна таких, как «Яма», «Поединок», «Юнкера», «Листригоны», «Белый пудель», «Молох» и др., из которых нами было отобрано около 200 репрезентаций цветолексемы с общим значением «синий».

Прежде чем перейти к описанию заявленной структуры, разъясним некоторые понятия.

Семантико-структурно-функциональное поле речевых экспрессивных средств, трактуем, в след за И.В. Пекарской, как совокупность языковых единиц (слов, словосочетаний), объединенных на основании общности структуры, а также выполняемых функций [Пекарская, 2000].

Отметим, что о семантико-структурно-функциональном поле цветообозначений мы заявляли в свое время [см. Мартьянова, 2007]. В основу указанного типа поля положены следующие критерии: 1) семантический (переносное или прямое значение цветового слова); 2)

структурный («чистые» – единичные, без наложения цветовой элокутивы, представляющие однокомпонентные тропофигуральные образования; цветовой элокутивы, полученные в результате контаминации (наложения), конвергенции (взаимоследования), представляющие двухкомпонентные либо многокомпонентные тропофигуральные структуры); 3) функциональный (экспрессивная или номинативная функция цветообозначений), определивший все остальные.

Компоненты семантико-структурно-функционального поля цветообозначений будут располагаться на разном удалении от ядра в зависимости от степени проявления в них экспрессивности. Заряд экспрессивности уменьшается от ядра к периферии и, наоборот, увеличивается от периферии к ядру. В ядро входят цветовой тропофигуральные многокомпонентные образования, возникшие в результате контаминации или конвергенции цветовой тропов и фигур, выполняющих общую экспрессивную функцию с такими частными, как характерологическая (во всех разновидностях), образная и др. Изменение одного из параметров, по которым характеризовались эти единицы, приведет к изменению положения в пределах поля. Так, на периферии 1 будут находиться гипертропы или гиперфигуры многокомпонентные по структуре, образованные в результате контаминации (наложения тропов и фигур), конвергенции (следования тропов и фигур друг за другом в речевой цепи). Такие средства реализуют общую экспрессивную функцию с частными – характерологической (во всех разновидностях), образной др. Периферию 2 составят неконтаминированные цветовой тропы или фигуры с вышеназванными функциями. На периферии 3 будут располагаться цветообозначения-номинативы (цветообозначения, употребленные в прямом значении), служащие для выделения предмета из ряда подобных и обладающие наименьшим экспрессивным зарядом.

Языковой материал позволил нам сделать вывод о существовании цветовой семантико-структурно-функционального макрополя и цветовой семантико-структурно-функциональных микрополей. Цветовое макрополе будем понимать вслед за Ю.А. Карташовой как совокупность лексических единиц разной грамматической природы, разной степени связанности и свободы, лексикализованности и фразеологизированности, содержащих сему цвета [Карташова, 2004. С. 8]. Это поле составляют общеупотребительные, стилистически нейтральные, узуальные цветообозначения, т.е. прилагательные цвета русского языка, в которых сема цвета обнаруживается в их словарных дефинициях в качестве ядерной: красный, белый, черный, синий и голубой, зеленый, желтый, серый и др. [Карташова, 2004, С. 8]. В соответствии с этими цветообозначениями выстраиваются микрополя. Цветовое микрополе – это лексические единицы различных частей речи, организованные особым образом, содержащие интегральную сему с определенным цветовым признаком в эксплицитном или имплицитном виде

[Карташова, 2004. С. 8]. Цветовые микрополя являются составляющими частями цветового макрополя.

Далее представим описание семантико-структурно-функционального микрополя цветообозначений с общим значением «синий», органично входящего в макрополе «цвет». В целом же эти типы полей включены в систему элокутивных средств, которую наряду с цветообозначениями образуют изобразительно-выразительные средства, паремии, окказионализмы и другие реалии.

Цветообозначение «синий» имеет окраску одного из основных цветов спектра – среднего между фиолетовым и зеленым [Ожегов, Шведова, 1999. С. 718]. Слово «синий» является основным для обозначения этого цвета, в синонимическом ряду, включающем такие единицы, как кубовый, васильковый, индиговый, ультрамариновый, сапфировый и др., играет роль доминанты. Цветообозначение «голубой» трактуется как светло-синий, цвета незабудки [Ожегов, Шведова, 1999. С. 137]. Синонимами этого слова становятся лазурный, лазоревый, бирюзовый, небесный и др. Наличие общего семантического компонента в этих лексемах позволяет отнести их (и синонимичные им единицы) к одному микрополю «синий».

Цветообозначения с интегральной семьей «синий» А.И. Куприн использует для характеристики различного рода психологических (радость, волнение, влюбленность) и физиологических (болезнь, алкоголь, тяжелая работа и силовые нагрузки, повреждения каких-либо органов.) состояний действующих лиц. Активен синий цвет в описании внешности героев (волос, глаз, век, губ и др.), его одежды и обуви, предметов быта, а также природных объектов (воды, звезд, снега, неба и др.).

Микрополе «синий» образуют единицы разных лексико-грамматических классов. Например: качественные простые прилагательные (синий, синеватый, голубой, лазоревый и др.); относительные простые прилагательные, перешедшие в разряд качественных со значением цвета (васильковый); сложные качественные прилагательные (синеглазый, темно-синий, темно-синеватый, блекло-голубой, густо-голубой и др.); глаголы, глагольные формы (синеть, синеющий, синеть, посинеть, поголубеть и др.); существительные (синяк, синева, голубизна и др.).

Цветообозначениям со значением «синий» присуща как номинативная функция, так и экспрессивная, последнюю реализуют тропофигуральные средства. Следует отметить, что элокутивные колоративы могут быть однокомпонентными или многокомпонентными.

Учитывая названные особенности, проиллюстрируем примерами, как заполняются зоны поля.

В ядерной зоне располагаются единицы следующего типа:

(1) *Ромашов Шурочке:– Вы сегодня необыкновенны. Что с вами? – спросил он шепотом.*

Она вдруг ответила с каким-то наивным и кротким удивлением:

-Я вам говорю, что не знаю. Я не знаю. Посмотрите: небо голубое, свет голубой: и у меня самой какое-то чудесное голубое настроение, какая-то голубая радость! Налейте мне еще вина, Ромочка, мой милый мальчик... (Поединок). Многокомпонентная тропофигура, состоящая из фигуры-фокуса позиционно-лексического повтора и усиливающих ее эпитетов *голубое небо, свет голубой* и метафорического эпитета, взаимодействующего с перифразом *голубое настроение*, выполняет экспрессивную функцию. Такое средство передает необычное, романтическое настроение героини, ее загадочность.

(2) *А над темными кустами и над синеватыми шапками дальних лесов возвышался <...> Ай-Петри – такой легкий, резкий, воздушный, как будто он вырезан из гигантского куска серебряного картона (Белый пудель).* Метафорический эпитет *синеватыми*, метафорический эпитет *серебряного* в составе сравнения образуют антитезу *синеватыми шапками – из серебряного картона*. В данном примере многокомпонентный элокутив реализует ряд функций таких, как экспрессивную с частными характерологической (пейзажной) и образной.

(3) *Ромашову всегда чужлось в его [Осадчего] прекрасном сумрачном лице, странная бледность которого еще сильнее оттенялась черными, почти синими волосами, что-то напряженное, сдержанное и жестокое, что-то присущее не человеку, а огромному зверю (Поединок).* В данном примере взаимосвязаны градация и эпитеты *черными, синими волосами*. Описанное тропофигуральное средство способствует созданию образа офицера, участвует в портретной зарисовке. Таким образом, можно говорить о том, что для стилистического приема типична экспрессивная характерологическая, а также образная функции.

Охарактеризуем периферию 1:

(1) *Густой табачный дым казался небесно-голубым в тех местах, где его прорезывали, стремясь из окон, наклоненные снопы весеннего солнца (Поединок).*

(2) *Его невольно и как-то печально поразило: какая малая кучка сверстников собралась в голубой просторной комнате <...> (Юнкера).*

Метафорический эпитет *небесно-голубой дым* (см. пример 1) и метонимический эпитет в *голубой комнате* (см. пример 2) вводятся писателем с целью характеристики помещений, в которых развиваются события. Следовательно, указанным гипертропам присуща экспрессивная функция в такой разновидности, как характерологическая.

(3) *Впрочем, надо сказать он пользовался в самом деле большим успехом у женщин. Швейки, модистки, хористки и телефонные барышни таяли от пристального взгляда его тяжелых, сладких и томных черно-синих глаз (Яма).* Цветообозначение *черно-синих* является оксюморонным эпитетом, выполняющим портретную функцию в рамках общей экспрессивной функции. Гипертроп позволяет писателю создать образ привлекательного мужчины, обратить внимание на яркую черту его внешности.

Опишем периферию 2:

(1) Он [Ромашов] дунул сверху в стекло. Пугливый **синий** огонек умер, и сразу в комнате стало темно и тихо, и тотчас же торопливо и громко застучал на столе не замечаемый до сих пор будильник (Поединок).

(2) Он [Петерсон] еще издали неестественно улыбался своими **синими**, облипшими вокруг рта губами (Поединок).

(3) За Анненгофскую рощу удирали отчаянные храбрецы ранней весной, чтобы выкупаться в студеной воде узенькой речушки Синички и выскочить из нее, **посинев** от холода, лязгая зубами и трясясь всеми суставами (Юнкера).

В приведенных иллюстрациях можно зафиксировать различное проявление экспрессивной функции. В примере (1) эпитет *синий огонек* включается автором в описание помещения. Эпитет *синими губами* в примере (2) характеризует внешность мужчины, кроме этого, колоратив также свидетельствует о расстройстве здоровья героя. Гипербола *посинев от холода* в примере (3) отражает физиологическое состояние действующего лица, которое возникает под влиянием природных факторов.

Периферия 3 представлена колоративами-номинативами. Приведем примеры:

(1) Классная дама в **темно-синем** платье, со множеством перламутровых пуговиц на груди и рыбьим холодным лицом, глядит на него издали тупым, ненавидящим взором мутных глаз (Юнкера).

(2) На самом конце его [поезда] был прицеплен длинный, блестящий свежей **синей** краской служебный вагон, к которому устремились все встречающие (Молох).

(3) И опять появляется на сцене **синее** эмалированное ведро, и опять поют песни, похожие на рев зимнего урагана в открытом море (Листригоны).

Таким образом, мы предприняли попытку описания цветообозначений в аспекте поля, в основе которого лежат структурный, семантический и функциональный критерии. Усиление экспрессии связано с уровнем сложности и многокомпонентности элокутивных образований, их взаимоналожением. Чем больше компонентов представлено в элокутиве, тем они сложнее, тем уровень экспрессии выше и прагматический заряд ярче. Структурно-семантическое усложнение элокутивной единицы влечет за собой усиление ее функциональных (эмоционально-экспрессивных) характеристик, что продвигает эту единицу от периферии к ядру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грищева Е.С. Структурно-семантическое и функциональное описание лексических окказионализмов в рамках теории элокутивного поля: Дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2006. 232 с.

2. Губенко Е.В. Лексико-семантические поля цвета и света в лирике Б.Л. Пастернака: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 22 с.
3. Дивина Е.А. Синтагматика семантического поля цвета в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1996. 19 с.
4. Егорченко О.Н. Стилистические фигуры в современном литературном языке: семантико-структурно-функциональная характеристика: Дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2006. 221 с.
5. Карташова Ю.А. Функционально-семантическое цвето-световое поле в лирике И. Северянина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бийск, 2004. 23 с.
6. Кезина С.В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект). Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2005. 313 с.
7. Лопаткина С.В. Контекстуальное взаимодействие тропов в современном русском языке (на материале художественной и публицистической речи): Дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2004. 217 с.
8. Мартыанова Н.А. Полевое описание элокутивных колоративов (на материале произведений А.И. Куприна): Дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2007. 177 с.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
10. Пекарская И.В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка: в 2 ч. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2000. Ч. 1. 248 с.; Ч. 2. 344 с.
11. Полевые структуры в системе языка / Под ред. З. Д. Поповой. Воронеж: Изд-во Воронеж гос. ун-та, 1989. 198 с.
12. Русский язык: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. Л.Л. Касаткина. М.: Академия, 2001. 768 с.
13. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981. 256 с.

Е.С. Степанова

ПОЛЕВАЯ СТРУКТУРА ФРАЗЕОЛОГИЗМА «СТАРАЯ ДЕВА»

This article is devoted to semantics of phraseological unit «an old maid» by method of semantic field. The central seme is 'old unmarried woman'; behavioral descriptions are on the periphery.

Key words: *Semantics, semantic field, an old maid.*

Ключевые слова: *Семантика, семантическое поле, старая дева.*

Описание семантики языковых единиц всегда было объектом внимания лингвистов. В последние десятилетия активно применяется метод семантического поля при изучении как отдельных грамматических категорий, так и лексических единиц.

Термин «функционально-семантическое поле» впервые в русском языкознании был применен в функциональной грамматике. Ввел его А.В. Бондарко. Учёный применял этот термин для описания содержания грамматических категорий языка. Функционально-семантическое поле является также и методом, который помогает вычленивать в языковом явлении центр и периферию [Бондарко, 1984. С. 26].

Несмотря на то, что А.В. Бондарко применял этот термин к грамматическому уровню языка, ряд ученых (в их числе А.А. Залевская, Н.И. Мазай, З.Е. Фомина и др.) использовали этот термин по отношению к лексическим единицам языка. А.А. Залевская исследовала детскую речь и сделала вывод о том, что «ребенок усваивает сначала ядерные компоненты значения, а затем – периферийные» [Залевская, 1989. С. 55], Н.И. Мазай исследовала семантическое поле лексемы «род», в которое вошли все русские родовые термины, такие как «теща», «невестка», «золовка» и другие [Мазай, 2008. С. 13-14].

В данной работе представлена попытка исследования семантического поля фразеологизма «старая дева». Материалом для моего исследования послужили 12 словарей (из них 8 фразеологических и 4 толковых), контексты художественной литературы, взятые из Национального Корпуса русского языка и данные эксперимента, о котором будет сказано ниже.

Начнем со словарей.

В результате анализа словарных статей было выявлено два основных значения фразеологизма – немолодой возраст и отсутствие мужа. Эти значения можно отобразить на рисунке (1):

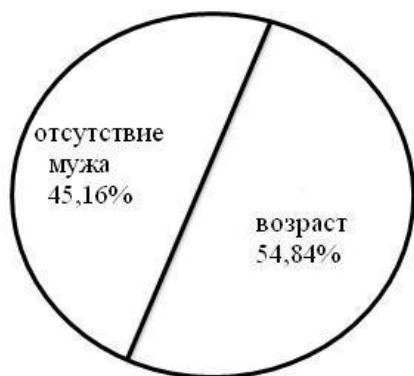

Рис. 1. Значение фразеологизма «старая дева», по данным словарей.

Как видно из схемы, основная сема, представленная в словарных статьях, – возраст старой девы.

Из Национального корпуса русского языка были выбраны фрагменты текстов, содержащие в себе анализируемый фразеологизм. Были выбраны контексты за последние 60 лет, то есть с 1941 года. Выборка составила 156 текстов. Фрагменты дали следующие результаты (см. рис.1).

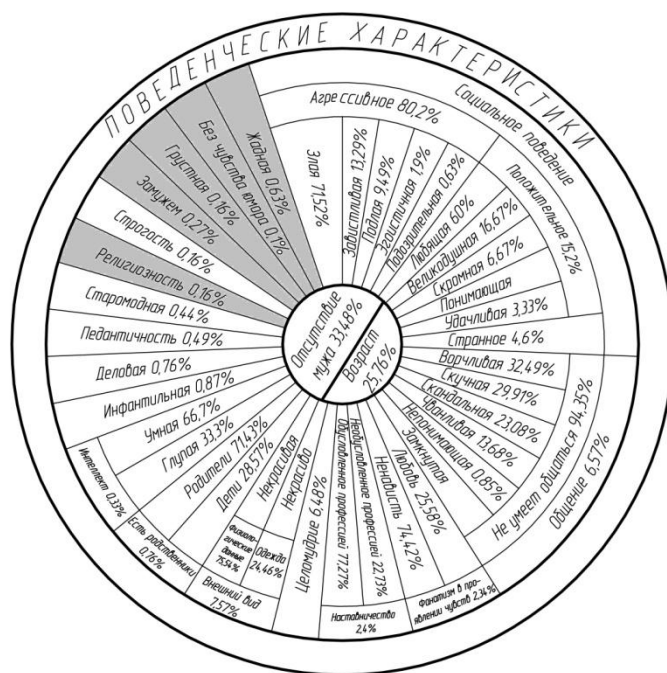

Рис. 2. Семантическое поле фразеологизма «старая дева», по данным фрагментов из Национального корпуса⁵.

Тезис о том, что старая дева – это немолодая женщина, не бывавшая замужем, подтвердился в ходе исследования. Но результаты анализа показывают, что этими значениями не исчерпывается значение «старой девы». Важную роль в семантике фразеологизма играют и поведенческие характеристики.

Рассмотрим для подтверждения некоторые примеры:

*Нигде больше не было такого количества **старых дев**, как среди преподавателей филфака, – это представлялось несправедливым* (Н. Горланова, «Филологический амур», 1980).

Данный пример отражает основную профессию старой девы – она педагог. Причем, что интересно, чаще всего преподаватель языка и литературы (был найден только один пример «учитель географии», всего примеров со значением «педагог» – 21).

*Лялина мать была членом партии, она эвакуировалась одна, оставив дочку у сестры, **старой девы**, злой и замкнутой, – учительницы немецкого языка* (А. Кузнецов, «Бабий яр», 1965-1970).

В данном случае старая дева также преподает язык, но при этом актуализируются ее поведенческие характеристики: она злая и общаться с людьми не хочет.

*Омерзительная **старая дева**, пытаюсь скрыть болезненное любопытство под маской приторного доброхотства, опиралась на свой тощий, как трость, зонтик (крупа только что прекратилась, бочком выскользнуло холодное, мокрое солнце)* (В. Набоков, «Лолита», 1967).

⁵ Серым цветом выделены нетипичные семы. Такие значения встречаются редко не только в художественных текстах, но и в других источниках.

Этот пример показывает негативные характеристики старой девы – она и омерзительная, и лезет не в свое дело.

*Это была очень некрасивая женщина, **старая дева**. (З. Масленикова, «Жизнь отца Александра Меня», 1992).*

Старая дева – женщина некрасивая. Не было найдено ни одного примера, в котором отмечалась бы красота старой девы.

Из приведенных примеров видно, что основная профессия старой девы – это педагог. И поведенческие характеристики у нее тоже в основном отрицательные. Но старая дева не так плоха, как о ней думают. Она способна и помогать людям, и любить.

*В это же самое время, то есть к шести вечера, обычно возвращалась наша соседка справа, **старая дева**, особа добрейшая, обладательница самой просторной во всей квартире комнаты, которую она добровольно отдавала под чью-нибудь свадьбу, под именины, под проводы в армию... (М. Палей, «Поминование», 1987).*

Этот пример демонстрирует нам великодушие старой девы – она «безвозмездно, то есть даром» сдает свою комнату.

*Одна лишь Лидия Трофимовна, религиозная **старая дева**, фанатически обожавшая Александра Семеновича, считала своим долгом растить мальчика, пока хватит сил... (С. Аллилуева, «Двадцать писем другу», 1963).*

В данном случае старая дева отдает все силы на то, чтобы вырастить ребенка. Значит, старая дева способна на любовь. Дети у старых дев всегда приемные, так как своей семьи у них нет, а значит, и детей тоже.

В ходе исследования был проведен психолингвистический эксперимент. В эксперименте принимали участие 360 человек в возрасте от 15 до 79 лет. Респондентам было предложено ответить на 3 вопроса:

1. Какие значения, с вашей точки зрения, имеет выражение «старая дева».
2. Приведите примеры употребления выражения «старая дева» (любые).
3. Укажите слова или сочетания слов, близкие по смыслу выражению «старая дева» (синонимы).

В целом результаты эксперимента могут быть представлены в рисунке (3):

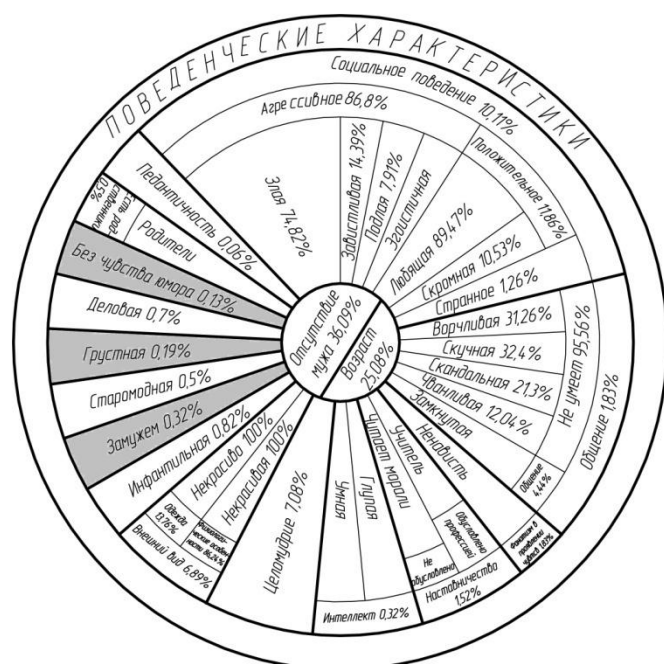

Рис. 3. Семантика фразеологизма по данным психолингвистического эксперимента.

Центральными семами являются «возраст» (от 30 по результатам опроса) и «отсутствие мужа», как и в предыдущих случаях.

В ответах на первый вопрос респонденты предлагали такие дефиниции: «женщина средних лет, не имеющая семьи», «незамужняя женщина в преклонном возрасте», «дама, не вышедшая замуж в свое время», «незамужняя женщина, без детей». Эти примеры отражают центральные семы «старой девы»: зрелый возраст и отсутствие мужа. Таких примеров больше всего.

Иногда встречались и «нетипичные» ответы: «сначала карьера, потом семья», «стерва, синий чулок», «незамужняя сварливая женщина с тяжким характером», «злая тетка, одинокая», «больная незамужняя женщина», «одинокая женщина за 30, без детей, держит кошек, много читает, изучает литературу». Все эти примеры актуализируют поведенческие характеристики старой девы. Значит, важным в представлении носителей языка о старой деве оказываются не только отсутствие у нее супруга и возраст, но и поведение.

В ответе на второй вопрос респонденты приводили контексты употребления фразеологизма «старая дева». Респонденты отождествляли старую деву со своими учителями, коллегами, соседями и просто знакомыми, иногда просто употребляли местоимение «она»: «она старая дева», «моя учительница старая дева», «Мария Ивановна – старая дева», «моя соседка – старая дева» и т. д.

Иногда респонденты показывали, что может делать старая дева, какие функции в обществе она выполняет – в большинстве своем такие употребления эксплицируют сему «наставничество»: «старая дева вечно читает нам морали», «старая дева учила детей с утра до ночи», «старые девы любят всех поучать» и др.

Во ответах на второй вопрос было достаточно много (почти треть) реакций, которые можно описать формулой «глагол или прилагательное» + союз «как» + «старая дева». Например, «ведет себя как старая дева», «одевается как старая дева», «ты говоришь как старая дева». Видно, что центральные семы (возраст и отсутствие мужа) уходят в пресуппозицию и актуализируются периферийные смыслы: внешний вид, коммуникабельность, поведенческие характеристики.

В третьем вопросе респондентом предлагалось привести синонимы. Реакции были самые разные. Были такие, которые отражали ядерные значения: «старая», «старуха», «безмужница», «холостая» и другие. Некоторые люди показывают, что не совсем точно понимают, кто такая старая дева. Это подтверждается словоупотреблениями, которые нельзя отнести к центру или периферии, такими, как «человек», «женщина». Таких синонимов приведено было немного, в общей сложности не более 2%.

Встречались и весьма оригинальные ответы: «одиноким тополь», «дикобразка», «Шапокляк», «волк», «близок локоток да не укусишь», «*homo homini lupus est*», «кровопийца», «комар», «феминистка», «ночь», «ненависть», «вдова», «училка», «сова», «ворона», «слишком разборчивая», «старуха Изергиль» и другие. Эти примеры отражают периферийные значения фразеологизма. Таким образом респондент пытался донести, какой смысл он вкладывает во фразеологизм помимо основного. Этих примеров мало, но они ценны именно тем, что демонстрируют периферийные значения, которые были отражены и в художественных текстах, и в других вопросах анкеты.

Интересно, что в числе прочих синонимов было 14 примеров употребления слова «векша» (респонденты – люди старше 35 лет). Словарь С.И. Ожегова свидетельствует: «Векша – то же, что белка». Можно, конечно, предположить, что респонденты сравнивают старую деву с белкой, но скорее всего перед нами пример народной этимологии: лексемы «векша» и «вековуша» людьми признаются тождественными в силу их сходного звучания. Вековуша – это синоним старой девы (по С. И. Ожегову).

В целом, по результатам эксперимента, анализа художественных текстов и словарных статей, можно выявить центральные и периферийные семы фразеологизма «старая дева», которые представлены на рисунке (4):

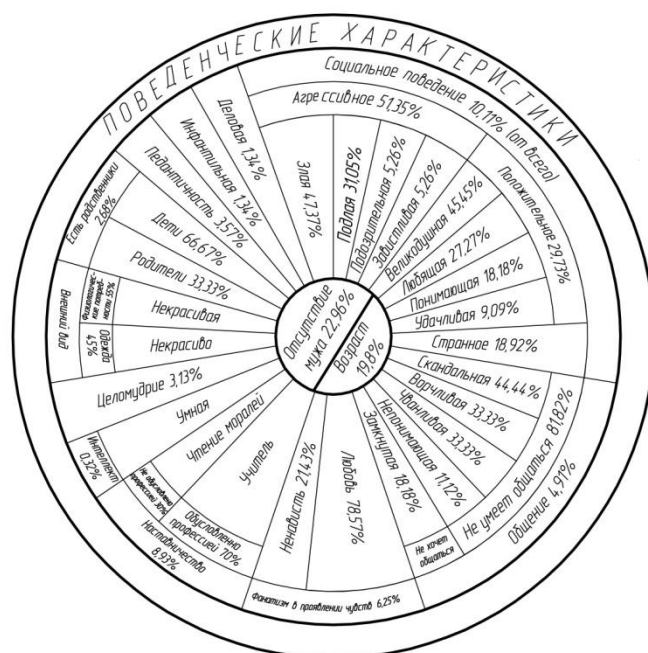

Рис. 4. Семантическое поле фразеологизма по данным словарных статей, художественных текстов и психолингвистического эксперимента.

Базовыми семами являются «возраст» и «отсутствие мужа». Поведенческие характеристики оказываются на периферии.

Таким образом, мы видим, что современные словари не вполне точно отражают значение фразеологизма, указывая только значение «незамужняя женщина в возрасте». Семантика фразеологизма гораздо шире.

Два основных значения старой девы могут быть выведены из формы фразеологизма – старая и дева. Лексема «старая» не нуждается в представлении ее семантики, а «дева», согласно словарю С.И. Ожегова, лицо женского пола, достигшее половой зрелости, но еще не вступившее в брак. Таким образом, мы получаем эти 2 значения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 352 с.
2. Залевская А.А. Детская речь: проблемы и наблюдения // Полевые структуры в системе языка / Под ред. З.Д. Поповой. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. С. 32 – 58.
3. Мазай Н.И. Семантическое поле «род» в русском фольклоре: былины, лирические песни, паремии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2008. 24 с.

Е.А. Штейнгарт

**МОТИВАЦИОННЫЕ СЛОВАРИ В РУССКОЙ
ЛЕКСИКОГРАФИИ**

The most important motivological dictionaries in Russian lexicology are described. The article presents the conception of Motivological dictionary of the special lexicon, used by personnel of Krasnoyarsk aluminium plant. The dictionary can be characterised as a new type of terminological dictionary.

Ключевые слова: лексикография, словарь, мотивированность, профессиональный жаргонизм.

Мотивационные словари – редкий жанр русской лексикографии. Первым и самым известным является «Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья» под редакцией О.И. Блиновой [Томск: Изд-во Томского университета, 1982. Т. 1: А – О; 1983. Т. 2: П – Я]. Его назначение – «представить в лексикографически обработанной форме мотивированные слова диалекта во всем разнообразии и сложности их мотивационных связей с другими словами, которые обнаруживает реальная речевая действительность» [МДС, Т. I, 1982: 6]. Словарь представляет мотивированные слова группы говоров, близких по структуре и принадлежащих к одному диалектному типу – типу старожильческого сибирского говора. Словарная статья словаря состоит из трех частей. Первая часть включает заглавное слово, его грамматическую характеристику и толкование лексического значения. Вторая часть включает сведения о мотивирующих единицах заглавного слова (его лексических и структурных мотиваторах с указанием статистических сведений о количестве зафиксированных случаев актуализации мотивационных отношений по данным использованных источников словаря). В третьей части словарной статьи представлен иллюстративный материал, отражающий актуализацию мотивационных отношений заглавного слова в речи. Например:

КЕДРОВНИК, а или у, м. Кедровый лес.

ЛМ: кедр (кедер, кедрa) (37) и – кедровый (8).

СМ: еловник ‘еловый лес’ (6), пихтовник ‘пихтовый лес’ (7), березник (4), ветельник (2), ельник (1), осинник (1), тальник (3), топольник (1), черемошник (1) – названия леса.

— Кедровник берегли. Так и кричат старшие: «Не трогайте!» Лучше кедр растет на высоком месте, в бору (Колп. Колп.). Кедровник маленький был... На кедр залезет, все кедрa вокруг обобьет (Том. Верш.). В кедровых лесах много птицы водится. Много белок бьем в кедровнике (Крап. Иван.). Раньше прислоном били, а теперь не разрешают, говорят, кедровник портиться. По кедре ударишь – и падают шишка (Колп. К.-М.). Лес здесь всякий: пихтовник,

кедровник, ельник (Пар. ЧиГ.) [Мотивационный диалектный словарь, 1982, Т. 1: 153].

В одном из приложений к этому словарю представлен «Частотный мотивационный словарь: Говоры Среднего Приобья» (под редакцией О.И. Блиновой). Цель этого словаря – отразить частотность актуализации заглавным мотивированным словом отношений лексической и структурной мотивации. Словарная статья словаря включает: заглавное слово, число зафиксированных случаев актуализации мотивационных отношений слова, число актуализаций отношений лексической мотивации, количество лексических мотиваторов слова, число актуализаций отношений структурной мотивации, количество структурных мотиваторов заглавного слова. Например:

черничник 33 16(2)/17(4)

крестовка 33 13(3)/20(9) [Мотивационный диалектный словарь, 1983, Т. 2: 326].

Жанр толкового мотивационного словаря представлен во фрагменте мотивационного словаря детской речи в кандидатской диссертации К.В. Гарганеевой «Явление мотивации слов в социо-возрастном аспекте» [1999]. Словарь отражает отношения мотивации лексических единиц, лексические процессы, связанные с мотивированностью слова, в речи детей раннего, дошкольного и младшего школьного возраста. Опыт построения словарной статьи во многом заимствован у «Мотивационного диалектного словаря: Говоры Среднего Приобья». Структура статей содержит и дополнительные параметры, отражающие специфику лексического пласта детской речи. Так, например, при несовпадении значения лексической единицы в речи ребенка с кодифицированным лексическим значением слова в языке указывается узуальное лексическое значение (УЛЗ). Во второй части словарной статьи указываются не только лексические и структурные мотиваторы, но и мотивационная форма и мотивационное значение слова. Например:

СТУКАЧ. Тот, кто стучит, ударяет по чему-л., кого-л.

УЛЗ: тот, кто доносит на кого-л., «стучит».

МФ: СТУК/АЧ.

МЗ: тот, <кто> стучит.

ЛМ: стукнуть ‘ударить по чему-л., кого-л.’ и – стучать.

СМ: трюкАЧ, силАЧ (И.).

— Ты меня за что стукнул? Стукач какой! [м., 7 л.] [Гарганеева К.В., 2000: 39].

Имеется опыт составления «Словаря внутренних форм слова: Говоры Среднего Приобья». Его первая часть (А – Б) представлена в кандидатской диссертации О.В. Золотухиной «Явление варьирования внутренней формы слова в системе диалекта» [2004]. Назначение словаря – отразить речевые и узуальные ВФС. Словарная статья состоит из трех частей: зоны заглавного слова, зоны речевой ВФС, зоны языковой ВФС. Например:

САХАРНИЦА, ы, ж. Посуда для сахара.

ВФС¹   МФ: САХАРница
                       — МЗ: '[посуда] <для> сахара' [6]
ЛМ: сахар (6).

— А раньше сахару было мало. Как напьются чаю, комочек сахарку складывают опять туда же, где сахар был, — в сахарницу (Шег. Тызыр.); Сахар комочек с наперсточек откусют, чашек пять выпьют, а еще, посла в сахарницу положут (Кем. Елык.).

ВФС²   МФ: САХАР/НИЦА
МЗ: 'посуда <для> сахара' [5]
ЛМ: сахар (5).

СМ: салатница (1), селедочница (5).
— Сахарница — это вазочка под сахар, а в чем салат, винегрет ставят — это салатница, а длинненькие посудинки, тарелочки под селедку — селедочницы. Всяка посуда бывает (Зыр. Зыр.)

ВФС   МФ: САХАР/НИЦА
                       — МЗ: 'посуда <для> сахара' [Золотухина 2004: 24].

Также разработана концепция «Мотивационного диахронического словаря» и составлен его фрагмент [Курапова 2002]. В нем представлены мотивированные и полумотивированные слова русского литературного языка, их мотивационные связи и эволюция, которую претерпела внутренняя форма каждого слова. «Мотивационный диахронический словарь» является толковым узкофункциональным словарем, обслуживающим динамический аспект мотивологии. Словарная статья состоит из четырех частей. Первая часть включает заглавное слово с толкованием его лексического значения и указанием на время появления данной лексической единицы в словарном составе русского языка. Во второй части даются этимологическая и историческая справки. Третья часть представляет данные психолингвистического эксперимента. Четвертая часть содержит комментарии исследователя. В качестве примера приведем часть словарной статьи, отражающей один из вариантов этимологической версии:

СКАТЕРТЬ. Покрывало на стол.

Этим. справка: из дъскачьть (см. доска и тереть) (Ф., III, 635).

ПМЯС: не знаю [21/41]; от скатывать, скатерть после применения скатывают, сворачивают [20/41].

Комм.: демотивация (вследствие преобразований, связанных с изменением основы слова скатерть, а также образования семантической отдаленности между первичным мотиватором и самим мотиватором), тенденция к лексической ремотивации [Курапова 2002: 12].

В настоящее время имеется опыт создания мотивационно-сопоставительного словаря. Фрагмент такого словаря предлагается в кандидатской диссертации А.Д. Адиловой (на материале наименований птиц)[1996]. А.С. Филатова составила мотивационно-сопоставительный

словарь русского и английского языков на материале ТГ наименований птиц и растений [2004].

Что касается производственной лексики, то мотивационные отношения в ее сфере представлены в «Мотивационном словаре профессиональной лексики алюминиевой промышленности» (далее МСПЛАП) Е.А. Штейнгарта [2005]. Этот словарь представляет собой новый тип терминологического словаря.

Теоретическую базу МСПЛАП составляют положения и научные понятия лексической мотивологии, фундаментальная разработка которой представлена в работах О.И. Блиновой [см. Блинова 1971, 1974, 1975, 1976, 1978, 1979, 1982, 1984, 2000 и др.] и ее учеников [Адилова 1996, 1998; Демешкина 1984; Козлова 1999; Наумов 1985; Нестерова 1987; Ростова 1983 и др.].

Цель МСПЛАП – отразить в лексикографической форме рациональную связь между значением и звучанием специальной языковой единицы, устанавливаемую в сознании работника алюминиевой промышленности; показать осмысление специалистом внутренней формы профессионального наименования. По широте охвата специальной лексики этот словарь носит узкоспециальный характер, так как включает профессиональные лексемы, используемые в процессе электролитического производства алюминия на Красноярском алюминиевом заводе. По хронологической ориентации – современный. По назначению – справочный, инвентаризирующий. В нем представлен мотивационный уровень описания специальной лексики. Словарь относится к типу системных словарей, поскольку отражает эпидигматические связи слов в профессиональной речи. По своему читательскому адресу МСПЛАП – специализированный, т.к. рассчитан на специалистов в области алюминиевой промышленности, лингвистов, аспирантов, студентов филологических факультетов. По объему – малый словарь, поскольку его словник включает чуть более 200 специальных наименований. По расположению словарного материала – тематическо-алфавитный. Специальные единицы представлены по тематическим группам, таким как: наименования лиц по роду деятельности, профессии; наименования производственных процессов, явлений, технологических действий и операций; наименования приспособлений и устройств специального назначения, их частей и особенностей; наименования сырья, побочных и готовых продуктов; наименования построек и помещений специального назначения. Слова внутри тематических групп расположены в алфавитном порядке.

В основном словарь включает такие специальные единицы профессионального просторечия, как профессионализмы (например, анодка, опухоль, сатуратор и др.), профессиональные жаргонизмы (дармояд, обезьяна, параша и др.) и предтермины (ванна на вспышке, ванна на грибах, работа ванны в бок и др.). В словник вошли также и профессиональные единицы с нейтральной стилистической окрашенностью, которые имеют тенденцию перехода в состав терминологической лексики (например:

ВСПыШКА, -и, ж. Анодный эффект). В словаре имеются единицы, которые по происхождению являются профессионализмами, перешедшими в разряд терминов. Тем не менее, они продолжают активно использоваться в профессиональном просторечии (например: ОГарОК[•], -рка, м. Остаток обожженного анода). Словарь включает мотивированные, полумотивированные, немотивированные специальные единицы профессионального просторечия алюминиевой промышленности. В словнике представлены как правильноориентирующие специальные единицы, так и ложноориентирующие (глина, флотация, фтор).

Структура словарной статьи разработана с учетом опыта, представленного в «Мотивационном диалектном словаре: Говоры Среднего Приобья» под ред. О.И. Блиновой [1982, 1983] и во фрагменте «Мотивационного словаря детской речи» К.В. Гарганеевой [1999]. Словарная статья состоит из трех основных частей. Первая часть словарной статьи включает вокабулу в начальной орфографической форме с указанием ударения, ее мотивационную и грамматическую характеристики, а также толкование лексического значения. Вторая часть словарной статьи представляет описание внутренней формы слова. Она включает: а) мотивационную форму специальной единицы (МФ); б) мотивационное значение специальной единицы (МЗ); в) лексический мотиватор (ЛМ) с толкованием его значения; г) структурный мотиватор (СМ) с толкованием его значения; д) мотиватор, который имеет взаимную (разнонаправленную) мотивационную связь с исходным словом (ВМ) с толкованием его значения (в наименованиях, имеющих лексико-синтаксический тип мотивированности⁶). Третья часть словарной статьи представляет собой контексты, полученные в процессе лингвистического интервьюирования или анкетирования и подтверждающие осознание работниками алюминиевой промышленности мотивированности представленного в статье слова. В этих контекстах можно наблюдать актуализацию мотивационных отношений заголовочного слова. Примеры словарных статей:

[М] **АЛЮМИНЩИК**, -а, м. Работник, занятый в производстве алюминия.

МФ: АЛЮМИН/ЩИК.

МЗ: 'работник, <который занимается производством> алюминия'.

ЛМ: алюминий 'химический элемент'.

СМ: колокольщик 'работник, который занимается колоколом', рамщик 'работник, который занимается анодной рамой на электролизере' и др.

— Алюминщик – это тот, кто связан с производством алюминия. Это и электролизники, и литейщики по алюминию, и начальство наше. Все, кто работают на нашем заводе. Все мы алюминщики (10).

[М] **КОПЧЕНЫЙ**, -ого, м., преимущ. мн. КОПЧЕНЫЕ, -ых. Анодчик.

⁶ Составные наименования являются взаимными мотиваторами, если они образованы по одной лексико-синтаксической модели, имеют идентичный опорный компонент и реализуют один семантический образец.

МФ: КОПЧЕНЫЙ.

МЗ: 'тот, <кто покрыт копотью, как будто> копченый'.

ЛМ: копченый 'приготовленный копчением; пропитанный копотью'.

— Копченые, они же черные, обезьяны. Это анодчики, потому что по верху лазим, грязно, нефть горит, даже руки пахнут нефтью, кожа у нас черная. Вот у меня круги под глазами, черные. Руки черные от копоти, не отмываются (2). Копоть идет от анодов, пек в кожу въедается (8).

[М] **ЗАКОРМЛЕННАЯ ВАННА**. Электролизер, в котором повышено содержание глинозема.

МФ: ЗАКОРМЛЕННАЯ / ВАННА.

МЗ: 'ванна, <которую как будто> закормили'.

ЛМ: закормить 'накормить сверх меры или причинить вред излишним кормлением'.

СМ: ванна 'алюминиевый электролизер'.

ВМ: зарезанная ванна 'ванна, которую как будто зарезали'.

— Закормленную ванну часто рубили, и на ней повысилось содержание глинозема. Ванну закормили глиноземом (1).

Мотивационные словари специальной лексики необходимы для развития мотивологического направления в терминоведении, для выявления специфики терминологической мотивации. Они будут способствовать совершенствованию типологии терминов с точки зрения их мотивированности. Так, например, с помощью такого типа словаря, можно легко выявить каркас немотивированных / полумотивированных / полностью мотивированных специальных наименований той или иной профессиональной подсистемы, выделить терминологические единицы с невариантной / вариантной / вариативной внутренней формой, установить, какому типу мотивации отдается предпочтение в рассматриваемой терминологии и т.д. Также мотивационные словари могут служить базой для создания других типов словарей, например, словарей лексических мотиваторов, словообразовательных словарей, словарей терминоэлементов и др. Способы представления внутренней формы слова могут использоваться в этимологических словарях специальной лексики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

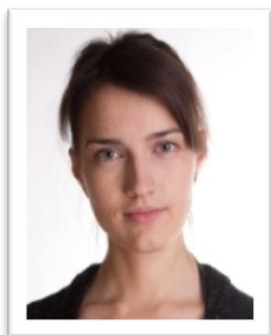
1. Адилова А.Д. Принципы мотивологического исследования и его аспекты (на материале наименований птиц): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1996. 22 с.
2. Гарганеева К.В. Явление мотивации слов в социо-возрастном аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1999. 24 с.
3. Золотухина О.В. Явление варьирования внутренней формы слова в системе диалекта: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 26 с.

4. Курапова М.Н. Источниковедческий аспект мотивологии (на материале этимологических словарей): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Томск, 2002. 22 с.

5. Мотивационный диалектный словарь / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. Т. 1 – 2.

6. Филатова А.С. Тематические группы русского языка в мотивационно-сопоставительном аспекте: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Томск, 2004. 22 с.

7. Штейнгатт Е.А. Мотивационный словарь профессиональной лексики алюминиевой промышленности. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. 82 с.

М.А. Южанникова

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ДВУСМЫСЛЕННОСТИ И СМЕЖНЫХ С НЕЙ ЯВЛЕНИЙ

The article deals with the three basic approaches to the notion of ambiguity. It illustrates the differentiations of ambiguity and relative concepts of uncertainty, homonymy, polysemy and syncretism, where ambiguity is the result, and the other linguistic phenomena – the means of its creation.

Key words: ambiguity, vagueness, homonymy, polisemy, syncretism.

Ключевые слова: двусмысленность, неопределенность, омонимия, полисемия, синкретизм.

Норму можно рассматривать с разных сторон. Например, коммуникативную норму фиксируют постулаты Г.П. Грайса, в один из которых, постулат манеры: «Выражайся ясно!», входит постулат: «Говори однозначно!». Таким образом, однозначность речи можно считать нормой. Но всегда ли мы её придерживаемся? Наблюдение за речью даёт отрицательный ответ. Требование однозначности нарушается довольно часто. В каких же случаях происходят отклонения от постулата однозначности? Либо случайно, неосознанно, когда человек ошибся, неудачно построил свое высказывание, либо специально, когда это отклонение прагматически мотивированно и, по сути, является приёмом. В обоих этих случаях нарушение постулата «Говори однозначно!» приводит к возникновению двусмысленности. Двусмысленность мы понимаем как наличие у высказывания или его фрагмента двух и более дискретных смыслов, проявляющихся одновременно или последовательно, обусловленное сочетанием некоторых языковых средств создания двусмысленности с особым контекстом.

В специальной литературе можно встретить ряд понятий, также противопоставленных однозначности и смежных с двусмысленностью,

которые иногда отождествляются с ней. Это полисемия с омонимией, синкретизм и неопределенность. Например, М.М. Филиппова приравнивает лексическую неоднозначность к полисемии, а грамматическую двусмысленность называет синонимом грамматической омонимии [Филиппова, 2007. С. 6–7]. Разграничим часто смешиваемые понятия.

Для этого в первую очередь необходимо представить три существующие подхода к понятию двусмысленности:

1) Двусмысленность – фикция. Существует точка зрения, что термин «двусмысленность» избыточен, что так как существуют понятия полисемии и омонимии, которые целиком покрывают его понятийное поле (Ю.Д. Апресян, Р.А. Будагов, А.А. Потебня, У. Эко, Н.М. Шанский и др.). Действительно, в исследованиях, проводимых в русле традиционной лингвистики, достаточно указанных понятий, но при выходе за ее рамки, в частности – в прагма- и коммуникативную лингвистику, понятий омонимии и полисемии уже недостаточно, т.к. они являются феноменами языка, но не речи.

Другие исследователи все-таки признают возможность возникновения двусмысленности в некоторых случаях, но и с их точки зрения понятий полисемии и омонимии вполне достаточно, да и те интересны лишь как явление системы языка и в речи несущественны, т.к. нейтрализуются контекстом и ситуацией. Например, А.А. Зализняк считает, что «поэтическое совмещение значений не служит аргументом против принципа, что «в норме» в каждом конкретном употреблении реализуется какое-то одно значение слова <...>: поэтический язык именно нарушает эту «норму», чем и достигается эффект» [Зализняк, 2004]. А.Н. Гвоздев также писал, что «создаваемую омонимами возможность двусмысленности не следует преувеличивать, так как слова в речи используются не изолированно» [Гвоздев, 1965], при этом замечая, что омонимы обычно (sic!) обезвреживаются контекстом. Ему вторит Л.А. Булаховский: «из контекста обыкновенно бывает ясно, <...> какое именно значение имеет то или другое омонимное слово, и серьезно угрожающие пониманию случаи в практике языка **возникают относительно редко** (выделено нами. – М.Ю.)» [Булаховский, 1953. С. 47]. Еще дальше пошел А.В. Исаченко, утверждая, что для коммуникантов проблемы омонимии (и следовательно – двусмысленности) не существует. Из приведенных точек зрения видна их противоречивость, т.к. обычно не значит всегда, а упоминание редкости возникновения двусмысленности лишь подтверждает ее существование.

2) Все языковые выражения двусмысленны. Некоторые исследователи, такие, как, например, Л.Г. Ким, считают, что «каждое речевое произведение (текст) содержит потенциал множественности интерпретации» [Ким, 2010. С. 39]. С ней согласна А.А. Зализняк «Количество логически мыслимых (но в контексте реального речевого акта по тем или иным причинам неуместных и тем самым нормально сразу отвергаемых) пониманий у практически любого высказывания просто поражает воображение» [Зализняк 2004: 25]. И.В. Арнольд также говорит о неполной элиминации всех значений слова,

несмотря на то, что контекст реализует лишь одно из них. Эти значения существуют неким ассоциативным фоном, что оставляет «возможность одновременной реализации двух значений – контекстуального и отраженного» [Арнольд 1981: 121]. Но анализ фактического материала показывает, что в действительности слово имеет столько значений, а высказывание имеет столько смыслов, сколько позволяет контекстом. Т.е. в контексте, не допускающем несколько смыслов у высказывания, слово или фраза будут пониматься единственным образом, более или менее точным. В связи с этим вызывает вопросы вторая часть вывода, сделанного Л.Г. Ким в результате проведенного ею эксперимента по выявлению двусмысленности фразы. После получения от испытуемых нескольких вариантов толкования фразы «*Раскапывайте погребенных в земле слепых исполинов*» она пишет: «актуализованная в каждом толковании единственность смысла представляет собой реализацию одного из множества потенциальных семантических вариантов в их качественном разнообразии, что доказывает объективную способность языкового знака реализовать (в том числе в пределах одного речевого выражения) множественность смыслов» [Ким, 2010. С. 42]. Первая часть вывода справедлива, но во второй части не упоминается главенствующая роль контекста в реализации указанной способности языкового знака. Результаты эксперимента доказывают способность реализовать множественность смыслов лишь конкретной двусмысленной фразы, а не языкового знака вообще. Поэтому вывод о том, что «любое языковое выражение, в том числе состоящее из общеупотребительных лексических единиц, построенное по законам грамматики, обладает потенциалом амфиболического функционирования и смысловой вариативностью» [там же. С. 43], кажется чересчур обобщающим.

Существует и третий подход к пониманию двусмысленности:

3) Двусмысленность порождается определенными средствами в определенном контексте (как лингвистическом, так и экстралингвистическом). Причем упомянутые нами ранее полисемия с омонимией, синкретизм и неопределенность как раз и являются такими средствами. Данную точку зрения разделяет, например, Ю.Д. Апресян, который пишет, что: «возможность двоякого осмысления <...> не зависит ни от лексической многозначности входящих в них слов, ни от синтаксической неоднозначности лежащих в их основе конструкций, а создается в предложении определенной совокупностью языковых средств, каждое из которых в отдельности может быть совершенно однозначно» [Апресян, 1971. С. 509]. Далее он приводит примеры речевой двусмысленности, которые порождаются лексической многозначностью, что еще раз подтверждает правильность отнесения полисемии к явлениям языка, а двусмысленности – к явлениям речи. Ср. с точкой зрения Хосперса, который писал: «слово не двусмысленно само по себе, оно используется для двусмысленности: оно двусмысленно, когда невозможно понять из контекста, в каком из значений оно сейчас используется» [Hospers, 1989. С. 14]. Р.А. Будагов также говорит о

родо-видовых отношениях двусмысленности и полисемии: «неоднозначность слова в речи сопоставима с многозначностью слова как единицы системы языка и, более того, на нее опирается [цит. по Литвин, 2005. С. 8]. Сам Литвин, говоря, что «актуальная неоднозначность слова в речи есть результат взаимодействия структуры содержания слова с реальным контекстом, окружением, способствующим или препятствующим (с точки зрения адресата) реализации разных языковых потенциалов слова» [Литвин, 2005. С. 8], подтверждает внешний характер двусмысленности по отношению к значению слова. Полисемия и остальные явления – лишь потенциалы, тогда как двусмысленность – реализация.

Двусмысленность создается нейтрализацией оппозиции «многозначность/однозначность» посредством устранения разрешающей функции контекста, при этом такое устранение является лишь кажущимся, так как для создания двусмысленности необходим специфический контекст, который в большинстве случаев создается намеренно. Т.е. утеря контекстом его разрешающей функции приводит к случайной двусмысленности, а создание такого контекста, в котором этой разрешающей функции заведомо не было бы, порождает двусмысленность преднамеренную. Двусмысленность – контекстно-зависимый феномен: практически любое явление языка в определенном контексте может порождать двусмысленность. Это происходит, когда контекст либо неспособен обусловить выбор одной из возможных интерпретаций, например: *Перед тем как надеть новые туфли, нанеси на проблемные места гигиеническую помаду: так ты снизишь риск натирания* либо снимает возможность выбора не сразу. Анализ фактического материала показывает, что слово имеет столько значений, а высказывание имеет столько смыслов, сколько позволяет контекст. Т.е. в контексте, не допускающем несколько смыслов у высказывания, слово или фраза будут пониматься единственным образом, более или менее точным. Подкрепим высказанные положения анализом фактического материала. I. В первую очередь проиллюстрируем разницу между двусмысленностью и полисемией с омонимией.

1) Мага окружили враги. Он выбросил руки вперед. Глагол «выбросил» – многозначный, но в данном контексте двусмысленности нет. Мы легко «предсказываем» дальнейшее: маг использует какие-то магические пассы руками, враги повержены. Но рассмотрим такой контекст: Мага окружили враги. Он **выбросил** руки вперед. Они с глухим звуком упали на землю. Амфиболическое совмещение в местоимении они двух возможных денотатов (враги/руки) запускает двусмысленное прочтение фразы, где актуализируется второе значение глагола выбросил. Контекст утрачивает свою разрешающую функцию.

2) Вчера в театре оперы и балета пропала кроличья шапка. В этой фразе полностью реализуется разрешающая функция контекста, двусмысленности нет, и даже грамматическая полисемия неочевидна. Но при небольшом дополнении первое предложение шуточного объявления читается совсем по-

другому: Вчера в театре оперы и балета пропала **кроличья** шапка. Верните, а то кролик мерзнет! (КП. 21-28.06.2005).

3) *Женщины – это не слабый пол* – фраза однозначна несмотря на наличие омонимов у существительного *пол*. Мы ожидаем, что в продолжении фразы будет отрицаться характеристика пола, не слабый, а сильный или что-то подобное. Но Ф. Раневская продолжает *слабый пол – это гнилые доски* (Ф. Раневская) и омонимическая потенция реализуется в двусмысленность.

4) Рассмотрим два совершенно нормальных, однозначных предложения с омонимом «отстаивание»: Далее начинается типичное для науки, но каждый раз драматическое для реальной жизни размежевание, поиск, опробование и отстаивание своих путей; Сточная вода из жилого дома попадает в септик, здесь происходит ее отстаивание и частичное сбраживание, а затем она естественным образом доочищается в системе. Предложение с этим же омонимом, но в контексте, порождающем двусмысленность: После отстаивания правды обычно остается неприятный осадок (Комок. 2005. № 26).

5) Фраза – *Ты натура утонченная, папа твой в посольстве служит дипломатом!* вряд ли покажется кому-нибудь двусмысленной, но в особом контексте реализуется омонимия слова *дипломат*: *Крокодила-мама укладывает крокодильчонку-дочку спать и поет ей колыбельную: – Ты натура утонченная, папа твой в посольстве служит дипломатом!* (Fishki.net).

II. Наиболее сложно дифференцировать двусмысленность и неопределенность, которая часто трактуется как «размытость содержания». Неопределенность – не наличие возможности нескольких дискретных интерпретаций у высказывания, а неточность границ понятия. В данном случае мы просто не стоим перед выбором той или иной интерпретации, т.к. для понимания текста достаточно и самого общего представления.

6) А.А. Горячев приводит в своей статье рекламный слоган «Росагроэкспорт. Сырок, который мы любим!», задаваясь вопросом, кто понимается под словом «мы»: сотрудники Росагроэкспорта или потребители? [Горячев 2012: 198]. В данном случае нет оснований делать выбор лишь из двух вариантов. Это типичный пример неопределенности, где «мы» может относиться и к жителям России, и к тем, кто помнит вкус советских высококачественных сырков и т.д. Контекст не позволяет нам выделить лишь два взаимоисключающих понимания.

7) Рассмотрим диалог в аське. Его первая фраза кажется довольно обычной. Мы понимаем фразу, не зная, намеренно ли описанное действие или нет, не стоя перед выбором. Но продолжение диалога формирует такой контекст, который демонстрирует, что подобная неопределенность может привести и к двусмысленности.

helboof: а вот у меня соседи с утра пораньше Паваротти слушают...)
nosfiratys: helboof, хороший дом, если в одном подъезде рядом оказались люди

которые слушают Паваротти и люди, которые на слух определили исполнителя

helboof: *nosfiratys*, честно скажу, я не знаю, определили ли соседи Паваротти на слух, но они явно его слушают, ну если на работу не успели еще убежать)))

nosfiratys: helboof, тьфу ты :D (bashorg.ru).

III. Следующее понятие, смежное с двусмысленностью, – синкретизм (диффузность) – семантическая нерасчлененность лексической единицы, ее способность недискретно выражать более одного значения.

8) Пример двусмысленности, создаваемой на примере синкретизма:

– Эксперимент доказал, что борода отпугивает противоположный пол. – Точно! я боюсь девок с бородой, отпугиваюсь! (bash.org.ru). В исходной фразе под противоположным полом имеется в виду женский, но понятие «противоположный пол» включает как женский, так и мужской, что используется интерпретатором для создания шутки.

9) – Ну и времена настали – ни работы, ни денег! – А где ты раньше работал? – Я?! Да я 25 лет на базаре птицей торговал! – А почему сейчас не торгуешь? – Как почему? .... (СГ. 27.06.2005). В этом анекдоте не хватает последней фразы, в которой мы, собственно, ожидаем кульминации анекдота, всей его «соли». Слово *птица* не привлекает к себе особенного внимания, оно является родовым для множества видов: торговать можно курицами, индейками, утками и т.д. Но тем неожиданнее заключительная фраза анекдота, в которой демонстрируется понимание «птицы» не как родового понятия, а как конкретного представителя: – Умерла моя птица! Данный пример, в отличие от прошлого, основан не на уточнении синкретичного слова – акценте на одной из сем, а на «отказе» от такого уточнения.

Таким образом, по результатам анализа литературы вопроса и фактического материала мы выяснили, что в случае отождествления полисемии, омонимии, неопределенности и синкретизма с двусмысленностью происходит неразличение средств создания двусмысленности и порождаемого ими результата, или, иначе, эффекта, вызванного этими средствами в сочетании с контекстом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXX. Вып. 6. М., 1971. С. 509 – 523.
2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1981. 295 с.
3. Булаховский Л.А. Введение в языкознание. Ч. 2. М.: Политиздат, 1953. 251 с.
4. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике. М.: Просвещение, 1965. Эл. ресурс. Режим доступа: [library-institute.ru>books/gvozdev-ocherki-po...](http://library-institute.ru/books/gvozdev-ocherki-po...)

5. Горячев А.А. Экспликация интенций автора и адресата в рекламном тексте // Медиатекст как полиинтенциональная система / Отв. ред. Л. Дускаева. СПб.: СПб.ГУ, 2012. С. 196 – 202.
6. Зализняк А.А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. М., 2004. № 2. С. 20 – 45.
7. Исаченко А.В. О грамматическом значении // Вопросы языкознания, 1961, № 1. С. 28 – 43.
8. Ким Л.Г. Типология амфиболических высказываний в свете коммуникативно-деятельностной концепции языка // Антропотекст-2 / Под ред. Т. В. Чернышовой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 178 с.
9. Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. М.: КомКнига, 2005. 120 с.
10. Филиппова М.М. Обзор некоторых понятий, существующих в английском языке для отражения косвенных смыслов // Язык, сознание, коммуникация / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2007. Вып. 34. С. 4 – 26.
11. Hospers J. An introduction to philosophical analysis. Taylor&Francis, 1989. 629 p.

II. Лингвистика и межкультурная коммуникация

Р.П. Абдина

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА И СИМБИОЗ КУЛЬТУР: К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ ЭКЗОТИЗМОВ

The article is devoted to investigation of the problems connected to extension and activation of international communications. These processes lead to interpenetration of nationally biased units, which is the main condition of any culture and language evolution.

Key words: *language, international communications, biased units.*

Ключевые слова: *экзотизмы, этнос, народная культура, экология языка, симбиоз культур, заимствование.*

На сегодняшний день в условиях постоянно расширяющихся межнациональных связей понимание необходимости соизучения языков и культур разделяется большинством исследователей. Язык является неотъемлемой частью культуры, его необходимым стержнем, при помощи которого крепятся, хранятся и передаются все компоненты культуры. Малейшие изменения в культуре и жизни народа неизменно влекут за собой изменения в языке. Говоря об экологии языка, мы неизбежно затрагиваем ту культурную среду, в которой культивируется, развивается и исчезает язык. Изначально понятие «экология» затрагивало отношение живых организмов с окружающей средой. В последнее время у этого слова актуализировалось значение «защита» и расширился круг объектов, связанных с этим термином, в которые входит и язык [Азитова, 2009. С. 39].

В процессе эволюции культура и язык любого народа, поколения не может развиваться и существовать изолированно от других этнических коллективов с их обычаями, традициями, языком. Эта окружающая языковая и культурная среда является основным источником подпитки и обновления тех элементов, которые в этом нуждаются. В свою очередь, элементы собственной культуры и языка выступают в качестве донора для другой культурной среды. Развитие языка, как и живого организма, совершается постоянно и осуществляется на всех уровнях: подвергается различным изменениям звуковая система, меняется морфологический и лексический состав, семантика слов и т.д. Это языковое развитие обусловлено подвижностью языковой системы, ее словообразовательными и семантическими законами, их отношением к изменяющимся потребностям коммуникации языковых сообществ [Шайхулов, 1988.С: 38]. Такая языковая

динамика объясняет возросшее внимание современных лексикологов к процессам, наблюдаемым при лексическом заимствовании из иностранного языка, а также к пополнению центра лексической системы языка такими словами.

Одним из наиболее ярких средств выражения национального своеобразия являются номинации, обозначающие реалии, характерные лишь для данного народа, такие лексические единицы становятся экзотизмами.

В описании «экзотизмов» лингвистические работы существенно варьируют: одни из них настаивают на необходимости различения собственно экзотизмов, т. е. слов, передающих разнообразные понятия инокультурной действительности и не теряющих своей экзотичности в принимающем их языке; «условных экзотизмов» — слов, выражающих реалии и понятия, первоначально чуждые заимствующей их культуре, но постепенно внедрявшихся в бытовую повседневность, профессиональную деятельность и язык принимающей культуры; «стилистических экзотизмов», т.е. слов, хотя и имеющих свои исконные синонимические обозначения в русском языке, но употребляющихся для функционально-коммуникативной маркировки, мотивируемой экспрессивными особенностями включающего их текста и т.д. Другие придерживаются того мнения, что «любое иноязычное слово, входящее в русский язык, следует рассматривать как экзотизм до того момента, пока не заимствовался обозначаемый им предмет» [Крысин, 2000. С.85].

В обобщенном виде проблема экзотических номинаций - это проблема, вскрывающая соотношение «язык - национальная история и культура - история и культура других народов». Экзотизмы отличаются от прочих иноязычных слов дополнительными связями с реальным миром и отражают в своей совокупности специфику определенной культуры, обусловленную особой структурой материальных и духовных ценностей, сложившейся в процессе становления и развития данной культурно-генетической общности. Для экзотических номинаций характерна, прежде всего «способность хранить в общеупотребительной и стабильной форме актуальное культурноисторическое достояние наций на данном этапе развития, конденсировать социально-исторический опыт народа» [Шумагер, 1986. С. 15].

Говоря о проблеме экзотизмов нельзя не затронуть и теорию перевода.

Главная трудность перевода таких слов состоит в преодолении языковых и культурных несоответствий между языком-носителем и языком-реципиентом, каждый из них имеет свою историю, развивается по своим внутренним законам.

Коротко хотелось бы остановиться на причинах использования экзотизмов:

1) Отсутствие такого понятия в русском языке. Например, в переводе хакасского героического эпоса «Алтын Арыг», автором использованы следующие экзотизмы:

Дыхание богатыря не прервалось еще, В черный <i>сюне</i> вот-вот он превратится.	<i>Сюне</i> – душа умершего человека от момента наступления смерти и до последних поминок.
---	--

Твоя чистая душа-чула При тебе ли? – спрашивает.	<i>Чула</i> – душа, которая может покидать человека при жизни.
---	--

2) Необходимость разграничить содержательно близкие, но все же различающиеся понятия:

С передней стороны красивого <i>аала</i> Ханым-сын, высочайший из хребтов стоит.	<i>Аал</i> - поселение
---	------------------------

3) Тенденция, заключающаяся в том, что цельный, не расчлененный на отдельные составляющие объект и обозначается должен «цельно», нерасчлененно, одним словом, а не сочетанием слов:

Иной <i>тамги</i> Темно-бурый конь, Иного облика этот богатырь.	<i>Тамга</i> – клеймо на животных, означающее личную принадлежность животного тому или иному хозяину
--	--

4) Использование экзотизмов с целью передачи колорита исконной культуры носителей языка. Например:

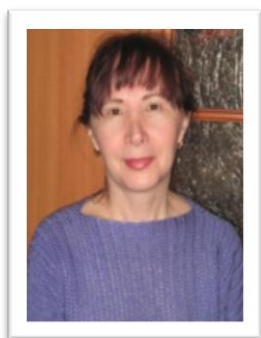
Вон во дворах замелькали разноцветные <i>когенеки</i> и платки.	<i>Кöгенек</i> – платье
---	-------------------------

Таким образом, лингвистические сложности в определении «экзотизмов» имеют непосредственное отношение к исследованиям в области истории культуры, а это в свою очередь необходимо для эффективной коммуникации. Конечным результатом коммуникации, проходящей на разных уровнях, между людьми разных возрастов и национальностей, является взаимопонимание. Актуальность вопросов, связанных с коммуникацией различных этносов, в настоящее время приобретает небывалую остроту, а это ведет за собой выдвижение на передний план исследования и в области культурологии. Как отмечает С. Г. Тер-Минасова: «когда смешение народов, языков, культур достигло невиданного размаха, как никогда остро встала проблема воспитания терпимости к чужим культурам, пробуждения интереса и уважения к ним, преодоления в себе чувства раздражения от избыточности, недостаточности или просто непохожести других культур» [Тер-Минасова, 2000. С. 8]. Симбиоз культур, совместное существование их языков, извлекающих взаимную выгоду от такого сожительства, являются основным условием эволюции любой культуры и языка. Соответствие или несоответствие культур друг другу обусловлено их взаимоотношениями, которые проявляются в многообразных формах взаимных влияний. Степень обоюдного влияния будет зависеть, как от способности одной культуры изменять среду, так и от чувствительности другой к этим изменениям.

Экологии языка подразумевает, прежде всего, его эволюцию, которая возможна при симбиозе культур не только разных народностей, но и внутри одного этнического коллектива.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азитова Г.Ш. Лингвистическая экология как актуальная задача современности // Культура и образование как фактор развития региона / Отв. ред. В. М. Кашлач. Ишим: Изд-во ИГПИ, 2009. С. 39 – 40.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Русский язык, 1976. 248 с.
3. Крысин Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. № 5. 2000. С. 63 – 91.
4. Матис В.И. Культура межнационального общения – основа содержания поликультурного воспитания и образования // Образование и культура в развитии современного общества. Ч. 2. Новосибирск: Изд. ООО «БАК», 2009. С. 169 – 174.
5. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 302 с.
6. Шайхулов А.Г. Историческая и диалектная лексика тюркоязычных народов Волго-Камско-Уральского региона (аспекты системной характеристики). Уфа: Изд-во БГУ, 1988. 88 с.
7. Шумагер Е.И. Слова-этнореалии в составе лексики современного немецкого языка: (На материале словарей): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1986. 28 с.

Е.В. Беляева, Шан Вэйчжи

**РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ
ВЫРАЖЕНИЯ ВИНЫ В КИТАЙСКОМ
ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛАО ШЭ)**

The article refers to the behavior tactics of expressing the concept “blame”. The materials for analysis are the works by Lao She.

Keywords: *Intercultural communication, communicative behavior, behavior tactics, blame.*

Ключевые слова: *Межкультурная коммуникация, коммуникативное поведение, речевые тактики, вина.*

Проблемы межкультурной коммуникации приобрели особую актуальность в современной лингвистике. Умение общаться предполагает «адекватное взаимопонимание участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [Верещагин, 1999.С. 26].

Один из фрагментов общечеловеческой культуры – культура вины и извинения. Она находит отражение в речевом поведении представителей различных лингвокультурных сообществ и, подчас, имеет национальные особенности. Так, в китайской

коммуникативной культуре вина занимает определённое место и эксплицирует важный фрагмент национальной картины мира.

Главной целью при выражении *вины* (*проступка, преступления*) является получение *прощения*. При этом стратегическая задача говорящего – *изживание вины/греха*. Очевидными становятся интенции говорящего – *сожаление, раскаяние/нераскаяние, покаяние*. Данная стратегия реализуется через рече-поведенческие тактики. Под *тактикой* понимается «программа соответствующего речевого и невербального поведения, которую член языкового коллектива усвоил в процессе социализации» [Верещагин, 2005. С. 526].

Материалом для исследования послужили произведения Лао Шэ: рассказы «Дивный сон», «Письмо из дома», пьеса «Чайная», роман «Рикша».

Как правило, в ситуации участвуют два человека: коммуникант-1 (виновный) и коммуникант-2 (потерпевший или свидетель). Каждый из них прибегает к определённым тактикам поведения. Рассмотрим их.

Коммуникант-1 (виновный) обычно:

- **признаёт свою вину:**

а) герой оставил девушку, она вынуждена была торговать собой:

Пожалуй, я смог бы помочь, будь я с ней в ту пору рядом. Это из-за меня ей пришлось себя продавать [Лао Шэ. Дивный сон: эл.ресурс].

б) герой оставил семью, уехал в другой город, мучается, потому что сын растёт без него:

Цайчжу не была настолько испорчена, чтобы забыть о долге жены и матери, но ради своих удовольствий могла невольно им пренебречь. Но тут и на нем лежала доля вины. Останься он дома, мог бы уделить сыну внимание, которого мальчику так не хватало. И эта мысль его больше всего угнетала [Лао Шэ. Письмо из дома: эл.ресурс].

- **не признаёт вину, если нарушаются корпоративные законы:**

О нем шла дурная слава. Выхватив пассажира из-под носа у другого рикши, он слышал, как вслед ему несутся проклятья, но не отвечал, а старался поскорей убежать. «Я никогда не поступал так бессовестно, – думал он. – Эх, если бы не коляска!» Он, казалось, готов был у всех просить прощения, но боялся в этом признаться даже самому себе. На стоянках или в чайных он часто встречал недружелюбные взгляды рикши. Ему хотелось все объяснить, но сдерживала их холодность. Он не пил, не играл в карты, не любил судачить, и рикши чуждались его, а он замыкался в себе и молчал [Лао Шэ. Рикша: эл.ресурс].

- **перекладывает вину на других или обстоятельства:**

а) герой бросил возлюбленную из-за родителей:

– Я боялся разгневать твоих родителей! Не из-за них ли я уехал за границу? [Лао Шэ. Дивный сон: эл.ресурс].

б) отец продаёт дочь в весёлый дом, чтобы прокормить семью:

Лю: Отдавай тогда ее в веселый дом! Может, там прибавят лян другой. Только на это ты ведь сам не пойдешь!

Кан: Так она ж мне родная дочь! Разве могу я...

Лю: Дочь-то дочь, но что делать, если кормить нечем! Кого тут винить?
Кан: Кого винить? Это правда, нам, деревенским, хоть в петлю лезь! Но продать дочь, чтобы хоть раз накормить семью, какой же для этого надо быть скотиной! [Лао Шэ. Чайная: эл.ресурс].

- **находит для себя оправдание**, если мучают угрызения совести:
*Говоря по совести, Лю Сые не стремился выдать дочь замуж, Хуню была нужна ему самому, поэтому он чувствовал себя перед ней виноватым и немного побаивался. Он, никогда ничего не страшившийся, на старости лет стал бояться собственной дочери! Его мучила совесть, и он старался себя успокоить. Раз он кого-то боится, значит, не такой уж пропащий человек, и после смерти ему не грозят страшные кары [Лао Шэ. Рикша: эл.ресурс].
Коммуникант-2 (потерпевший или свидетель) обычно:*
- **прощает**, если у виновника есть какие-то другие заслуги:
Лао Фань должен уступать! Характер у Цайчжу совсем испортился, но Лао Фань ее в этом не винил. Женщина остается женщиной, хочешь иметь жену, забудь о себе; ведь есть сын, с ним можно поиграть, можно спать в одной постели. Пусть себе шумит мать Сяочжу, зато он может возиться с этим дорогим ему созданием и быть идеальным отцом [Лао Шэ. Письмо из дома: эл.ресурс].
- **не прощает**, если нарушаются корпоративные законы:
Много было предположений, но все сходилось в одном: раз он что-то скрывает, значит, разбогател нечестным путем. Этого ему простить не могли, но в душе уважали. Труд рикши тяжелый, и каждый мечтает разбогатеть. Лишь счастливицам на долю выпадает богатство [Лао Шэ. Рикша: эл.ресурс].
- **обвиняет в ответ:**
  - а) в открытой форме:
Ты опоздал с приездом, но я должна была вовремя умереть. Иначе не осталась бы даже в твоих мечтах. [Лао Шэ. Дивный сон: эл.ресурс].
  - б) в форме упрёка:
– Ты что мелешь? – набрасывается на него жена. – Можешь – вези нас в Гонконг, нечего попусту нюни распускать! Сыночек, пойд ко мне! Был бы у тебя такой отец, как у Сяочжуна! Он уехал с семьей в тяньцзиньскую концессию, прихватив двадцать сундуков с одеждой! А разве мать Сяочжуна красивей меня? [Лао Шэ, Письмо из дома: эл.ресурс].
  - в) в форме заботы:
*– Не все сразу делается, и ты не железный! Отдохнул бы день-другой! Сяңзы не обратил внимания на её слова, и Хуню добавила:
– Как знаешь! Протянешь ноги – сам будешь виноват! [Лао Шэ. Рикша: эл.ресурс].*
  - г) в форме уговора:
- Неблагодарный! - Она принялась его уговаривать:

– У тебя будет все: и еда и одежда. Мне надоело ходить в старых девах. ... Я чем плоха? Ну, немного старше тебя. Чуть-чуть. Зато будет кому тебя пожалеть, позаботиться о тебе! [Лао Шэ. Рикша: эл.ресурс]

Рече-поведенческая ситуация вины есть регулярно повторяющийся «фрагмент социальной жизни», где коммуникант-1 раскаивается/не раскаивается, а коммуникант-2 прощает/не прощает. И это может происходить как в вербальной (эксплицитной) форме, так и невербальной (имплицитной) форме.

Отобранные примеры показали, что женщины (героини произведений Лао Шэ) предпочитают открыто выражать свои обвинения (*Ах, негодяй! Протянешь ноги – сам будешь виноват! Ты боялся, поэтому потерял все!*) Они обвиняют, как правило, мужчин в том, что они не оправдали их надежд на лучшую жизнь, что муж не смог обеспечить семью, что возлюбленный предал любовь.

Мужчины (герои книг Лао Шэ) мучаются совестью часто молча (не выражают своё покаяние вербально) из-за своих проступков (возлюбленную оставил, дочь продал в весёлый дом или не нашёл ей достойного мужа, не уделял должного внимания сыну). Также мужчины готовы терпеть проступки других (например, у жены стал сварливый характер).

Наше исследование показало, что:

1. Критерием оценки поведения участников коммуникации являются нравственные ценности (любовь, семья, отношение между родителями и детьми, между мужем и женой) и корпоративные законы (честность, например).
2. Форма выражения часто зависит от гендерной принадлежности: женщины обвиняют открыто и не любят признавать свою вину, а мужчины признают, но предпочитают молчать об этом, оставаясь наедине со своей совестью.

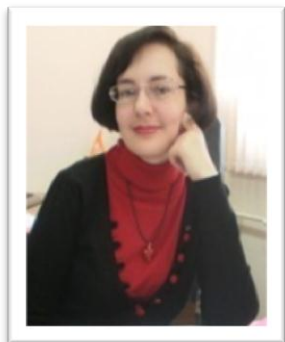
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей лингвострановедения. М.: Гос. ин-т русск. яз. им. А. С. Пушкина, 1999. 84 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 1040 с.

ИСТОЧНИКИ

1. Лао Шэ. Дивный сон // Большая бесплатная библиотека. Режим доступа: <http://tululu.ru/read64255>.
2. Лао Шэ. Письмо из дома // Большая бесплатная библиотека. Режим доступа: <http://tululu.ru/read71741>.
3. Лао Шэ. Чайная // Большая бесплатная библиотека. Режим доступа: <http://tululu.ru/read57693>.

4. Лао Шэ. Рикша//Большая бесплатная библиотека Режим доступа: <http://tululu.ru/read73603>.

Е.Г. Бутерус

ДИНАМИКА ДИСКУРСИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ОТ ИСТОКОВ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

This article is devoted to the problem of discourse definition and various approaches to the studies of discourse as a linguistic category. The emphasis is on the cognitive approach, which takes into account the consideration of language phenomena in relationship with the processes of cognition.

processes of cognition.

Key words: *discourse, text, approach to the studies of discourse, cognitive-discursive paradigm.*

Ключевые слова: дискурс, текст, подход к изучению дискурса, когнитивно-дискурсивная парадигма.

Дискурс как лингвистическая категория представляет собой сложный и многоаспектный объект исследования. В современной парадигме дискурсивных исследований понятие «дискурс» рассматривается по-разному.

Как отмечает У. Чейф, «дискурс многосторонен, и достаточно очевидна ограниченность любых попыток отразить его моделирование при условии сведения дискурса к одному или двум измерениям» [Chafe, 1996. P. 49]. Следовательно, имеет смысл рассматривать дискурс не только с позиций исключительно лингвистики, но и с учетом положений социолингвистики, прагмалингвистики, лингвофилософии.

Термин «дискурс» (фр. *discours*, англ. *discourse*, от лат. *discursus* «бегание взад-вперед; движение, круговорот; беседа, разговор») означает «речь, процесс языковой деятельности; способ говорения». Данный термин, как он понимается в современной лингвистике, близок по смыслу к понятию «текст», однако подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения; в противоположность этому, текст – статический объект, результат языковой деятельности. Предпочтительным является такое понимание термина «дискурс», которое включает одновременно два компонента: и динамический процесс языковой деятельности, и ее результат (т.е. текст).

В настоящее время в лингвистической науке существуют различные подходы к определению дискурса. Одним из них является формально-структурный подход (Борботько 1998, 1999; ван Дейк, Кинч 1983; Кох 1978; Москальская 1981; Николаева 1978; Stubbs 1983). Дискурс в данном понимании означает «тексты в их текстовой данности» [Степанов, 1998. С. 670]. Т.М.Николаева в «Словаре терминов лингвистики текста» при определении термина «дискурс» пишет следующее: «Дискурс – многозначный термин лингвистики текста, употребляем рядом авторов в

значениях почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная» [Николаева, 1978. С. 467]. Значительно позднее лингвисты, исследующие дискурс в рамках формально-структурного подхода, начинают отмечать, что дискурс – это не только «данность текста», но также и «системно языковые структуры целого текста» (ван Дейк, Кинч 1988), и «речемыслительный процесс, приводящий к образованию структуры» (Борботько 1998). Однако эти исследования не выходят за рамки текстообразующего подхода.

Второй подход представляет собой функционально-структурное описание дискурса как всякого «употребления языка»: «*the study of discourse is the study of any aspect of language use*» [Fasold, 1990. P. 65]; «*the analysis of discourse is necessarily, the analysis of language in use*» (Brown, Yule 1983; Schiffrin 1994). Этот подход предполагает анализ функций дискурса в широком социокультурном контексте: «изучение дискурса – изучение любого аспекта использования языка» [Fasold, 1990. P. 65], анализ дискурса неизбежно предполагает анализ языка в его использовании (Brown, Yule 1983). В рамках данного подхода важным является взаимодействие единиц друг с другом, то, как они дополняют и изменяют текст.

Теория дискурса как прагматизированной формы текста берет свое начало в концепции Э. Бенвениста, одним из первых придавшего слову «дискурс» (*discourse*) терминологическое значение, т.е. речь, присваиваемая говорящим. «Речь (*discourse*) следует понимать при этом в самом широком смысле, как всякое высказывание, предполагающее говорящего и слушающего и намерение первого определенным образом воздействовать на второго... Таким образом, различие, которое мы проводим между историческим повествованием (*recit*) и речью (*discourse*), никоим образом не совпадает с различием между письменной и устной разновидностями текста» [Бенвенист, 1974]. Начиная с 80-х годов, данный подход разрабатывается многими исследователями [Булыгина, 1981; Васильев, 1988; Винокур, 1984; Зернецкий, 1988; Седов, 1996; Сусов, 1988 и др.].

Третий подход основывается на прагмалингвистической модели дискурса, которая строится на основе коммуникативной деятельности и противопоставляется структурной модели речевой деятельности. И.П. Сусов первым выделил два подхода к дискурсу, под которым понимал коммуникацию посредством текста: коммуникативно-прагматический и системно-структурный [Сусов, 1988]. Сторонники системно-структурной парадигмы считают, что семантический компонент языка органично включается в структурный компонент, дающий необходимую детализацию целей и условий коммуникации для содержания речевого действия. Эта позиция представлена Ю.Н. Карауловым в его трехуровневой дифференциации языковой личности: лексикон (формальный, вербальный уровень), тезаурус (когнитивный уровень) и прагматикон (мотивационный

уровень) [Караулов, 1987]. Однако коммуникативно-прагматическая парадигма – не просто отображение вышеназванных уровней; она существенно отличается в том смысле, что при анализе точкой отсчета являются личные интеракции, а не лингвистические значения. Коммуникация состоит не из предложений и слов, а из коммуникативных шагов и речевых актов в дискурсе [Безменова, Герасимов 1984; Вежбицка, 1985; Гак, 1998; Гордон, Лакофф, 1985; Кобозева, 1986; Конецкая, 1997; Романов, 1988; Серль, 1986; Сусов, 1998; Хомяков, 1991; Austin, 1962; Clark, Carlson 1982; Yule, 1996]. Дискурс понимается как воздействие, общение, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности; это общение, описанное с позиции одного из коммуникантов, когда он рассматривает себя как субъект воздействия, полагая своего собеседника объектом [Безменова, 1990, Федорова, 1991]. Действия субъекта воздействия направлены на решение следующих задач: 1) организации общения (привлечение и удержание внимания, создание благоприятной атмосферы и т.д.), 2) оказания собственно воздействия – побуждение объекта воздействия к некоторой деятельности (указание на имеющуюся потребность, демонстрация предмета – мотива, указание на деятельность, осуществление которой приведет к удовлетворению имеющейся потребности). Цель воздействия определяется как соответствующая организация деятельности человека – объекта или группы – объекта воздействия, а результат воздействия – как реально достигнутое в процессе воздействия изменение деятельности объекта воздействия. В основе дискурса лежит интенция говорящего, т.е. желание, для реализации которого предпринимаются определенные шаги.

В русле социально-прагматического подхода дискурс как явление коммуникации – «промежуточное образование между речью как вербальным общением, как деятельностью, с одной стороны, и конкретным вербализованным текстом, зафиксированным в ходе общения, с другой стороны» [Карасик, 2000. С. 26]. В рамках данного подхода термин «дискурс» представляет собой «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами <...>; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» <...> » (данное определение является одним из признанных определений дискурса и принадлежит Н.Д. Арутюновой) [Арутюнова, 1990. С. 136]. Таким образом, с лингвистической точки зрения дискурс объединяет текст как вербализованный результат речи и контекст, в котором текст функционирует, – ситуативный и культурный. Направления исследований в данной парадигме представлены изучением конститутивных признаков дискурса, в том числе участников, условий, организации, способов и материала общения, т.е. людей, рассматриваемых с позиции общения и их статусно-ролевых и коммуникативных амплуа; сферы общения и коммуникативной среды; мотивов, целей, стратегий,

развертывания и членения общения: канала, режима, тональности, стиля и жанра общения; знакового тела общения, текстов с невербальными включениями [Карасик, 1998].

Социолингвистический анализ дискурса предусматривает исследования конститутивных признаков дискурса прежде всего по линиям участников общения, а также по целям и условиям общения. В рамках данного подхода выполнены работы, анализирующие такие виды дискурсов, как политический, рекламный, религиозный, педагогический [ван Дейк, 1989; Водак, 1997; Гудков, 1999; Карасик, 1999; Коротеева, 1999; Серио, 1993; Шаховский, 1999; Шейгал 2000].

Следующий подход к анализу дискурса – критический анализ [Водак, 1997; Diamond, 1996; Lakoff, 1990; Fairclough, 1995]. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса лучше всего могут быть определены как «единая перспектива при осуществлении языкового, семиотического или дискурсивного анализа» [ван Дейк, 1993]. Эта единая перспектива, как отмечает Р. Водак, соотносится с термином «критический», возникшим под влиянием Франкфуртской школы (Ю. Хабермас). Критический анализ дискурса ставит своей целью изучение как неявных, так и прозрачных структурных отношений доминирования, дискриминации, власти и контроля, выраженных в языке, т.е. изучает «отношения подчинения, неравенства, дискриминации, разные идеологические и политические представления, выраженные в языке и дискурсе, их общую манипулятивность» [Макаров, 1998. С. 50].

С позиции лингвостилистики анализ дискурса сориентирован на выделение регистров общения, разграничение устной и письменной речи в их жанровых разновидностях, определение функциональных параметров общения на основе его единиц.

Лингво-моделирующий подход к анализу дискурса основан на выделении трех основных моделей коммуникации, на которые явно или неявно опирается всякое исследование языка: 1) информационно-кодированная, 2) инференционная и 3) интеракционная модели коммуникации [Макаров, 2003; Schiffrin, 1994]. По мнению М.Л. Макарова, одно из существенных положений феноменологии дискурса состоит в противопоставлении информации и коммуникации: «От того, по какому пути пойти, зависит вся концептуализация природы человеческого опыта, а также его адаптивной, преобразующей направленности» [Макаров, 1998. С. 28]. М.Л. Макаров подвергает критике научную парадигму, в которой главным в коммуникации признается процесс передачи информации. «При таком подходе коммуникация выступает как процесс оформления, своего рода «ратификации» репрезентаций в качестве информации и – более всего – как процесс, обеспечивающий ее трансляцию между индивидами» [Макаров, 1998. С. 27]. Он считает, что коммуникацию следует понимать не как трансляцию информации и манифестацию намерения, а как демонстрацию смыслов, необязательно предназначенных для распознавания и

интерпретации реципиентом. Практически любая форма поведения – действие, бездействие, речь, молчание – в определенной ситуации может оказаться коммуникативно значимой. Данной точки зрения придерживаются также А.К. Михальская,

В.В. Дементьев и К.Ф. Седов [Дементьев, Седов, 1998; Михальская, 1996].

Разрабатываемый в последнее время антропоцентрический подход к изучению дискурса основывается на понятии языковой личности. Подобно тому, как в осуществлении любого вида деятельности активное начало принадлежит субъекту деятельности, в организации дискурса такая роль принадлежит субъекту дискурса. В конкретных актах коммуникации участвуют не некие обезличенные человеческие существа, а конкретные личности, т.е. субъектом конкретного дискурса выступает конкретная языковая личность, у которой организация дискурса как особого вида текста предполагает наличие дискурсных способностей [Пушкин, 1990]. Связь между способами организации дискурса и дискурсными способностями личности является взаимообуславливающей. «Если за исходное взять дискурсные способности личности, то с некоторой долей уверенности можно прогнозировать порождение личностью определенного дискурса. В свою очередь, способ организации конкретного дискурса позволяет предполагать определенные способности личности, реализовавшиеся в данном дискурсе» [Пушкин, 1990. С. 52]. Личность, владеющую совокупностью дискурсных способностей на уровне всех «фаз интеллектуального акта», а именно ориентировки и планирования речевых и неречевых действий, формулировки плана действия в речевой форме, контроля и корректировки (по мере необходимости) речевых действий (Леонтьев 1977), предлагается называть языковой личностью (Караулов 1987; Пушкин 1990). Каким образом и в какой мере личность реализует свой потенциал дискурсных способностей во многом зависит от условий коммуникативной обстановки, от свойств и отношений личности. О конкретной языковой личности можно говорить лишь в случае реализации в конкретном дискурсе ее конкретных дискурсных способностей.

При рассмотрении понятия дискурс в когнитивном аспекте значимыми представляются работы Н.Ф. Алефиренко («дискурс – это речемыслительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами») [Алефиренко, 2008. С. 22]), Г.В. Токарева (дискурс как способ репрезентации содержания концепта), Т.А. ван Дейка (дискурс как высказывание, форму которого определяют когнитивные установки).

Т.А. ван Дейк говорит о дискурсе как о высказывании, содержание и форму которого определяют когнитивные установки (фреймы) [ван Дейк, 1989. С. 70-98]. Интерпретация дискурса, предложенная этим ученым, вошла в широкий научный обиход.

Концепция Т. ван Дейка строится на основе вовлечения в анализ таких факторов, как мнения и установки говорящих, их этнический статус и т.п.

(ван Дейк 1989). Анализ направлен на изучение личностных характеристик носителей языка, их намерений, эмоций, предпочтений, в соответствии с чем дискурс понимается как сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определенного текста, но и отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств – знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего. В дискурсе, по мнению Т. ван Дейка, отражается сложная иерархия знаний, необходимая как при его порождении, так и при восприятии.

Преимущество такого понимания состоит в том, что дискурс не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, то есть рамками текста или самого диалога: говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию.

Главной особенностью дискурсивного направления в целом, как справедливо считает Е.С. Кубрякова, является «убежденность в том, что ни синтаксис, ни грамматика языка не могут изучаться вне обращения к его использованию» [Кубрякова, 2000. С. 10].

Решение проблемы определения дискурса становится возможным в рамках когнитивно-дискурсивного парадигмы, учитывающей рассмотрение языковых явлений в русле антропоцентризма, то есть во взаимосвязи с человеком, его сознанием, мышлением, а также с процессами познания. Данный подход видится особенно актуальным, так как с позиций антропоцентрического направления может быть поставлена задача изучения языка в действии, когда «язык представляет собой инструмент, орудие, средство и механизм для осуществления определённых целей и реализации человеком определённых намерений – как в сфере познания действительности и её описания, так и в актах общения, взаимодействия с помощью языка» [Кубрякова, 1995. С. 217].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. 271 с.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136.
3. Дейк Т.А. ван. Анализ новостей как дискурса // Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 70 – 98.
4. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности / Отв. ред. Н. Н. Трошина. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 37 – 64.
5. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX в. / Под ред. Ю. С. Степанова. М.: Изд-во МГУ, 1995. С. 144 – 238.

6. Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты морфологии // Язык: Теория, история, типология / Под ред. Н. С. Бабенко. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 22 – 27.
7. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь: Тверск. гос. ун-т, 1998. 200 с.
8. Николаева Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. Текст. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8. С. 467 – 472.
9. Пушкин А.А. Способ организации дискурса и типология языковых личностей // Язык, дискурс и личность. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1990. С. 50 – 60.
10. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки российской культуры, 1998. 784 с.
11. Chafe W. Beyond Beads on a String and Branches in a Tree Text. // Conceptual Structure, Discourse, and Language Stanford., 1996. P. 49–66.
12. Fasold R. The Sociolinguistics of Language. Oxford: Blackwell, 1990. 342 p.

Ван Гуаннань

**КИТАЙСКИЕ ПРИМЕТЫ В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ:
РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА**

In the article the author describes the results of public opinion poll of Chinese businessmen, their stereotypes, expressed in the texts of the professional omens.

Key words: professional community of trades, Chinese omens, professional subcultures, public opinion poll, stereotypes.

Ключевые слова: профессиональные сообщества торговцев, китайская примета, профессиональные субкультуры, опрос, стереотипные представления.

С 1990-х годов в России формируется и активно развивается профессиональное сообщество торговцев. Значительную долю в мелком и среднем бизнесе в Красноярском крае составили русские предприниматели и мигранты из КНР. И те, и другие сложились в самостоятельные профессиональные субкультуры с собственными нормами и стереотипами поведения, особенностями образа жизни и форм повседневного дискурса, символикой и атрибутами [Щепанская 2003]. «Закрытость» традиций связана «с повышенной потребностью в идентификации и самоидентификации членов сообществ, стремящихся к культурной изоляции» [Современный городской фольклор, 2003. С. 11 – 12]. В то же время границы сообществ «неизбежно проницаемы» [Там же. С. 12].

Китайская и русская профессиональные субкультуры находятся в постоянном взаимодействии, частично заимствуя традиции друг друга.

Целью нашего исследования является выявление общих и специфических стереотипных представлений, которые бытуют и воспроизводятся в китайской и русской торговой среде в процессе повседневной коммуникации. В центре внимания находятся приметы – «нормативные суждения, где формулировка поведенческой нормы (правила, табу) подкрепляется ссылкой на разделяемые в данной среде представления» [Щепанская, 2006. С. 405]. В данной статье описывается первоначальный этап исследования, заключающийся в проведении опроса китайских предпринимателей.

Источником исследования послужили материалы интервью, собранные нами с сентября по декабрь 2011 года.

В опросе приняли участие 27 китайцев, связанных с торговой сферой: 24 предпринимателя, продавец, дизайнер-менеджер и студентка, чьи родители занимаются торговым бизнесом. Среди опрошенных оказалось 15 женщин и 12 мужчин, распределившиеся следующим образом по возрастным группам: 20 – 25 лет – 13 человек, 25 – 30 и 31 – 40 лет – по 7 человек. Таким образом, основную группу информантов составляют молодые люди, не имеющие высшего образования.

Большинство из опрошенных находится в России 2-3 года, трое – никогда не были в России, а самый длительный срок пребывания составил 10 лет (1 человек).

Информантам было предложено 16 вопросов, касающихся способов привлечения удачи в торговле, предписаний и запретов, талисманов и действий с деньгами, символики чисел и дней.

На вопрос *Что приносит удачу в торговле?* большинство информантов сообщили, что предпочитают иметь какие-то талисманы и фигуры. На похожий вопрос *Что нужно сделать, чтобы торговля была удачной?* ответы были противоположными, так как информанты предлагали исследовать рынок, рекламировать товар и набирать менеджеров. Большое значение придается внешнему виду продавца: китайские предприниматели предпочитают деловой стиль в одежде. Значительная часть информантов сообщила, что надевает на работу любимую одежду.

Как и в русской культуре, в китайской традиции маркируется первый покупатель. Идеальный покупатель, по мнению китайского продавца, богат и щедр, он быстро выбирает и покупает товар, не торгуясь. Чтобы привлечь такого покупателя, продавец обычно ставит главный товар на самое видное место или кладет изображение товара.

У китайских предпринимателей существует множество талисманов. В опросе было названо 9 талисманов, привлекающих покупателей, из них 2 мифологических существа и бог богатства.

Бог богатства – божество, которое ведает материальными ценностями людей. Считается, что во время Нового года он разбрасывает деньги людям, поэтому когда наступает Новый год, ему приносят что-то в жертву.

Мифологическими существами являются трёхлапая жаба с монетами во рту и Пи Сю – существо зеленого цвета с головой дракона, телом лошади и ногами дракона.

Особое значение имеет расположение жабы в доме и на рабочем месте: чтобы она приносила и увеличивала богатство хозяина, ее ставят лицом к внутренней комнате. Если ее поставить лицом к выходу, то деньги потеряются.

Пи сю может быть существом мужского и женского пола. Оно имеет вид фигурки, подвески или браслета. Фигурку нельзя никому трогать, и ее ставят напротив двери или окна определенным образом для привлечения покупателей.

Среди животных талисманов были названы Счастливый кот, машущий одной лапой, будто приветствующий покупателей, и золотая рыбка. По-китайски золотая рыбка 金鱼 (цзинь юй). Последний иероглиф 鱼 «рыба» произносится так же, как иероглиф 余, означающий «избыток». Кроме фонетического принципа, в выборе этого животного в качестве талисмана сыграл смысловой принцип: золотой цвет символизирует золото, богатство.

Китайская капуста 白菜 (бай цай) по-китайски произносится так же, как и выражение «большое богатство» 百财 (бай цай), поэтому тоже используется в качестве талисмана в торговле.

Информанты упоминали растения как талисманы, но не называли конкретных. Известно, что растительными талисманами являются Фу Гуй Чжу и дерево Яо Цянь. Фу Гуй Чжу (富贵竹) буквально означает «богатый дорогой бамбук» (富 фу – «богатый», 贵 гуй – «дорогой», 竹 чжу – «бамбук»).

Те, кто занимается торговлей, дома и на работе вешают изображение денежного дерева Яо Цянь 摇钱, на котором растут желтые плоды, похожие на монеты. 摇钱 Яо Цянь буквально означает «трясти деньги»: 摇 яо – «трясти, колебать, качать, шатать», 钱 цянь – «деньги, монета».

В качестве предметных талисманов используются хрустальный шар и колокольчик. Колокольчик, по китайским поверьям, исполняет желания. Хрустальный шар, использующийся при гадании, по-китайски 水晶球 (шуй цзин цю). Главным является последний иероглиф 球 «шар», написание которого близко к написанию иероглифа 求, означающего «обращаться за помощью, просить, умолять, спрашивать». Кроме этого, иероглифы 球 и 求 одинаково произносятся цю. Шар по-китайски 圆满 (юань мань), где иероглиф 圆 (юань) означает «круглый», а 满 (мань) – «полный, довольный», что также символизирует «благополучие». Первый и второй иероглифы в слове 水晶球 (шуй цзин цю) называют материалы: 水 (шуй) означает «вода, жидкость», 晶 (цзин) – «хрусталь».

Большинство информантов сообщило, что деньги первого покупателя они тратят. Что касается купюры, то многие считают, что большая купюра приносит удачу в торговле.

На вопрос *Складываете ли деньги определенным образом?* почти никто не дал ответа. Многие думают, что деньги надо считать, когда руки грязные. 12 человек кладут морскую или крупную соль в кошелек, чтобы привлечь деньги. А 15 человек положат в кошелек иностранную валюту.

На вопрос *Как поступите, если упадет мелочь на пол?* 17 человек ответили, что поднимут мелочь, остальные сказали, что выбросят её. Все информанты считают, что если чешется рука, то значит, что предстоят траты.

Счастливыми числами большинство информантов назвали 8 и 6. Число 8 (ба) произносится почти так же, как иероглиф 发 (фа), который означает «много денег». Число 6 по китайским представлениям символизирует успешность, спокойствие, безопасную дорогу. Несчастливым числом информанты назвали 4, так как по-китайски оно произносится так же, как иероглиф 死 (си), означающий «смерть».

На вопросы, касающиеся дней недели, были сообщены запреты: *В понедельник нельзя отдавать деньги; В пятницу нельзя носить чёрную одежду.* Большая часть информантов ответили, что лучшее время для продажи – вторая половина дня, а лучшее время для открытия бизнеса – начало месяца.

Результаты опросы показывают, что в сфере торговли бытуют как традиционные приметы и поверья, как например, представления о символике чисел, так и специфические, свойственные только данной профессиональной группе.

Оказалось, что после 30 лет китайцы верят в приметы меньше. В основном это люди, которые давно занимаются торговлей, поэтому в большей степени полагаются на свой опыт, знание рынка, чем на внешние факторы.

Большое значение для китайцев имеют талисманы. В выборе предмета действуют разные принципы или их сочетание, например, выбор китайской капусты, золотой рыбки в качестве талисманов обусловлен фонетическим принципом, а выбор хрустального шара – графическим, фонетическим и смысловым принципами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Современный городской фольклор / Под ред. С. Неклюдова. М.: РГГУ, 2003. 736 с.
2. Щепанская Т.В. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 4. № 1. С. 139 – 161.
3. Щепанская Т.Б. Фольклор профессиональных сообществ: приметы // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Т. 2. М.: ГРЦРФ, 2006. С.405 – 427.

Т.К. Веренич, Е.А. Колпащикова

БЕЛЫЙ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

The paper presents the results of the experimental method identifying similarities, differences and specificity of linguistic consciousness among Russian and Chinese native-speakers. The first phase of the project involves an association experiment on the basis of white color among Russian and Chinese native-speakers. The next phase involves complete data analysis. This research highlights the importance of the considering the difference in color lexis meaning while learning a foreign language.

Key words: *color naming, white color, word association, linguistic consciousness, lingvoculture.*

Ключевые слова: *цветообозначение, белый цвет, ассоциация, языковое сознание, лингвокультура.*

Известно, что человек воспринимает окружающий мир цветным и этот факт для него является весьма значимым. На протяжении многих лет человеческая мысль пыталась проникнуть в истинную природу цвета и понять его влияние на сознание людей. Феномен цвета является объектом изучения в различных областях науки, например, в философии, психологии, физике, медицине, лингвистике и других науках. Это свидетельствует о многомерности понятия "цвет". Более того, цвет играет важную роль в когнитивной деятельности человека. Цвет выступает одной из основных категорий культуры, «фиксирующей уникальную информацию о колорите окружающей природы, своеобразии исторического пути народа, взаимодействии различных этнических традиций, особенностях художественного видения мира» [Жаркынбекова, 1999. С. 109]. Многие явления культуры не могут быть поняты без учета значения цвета. Цветовой концепт представляет собой цветовой образ, а также переносно-символические значения, вызванные ассоциациями данного этноса.

Сравнение семантики цветообозначений в разных языках – одно из наиболее популярных направлений современных исследований, позволяющее выявить специфику национального мировидения.

Несовпадения культурных представлений о цвете у разных этносов особенно ярко проявляются в ассоциациях. Ассоциации указывают на национально-культурную специфику мышления носителей разных языков. Национальные особенности цветообозначений в речемыслительной деятельности носителей разных культур обусловлены их менталитетом и историко-культурными традициями. Ассоциативный ореол цветообозначения образует его страноведческий фон [Морковкин, 1988. С.14], который отражает специфику мировидения носителя языка сквозь призму цвета. Таким образом, цвет – это важная категория когниции и один из емких носителей культурной информации, накопленной этносом, а

цветообозначения – это «семиотические конденсаторы», выполняющие функцию механизма памяти культуры [Гатауллина, 2005. С. 53].

Целью данной статьи является выявление сходств и различий в восприятии белого цвета в русской и китайской лингвокультурах. Материалом исследования послужили результаты направленного ассоциативного эксперимента, проведенного методом письменного опроса (анкетирования) на базе эквивалентного слова, в качестве которого выступило цветообозначение *белый*. Эксперимент проходил в два этапа. На первом этапе участвовали носители русской культуры (60 человек) на втором этапе – носители китайской культуры (60 человек). Общее количество респондентов составило 120 человек.

Эксперимент с русскими респондентами проводился в Красноярске. Эксперимент с китайскими испытуемыми проводился в Красноярске, а также в Харбине, Циндао, Цицикаре и других городах Китая. Респондентами первого этапа эксперимента стали студенты Сибирского федерального университета, Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева, Красноярской государственной академии музыки и театра, работники детских учреждений (детских садов и школ), заводов, частных фирм. Респонденты второго этапа эксперимента – это студенты Хэйлунцзянского Университета, а также работники школ, компаний, заводов. При анализе результатов эксперимента мы рассматривали все словоформы одной лексемы как один ассоциат (без вариаций лексического значения), например: «облако», «облака». В задании оговаривалось минимальное количество реакций, которое испытуемый должен был дать на одно цветообозначение (три), чтобы получить разнообразные ответы (не только предметные). Респондентам была дана анкета, в которой мы просили указать пол, возраст, образование, далее следовала инструкция, согласно которой испытуемые должны были написать, с какими предметами, лицами, персонажами или абстрактными понятиями у них ассоциируются данные слова.

В ходе проведенного анализа мы выявили ряд особенностей отражения семантики белого цвета в языковом сознании русских и китайцев. У народов традиционной культуры белый цвет олицетворял **молоко** (牛). Но в настоящее время идет тенденция потери связи белого цвета с этим веществом: у русских он начинает ассоциироваться со снегом. Эта перемена связана с тем, что данное природное явление типично для климата в России. Китайцы в качестве прототипа для белого цвета также называли снег (雪).

Поскольку снег встречается в холодный сезон, такой как зима, белый цвет также ассоциируется с ней и с сопутствующими явлениями: **зима** (冬天), **Сибирь** (西伯利亚), **иней, холод** (寒冷), **сани, елка**. Снег также вызывает ассоциации с **севером**, местом постоянно «одетым» в снег, а конкретно с **Северным полюсом** (北极) и **Южным полюсом** (南极). На этих территориях живут животные, наиболее известными являются белые **медведи** (北极熊) и **пингвины** (企鹅).

Реакция **снег** также может объяснить появление таких ответов как 富士山 (гора Фудзияма в Японии), 雪山 (снежная гора, Гималаи), а также **Белоснежка** (白雪公主). Гора вызывает в памяти образ ее вершины, покрытой снегом, из-за чего она и ассоциируется с белым цветом. Белоснежка ассоциируется с белым цветом, так как, во-первых, в самом ее имени присутствует цветообозначение «белый» (白), а во-вторых, в ее имени также есть указание на прототип белого («снежка»). Благодаря такому качеству снега как белизна белый цвет вызывает ассоциации чистоты, непорочности, невинности, но только у русских респондентов. У опрашиваемых китайцев не было заявлено ни одной ассоциации с данными словами.

Для китайцев же белый – это цвет, связанный со старостью, осенью, увяданием, завершение цикла и выходом за грань мира иными словами со смертью (死亡). Поэтому белый цвет в одежде означает траур (哀悼), и подчеркивает значение предметов как связанных с похоронами (葬礼). В настоящее время белый цвет используется в одежде работников медицины: белые **халаты, врач (医生), медсестра (护士), больница (医院)**. Связь белого цвета и больницы проявляется еще и в том, что в результате болезни у человека белеет кожа (皮肤), но на Востоке наоборот белая кожа является эталоном красоты.

Белая кожа ассоциируется не только с больными, но может служить и обозначением европеоидной расы (人种). По цвету волос белый цвет также ассоциируется со старостью **седина (白发)**. Под белым цветом могут понимать не только насыщенный белый, но и почти прозрачный. Это может быть одной из причин, по которой белый ассоциируется с природными явлениями. Это **туман (雾), облако(а) (白云, 云朵), пена (泡沫) и река (湖水)** (имеется в виду бурлящая вода, которая придает ей белый цвет).

В ассоциативном поле «белый» мы выделили специфические для русских респондентов реакции: **ворона** («человек, резко выделяющийся среди других, непохожий на окружающих»), **танец** (дамы приглашают кавалеров), **зависть** («незлая»), **магия** («связанная с добром»), розы («Белые розы» известная песня группы Ласковый май), береза (стихотворение Сергея Есенин «Белая береза»), гвардия (произведение М. Булгакова «Белая гвардия»), флаг (символ капитуляции). Также белого цвета – чистый лист бумаги (纸); **некоторые растения: пион (牡丹), хризантема (菊), хлопчатник (棉花), речной кедр; астрономические явления, например: луна (月), звездопад (星雨).**

Проведенный анализ позволяет выявить особенности отражения семантики этих слов в языковом сознании наивного носителя языка (культуры).

№	Белый	%	№	白	%
1.	Цвета снега, облаков	21,7%	1.	Цвета снега, облаков	26,1%
2.	Свадьба	8,5%	2.	Смерть	7%
3.	Добро	5,4%	3.	Зима	4%
4.	Невинность	4,9%	4.	Больница	3,5%
5.	Чистота	4%	5.	Свадьба	3%
6.	Свет	4%	6.	Напрасно, ошибочно	2,5%
7.	Зима	3,6%	7.	Растения	2%
8.	Больница	3,6%	8.	Свет	1,3%
9.	Бесконечность, пустота	1,8%	9.	Чистота	0,7%
10.	Сакральность	1,3%	10.	Сакральность	0,3%

Белый цвет для русских все же больше связан с добром, чистотой, невинностью. В китайской культуре он больше ассоциируется со смертью.

Для слов «белый/ 白» мы нашли семь совпадений. Данные в процентном соотношении приведены ниже в таблице.

	Белый	白 (bai)
Снег, облака	21, 7%	26,1%
Свадьба	8,5%	3%
Больница	3,6%	3,5%
Зима	3,6%	4%
Свет	4%	1,3%
Чистота	4%	0,7%
Сакральность	1,3%	0,3%

Кроме того, для слов «белый/ 白» мы нашли три несовпадения. Данные в процентном соотношении также приведены ниже в таблице.

	Белый	白 (bai)
Смерть	0%	7%
Добро	5,4%	0%
Невинность	4,9%	0%

Более полное представление о национально-культурных особенностях того или иного цветообозначения дает нам наблюдение за функционированием цветовых единиц в речи носителей языка. В данном случае во внимание принимается лексическая валентность имен цвета, их переносные значения, устойчивые словосочетания, ассоциативные реакции.

В связи с этим обратимся к данным Толкового словаря русского языка [ТСРЯ, 1997]:

Белый – 1) цвета снега или мела. 2) светлый, в противоположность чему-нибудь более темному, именуемому черным; 3) В первые годы гражданской войны: относящийся к вооруженной борьбе за восстановление законной власти в России. *Белый офицер*. 4) То же, что белогвардеец. 5) Со светлой кожей (как признак расы).

Согласно данным Большого китайско-русского словаря [БКРС, 2002]:

白 (bai) – 1) цвета седины и снега; 2) ясный; 3) чистый; 4) напрасно, зря, даром; 5) бесплатно, даром, задаром; 6) контрреволюционный.

Как видим, прямое значение лексемы – собственно цветное – определяется через предмет, имеющий соответствующую окраску. Другие лексико-семантические варианты слова являются переносными значениями.

Кроме того, в китайском языке иероглиф «белый» входит в понятия: *идиот, пустые слова, разговорный язык, белый билет, ошибка на ошибке, безграмотно*. Следует отметить, что в русском языке белый не входит в

понятия недобрый, неправильный, безграмотный, напрасно, впустую, пустые слова, болтовня.

В результате проведенного ассоциативного эксперимента, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, исследование восприятия и репрезентации цвета – одна из интереснейших и сложнейших проблем в китайском языке и культуре. В лексемах, обозначающих цвет, отражается тысячелетний опыт любого народа и культурно-исторические особенности этноса.

Во-вторых, китайская культура – это культура цвета, резко контрастирующая с европейской цветовой традицией. Переносные значения слов-цветообозначений обусловлены историко-культурными традициями Китая. Например, цвет траура – белый. Китайцы в старые времена носили белые одежды и головной убор, когда оплакивали своих умерших родственников. Эта традиция сохранилась до наших дней.

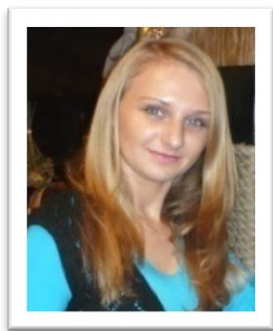
В-третьих, различие этнических сознаний является одной из главных причин непонимания в межкультурном общении. Таким образом, исследование языкового сознания носителей разных культур и выявление сходств и различий и специфики в их образах мира играет большую роль в повышении качества межкультурного общения.

Как мы видим, лексема *белый* широко функционирует в речи не только в прямом номинативном значении, но и в переносном значении. В русском и китайском языках первичное значение белого цвета обычно совпадает. Но в переносном значении совпадает далеко не всегда. Данные несовпадения обусловлены восприятием цвета на ментальном уровне. Таким образом, при обучении иностранному языку чрезвычайно важно учитывать специфику цветовой лексики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой китайско-русский словарь онлайн // Режим доступа: <http://bkrs.info/>
2. Гатауллина Л.Р. Лингвоцветовая картина мира: аспекты изучения // Семантические категории в разных лингвистических парадигмах. Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 43 – 53.
3. Жаркынбекова Ш.К. Моделирование концепта как метод выявления этнокультурной специфики // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999. С. 32 – 40.
4. Морковкин В.В. Контрастивная ценность русских слов как объект интерпретации в педагогической лингвистике и учебной лексикографии // Теория и практика учебной лексикографии / Под ред. В.В. Морковкина. М.: Рус. яз., 1988. С. 7 – 22.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

Ю.А. ГОТЛАН

ИСТОРИЯ АНГЛИЙСКОГО SPRUCE

The article is devoted to the historical analysis of a specific fragment of the lexical-semantic field (*LSF*) of “clean” in English. Engl. “spruce” (make someone or something smarter or tidier, neat in dress and appearance) *had* a complex historical path before it entered the *LSF* “clean”. Formal and semantic changes of this lexical unit are a reflection of commercial, *historical and cultural* priorities of international contacts in England of late Middle Ages and later periods.

Key words: *language contacts, history, etymology.*

Ключевые слова: *языковые контакты, история, этимология.*

Рассматривая ЛСП со значением ‘чистый, чистить’ в английском языке, мы обратили внимание на слово *spruce* прил. ‘аккуратный, изящный, элегантный, чистенький’, гл. ‘делать что-либо чистым, аккуратным, приводить в порядок’ [ODE, 2005. P.1714], которое не входит в ядерную часть ЛСП «чистый» [Сергиенко, 2006. С.188]. Если большая часть лексем, входящих в исследуемое поле, представлена производными, производящие которых имеют достаточно прозрачный мотивировочный признак, то мы обратили внимание на слово *spruce*, стоящее в английском языке достаточно изолированно. В отличие от большинства исследуемых лексем *spruce* не имеет производных. Чтобы выяснить, какую грань понятия «чистый» выражает это слово, обратимся к истории.

В середине XV века у знатных английских господ был обычай в особые дни одеваться на иностранный манер. Джентльмены, одетые по прусской моде, имели особенно престижный вид, щеголеватый, подчеркнуто аккуратный. Именно в этот период времени появились первые письменные фиксации слова *spruce* в английском языке, где оно встречается в словосочетании *spruce leather (jerkin)* ‘прусская кожа’, ‘прусский (кожаный) кафтан’. Вероятно, здесь имеется ввиду отделанный кожей кафтан, привезенный из Пруссии или выполненный по прусской моде и являющийся предметом торговли ганзейских купцов. Очевидно, данная вещь была настолько дорогой, редкой и изящной, что к концу 16 века слово *spruce* стало обозначать уже не только принадлежность к Пруссии (прусский товар), а чаще стало использоваться в значении ‘аккуратный, опрятный, изящный на вид, щеголеватый’, характеризую сначала внешний вид человека, а затем и предметов. К началу 17 века вошел в употребление глагол *spruce* ‘делать опрятным, аккуратным, изящным’, спустя столетие глагол начал употребляться с предлогами *up* и устаревшим в современном английском *out* ‘прихорашиваться, приводить себя в порядок, наряжаться’. К середине 18 века из значения ‘аккуратный, опрятный’ развилось новое – ‘свежий, оживленный, радостный’ (о внешнем виде человека, о предмете, звуке), т.е. ‘свежий’ как ‘ухоженный, приведенный в порядок’. Позднее данное значение было утрачено.

Невыясненным остается вопрос: почему ср.-англ. прил. *spruce* ‘пруссский’ имеет начальный *s*, в отличие от производящего его ср.-англ. *Pruce* (англ. *Prussia*) ‘Пруссия’, притом что в средние века встречались варианты названия страны – *Pruce* и *Spruce-land*, совр. англ. *Prussia*? Существует несколько предположений относительно формы *spruce* при исходной *Pruce*.

Первая гипотеза связывает появление начального *s* со склонностью английского языка к начальным *s-*, ср. *squash* вместо *quash*, *splash* наряду с *plash* и так далее [Müller, цит. по Skeat, 1884. P.585].

Вторая гипотеза исходит из возможности появления начального *s* в слове *spruce* ‘пруссский’ под влиянием англ. *spruce-beer*, заимствованного из нем. *sprossen-bier* [Skeat, 1884. P.585], первая часть которого – *sprossen* – связана со словом *Sproß* ‘побег, росток’, (ср. англ. *sprout* ‘побег, росток’), и исходно обозначает пиво из ростков (пророщенных злаков). Вероятно, аналогично происхождение и название ели в английском языке – *spruce-fir* (ср. нем. *Sprossenfichte* ‘ель с молодыми ростками’). Возможно, под влиянием англ. *spruce-beer* товары из Пруссии – прусское пиво, прусская кожа, ель, древесина – получили начальное *s* в своем именовании (ср.: вариативность на начальном этапе ср.-англ. *Pruce* и *Spruce-land*). Подтверждением того, что в Англии употреблялось прусское пиво являются свидетельства текстов 16-18вв, где *spruce-beer* объясняется как ‘пиво из Пруссии’, ‘сброженный напиток, изготовленный из экстракта игл и ветвей прусской ели’ (1500г.) [Onions, 1956, P.1984; Skeat, 1884. P.585] и ‘разновидность пива’, ‘вид лечебного напитка, приготовленного из черной (*black spruce fir*) или серебряной ели (1706г.)’, которым в Балтии лечили цингу, подагру и ревматизм [Skeat, 1884. P.585].

В зависимости от того, с чем раньше познакомились англичане – с нем. *Sprossen-bier* (солодовое пиво?) или с прусским пивом (возможно, по прусскому рецепту приготавливаемому, с использованием хвои определенного вида ели), может быть выдвинуто и третье предположение. Если исходить из того, что англичане раньше узнали о прусском пиве (или его рецепте) и именно название определенного вида ели, древесины в форме *spruce* ‘прусская ель’ встречается в средневековых английских текстах с 14 в., то, возможно, это способствовало адаптации нем. *Sprossen-bier* как *spruce-beer*, без калькирования первой части английским соответствием *sprouts* (об этом ставится вопрос в [Skeat, 1884. P.585]).

Таким образом, история слова *spruce* – это следствие культурных и торговых контактов Англии со странами Балтии (Ганзейский союз). С лингвистической точки зрения, слово *spruce* «случайно» попало в ЛСП «чистота», так как оно первично связано с обозначением предметной лексики – кожи и кожаного кафтана. Очевидно, данная реалья настолько была добротной вещью и предметом роскоши, выполненной очень качественно, что в английском языке из выражения *spruce leather* оно получило значение ‘элегантный, нарядный, изящный’. Позднее возник глагол *spruce* со

значением 'наряжаться, прихорашиваться', семантика которого расширилась до 'прибирать, приводить в порядок'. И независимо от того, каким путем у *spruce* появилось начальное *s-*, для нашего исследования значимо то, что исторический анализ прил. *spruce* если и позволяет включить его в ЛСП «чистота» английского языка, то только на его крайнюю периферию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Английские средневековые источники IX–XIII вв. / Отв. ред. В.Т. Пашуто. М.: Наука, 1979. 268 с.
2. Сергиенко Н. А. Сопоставительное исследование лексико-семантических групп прилагательных с идентификаторами «чистый/грязный» и «clean/dirty» (По материалам лексикографии): Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 189 с.
3. Collins Concise English Dictionary. Glasgow: HarperCollins Publishers, 2008. 1953 p.
4. Oxford Dictionary of English / Ed. by J. Pearsall and P. Hanks. Oxford: Oxford University Press, 2005. 2088 p.
5. Skeat W. An Etymological Dictionary of the English Language. Oxford: Clarendon Press, 1884. 412 p.
6. Skeat W. Concise Dictionary of English Etymology. London: Wordsworth Editions Limited, 2007. 643 p.
7. The Barnhart Concise Dictionary of Etymology / Ed. by Robert K. Barnhart. New York: Harper Collins Publishers, 1995. 916 p.
8. The Oxford Dictionary of English Etymology / Ed. by C.T. Onions. Oxford: Clarendon Press, 1996. 1024 p.
9. The Shorter Oxford English Dictionary / Ed. by C.T. Onions. Oxford: Clarendon Press, 1956. 2055 p.
10. Webster M. Webster's New Dictionary of Synonyms. Springfield: Merriam-Webster Inc., 1984. 942 p.

К. А. Зорин

ТРАНСФОРМАЦИЯ МАСС-МЕДИА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ОБЩЕСТВУ ЗНАНИЯ

Establishing such formation as “knowledge society”, where knowledge rather than information became a key factor of social and economic development, provides changes in mass-media. The distance between mass-media industry, as a kind of business, and journalism, as a kind of social responsible activity has increased. In new social conditions only exclusive information and knowledge have a high value. Journalistic products, whose major feature is actuality, have becoming less attractive for mass-media as good ones

Key words: *mass-media, journalism, media industry, social development.*

Ключевые слова: *масс-медиа, журналистика, медиаиндустрия, социальное развитие, общество знания.*

Становится все более очевидным, что будущее развитие социума связано не со становлением информационного общества, как предполагалось ранее, а с развитием общества знания. И ключевые позиции в нем будут занимать те группы, которые способны производить знание и владеть им.

О реалистичности такой перспективы сегодня говорят очевидные парадоксы развития информационного общества. Во-первых, это монополизация информационно-коммуникационных технологий отдельными развитыми странами. Они раньше других встали на путь постиндустриального развития и сделали ИКТ своей интеллектуальной собственностью. Во-вторых, это наличие «цифрового разрыва» и информационного неравенства, проявляющегося в том, что одни давно живут в виртуальном информационном пространстве, состоят в сетевых сообществах и пытаются воздействовать на политическое поле, требуя привилегий участия в управлении [Калмыков, 2012. С. 5-14], а другие не владеют навыками чтения и письма. В-третьих, это очевидный кризис перепроизводства информации, порождающий такие явления, как информационный шум, информационное загрязнение и дефицит знания.

В этих условиях не могут не претерпевать изменения масс-медиа и журналистика, являющаяся важной социальной подсистемой. Причем одно из них, все более очевидное для исследователей (Н. Больц, Е. Л. Вартанова, С. Г. Корконосенко, и др.), как раз и состоит в отделении масс-медиа от журналистики. Масс-медиа, руководствуясь логикой рынка, давно превратились в разновидность бизнеса, причем весьма перспективного и востребованного. А журналистика, несмотря на испытываемый аксиологический кризис, остается социально-ответственным видом деятельности, будущее которого туманно. Туманно потому, что сокращаются возможности для реализации классической задачи профессии – объективно информировать общество о происходящих событиях. Согласно единодушному мнению ряда отечественных и зарубежных ученых (Н. Больц, А. Бард и Я. Зодерквист, В. Третьяков, С. Марков и др.), масс-медиа, особенно ориентированные на широкую аудиторию (прежде всего, телевидение) – это часть информационно-политических проектов, «которые связываются в один узел тем, что мы все еще по привычке называем пиаром» [Марков, 2010. С. 12].

Тем не менее, делать виновными в «разводе» масс-медиа и классической журналистики (либо: в гибридизации журналистики с иными массово-информационными видами деятельности) исключительно политические и экономические элиты было бы слишком наивно. Ситуация возникла в ходе социального развития, становления информационного общества и появления общества знания.

Для лучшего понимания современной трансформации вернемся в XVII-XVIII века, когда в Европе стали появляться первые газеты (т. е. начала зарождаться система масс-медиа) и появился новый вид деятельности (но

еще не профессия!) – журналистика. Основная причина их появления, по мнению современных исследований, – наличие определенных общественных потребностей, ведь массовая коммуникация, массовая информация (как совокупность общезначимых сведений) существовали и ранее, циркулируя по каналам межличностной коммуникации. Во-первых, уже в позднем средневековье меняется вектор познавательной деятельности общества: если раньше людей волновали вечное, незыблемое, трансцендентное (и это проявлялось во всех видах деятельности, даже жизненном укладе), то теперь люди начинают все больше внимание уделять изменчивому миру, который их окружает. Во-вторых, зарождаются рыночные отношения и начинают формироваться основы капиталистической миросистемы. В-третьих, информация об этом внешнем мире, о его изменениях обретает экономическую стоимость и начинает превращаться в разновидность товара, для получения которого нет необходимости создавать и поддерживать такие мощные коммуникационные сети, как у правителей и церкви. Иными словами, постепенно все большее число членов общества испытывает потребность в регулярном получении информации о внешнем мире (как природном, так и социальном) и его текущем состоянии и они согласны делегировать функцию «мониторинга за реальностью» определенной группе людей. Причем этот процесс растягивается на века и большая часть общества в Европе и России включается в этот процесс только в конце XIX – начале XX веков. Собственно, именно в это время из вида деятельности, которым можно заниматься «по совместительству» с основным (политика, наука и пр.) журналистика превращается в профессию.

Стоит отметить, что, несмотря на активное участие журналистики в политической жизни и управлении обществом, она постепенно получила значительную автономию от церкви и государства. Этому немало способствовало развитие другого важного вида массово-информационной деятельности – рекламы, в значительной мере позволившей системе масс-медиа обрести финансовую самостоятельность. А поскольку масс-медиа оказались удобным инструментом косвенного управления обществом, через влияние на создаваемую ими в сознании людей картину внешнего мира, систему ценностных ориентиров, при поддержке элиты начался поиск способов влияния на обособляющуюся систему масс-медиа. И в США в начале XX века появляется еще одна массово-коммуникационная профессия – связи с общественностью.

Основой влияния масс-медиа и журналистов была относительная монополия на оперативное распространение максимально точной массовой информации. Остальные каналы были либо намного менее доступными для большинства населения, либо действовали медленнее и передавали менее точные сообщения (например, канал межличностной коммуникации). Благодаря этому масс-медиа могли успешно существовать, предлагая аудитории в основном журналистские произведения. И хотя развитие коммерческого радиовещания и коммерческого телевидения позволило найти

и другие, не менее востребованные аудиторией виды медиапродуктов, журналистские произведения оставались востребованными.

«Развод» масс-медиа и классической журналистики наметился в последней трети XX века, несмотря на то, что роль информации и с социальной, и с экономической точек зрения существенно выросла (и многие страны начали готовиться к переходу из индустриального в информационное общество).

Во-первых, интернационализация производства, а также стремление организаций преодолеть экономический кризис не за счет развития собственно производства, а за счет усиления тесного контакта с потребителем, привели к серьезному развитию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). В результате этого появились современная глобальная коммуникационная сеть и глобальное информационное пространство, в которые тем или иным способом интегрированы многие жители планеты.

Во-вторых, интенсификация информационного обмена и существенное снижение стоимости технологий, используемых для этого, привели к кризису перепроизводства информации и дефициту знания [Большц, 2011]. А это, в свою очередь усилило социальную роль меритократов как наиболее способных, одаренных, образованных членов общества, поскольку только наличие определенных способностей позволяет отсеивать ненужные сведения и трансформировать информацию в знания. По мнению некоторых исследователей (А. Бард и Я. Зодерквист, В. Третьяков и др.), в XXI веке даже начал складываться новый тип социальных отношений, где эксклюзивное знание становится источником власти, в отличие от общедоступной, а потому бесполезной с экономической или политической точек зрения информации.

Обозначенные причины привели к тому, что масс-медиа утратили монополию на оперативное распространение максимально точной массовой информации. С одной стороны, благодаря современным ИКТ люди все чаще информируют друг друга о важных событиях, причем часто сообщают детали, которые упускают журналисты. С другой стороны, в появляющемся «знанием» (также – инновационном) обществе возникает новый тип производства, необходимый для создания интеллектуальных / инновационных продуктов. Его характеризуют как индивидуализированное производство [Шилина, 2011], которое предполагает намного более тесную информационную связь потребителя и производителя. И связи с общественностью здесь оказываются более эффективными, чем журналистика и традиционная реклама (основа экономического благосостояния масс-медиа).

В данных условиях производство журналистских произведений, оставаясь высоко затратным и рискованным, перестало приносить масс-медиа гарантированную прибыль. Поскольку важной чертой журналистского текста является актуальность, его (в отличие, например, от сериалов,

развлекательных шоу, справочной информации и т.д.) нельзя использовать повторно: вчерашние новости интересны только историкам. Поэтому по отношению к журналистским произведениям не применима экономическая стратегия «длинного хвоста» (long tail), которая уже сегодня спасает книгоиздательство и музыкальную индустрию. Она заключается в том, что предлагая широкий ассортимент товаров, востребованных в узких рыночных нишах, можно заработать больше, чем торгуя 2-3 бестселлерами. Кроме того, становление общества, в котором эксклюзивное знание является источником власти, приводит к тому, что публикация и массовое распространение объективных сведений о реальности (упомянутая классическая задача журналистики), обесценивает их с экономической точки зрения. Данное действие экономически оправдано только в случае, если оно имеет скрытые мотивы и кем-то оплачено.

Таким образом, становится понятно, почему исследователи фиксируют такие явления, как кризис журналистики, сокращение информационной функции масс-медиа, гипертрофию развлекательной функции, а также противостояние медиаорганизаций (как разновидности бизнеса) и журналистики (как социально-ориентированного вида деятельности). Сами масс-медиа, точнее медиахолдинги при этом трансформируются в часть информационно-политических партий. У журналистики есть варианты развития. Реалистичный – это разделение на журналистику как инструмент манипулятивной демократии и элемент культурного тоталитаризма, с одной стороны, и на так сказать журналистику для элиты, с сохранением присущих профессии свойств. Об альтернативных вариантах необходимо задуматься и самому профессиональному сообществу и вузам, где осуществляется подготовка журналистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Больц Н. Азбука медиа. М.: Европа, 2011. 136 с.
2. Калмыков А. А. Политика знания в поле медиа // Журналист. Социальные коммуникации. № 1. 2012. С. 32 – 41.
3. Марков С. Медиакратия: СМИ как эффективное орудие власти в информационном обществе // Третьяков В.Т. Как стать знаменитым журналистом. М.: Алгоритм, 2010. С. 3 – 21.
4. Шилина М. Инновационное общество: теория и практика PR и медиа // Меди@альманах. № 1, 2011. С. 6 –13.

О.С. Юркова

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ДВУХКОМПОНЕНТНЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ТЕРМИНОЛОГИИ ЭКОНОМИКИ КАЧЕСТВА

Economics of quality is one of the youngest and most prospective branches of economy. In terms of terminology it offers a vast field for research and discussion, many of the terms being not quite clear yet and the terminological system not formed. This research focuses on the terminological word combinations models.

Key words: *terminology, economics of Quality, term formation,*

Ключевые слова: *терминология, экономика качества, терминообразование, терминологические словосочетания.*

Статья посвящена анализу двухкомпонентных терминосочетаний в активно формирующемся подязыке экономики качества – «несамостоятельного научного направления, изучающего закономерности экономических процессов в системах менеджмента качества, а также взаимосвязи между целями в области качества и возможностями их достижения с учетом имеющихся результатов» [Скрипко, 2006. С. 47-48].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью накопления эмпирических данных о зарождающихся терминологиях, а также углубления представлений о синтаксическом способе терминообразования и его роли в конкретных терминосистемах. Источником исследования служит стандарт ISO 10014-2006 Quality management – Guidelines for realizing financial and economic benefits (25 стр., дата введения 2006-07-01). Всего проанализировано 152 термина и терминосочетания, из которых выделено 13 однословных терминов (9%) и 139 терминологических словосочетаний (94%), из них 92 (66%) – двухкомпонентные словосочетания.

Синтаксический способ образования – наиболее продуктивное средство пополнения терминологии. Способ заключается в преобразовании свободных словосочетаний в сложные "эквиваленты слов". Состав различных терминологий европейских языков на 60%-95% состоит из терминов-словосочетаний, из чего следует, что преобладание терминов-словосочетаний над однословными есть характерная черта современной терминологии [Гринев, 1998. С. 142]. Существуют двух-, трех-, четырех- и пятикомпонентные (количество компонентов может достигать до семнадцати) терминологические словосочетания и предтермины. В данной работе рассматриваются только двухкомпонентные модели как самые распространенные.

Можно назвать несколько основных моделей двухкомпонентных терминологических словосочетаний в английском языке:

N + N (*quality improvement, audit case*);

A + N (*specific case, random cause*);

Ving + N (*housekeeping audit, manufacturing process*);
 Ved + N (*planned benefit, released capacity*);
 N's + N (*Deming's cycle*);
 N + P + N (*desicion on conformity, draft for ballot*) [Гринев, 1998. С 142-144].

Из предложенных моделей несложно выделить три основные, остальные являются вариантами: N(Ving) + N, A(Ved) + N, N + P + N.

При анализе стандарта ISO 10014-2006 выявлены следующие модели двухкомпонентных терминосочетаний:

- N + N (*cost avoidance, management review*);
- A + N (*continual improvement, corrective action*);
- A + Ving (*strategic planning*);
- Ving + N (*managing factor, accounting system*);
- Ved + N (*improved profitability, balanced scorecard*);
- N + P + N (*involvement of people, return on investment*).

Больше всего терминологических словосочетаний образовано по модели N+ N (52 из 92, 57%).

Следующая по частотности модель – A+N (18 из 92, 20%).

По модели Ving + N образовано 4% (4 из 92) словосочетаний, по модели Ved + N – 5% (5 из 92) сочетаний; 2 из 92 словосочетаний (2%) образованы по модели A + Ving.

Отдельно можно выделить модель N + P + N. Такую модель имеют 9% (8 из 92) словосочетаний. Представлены следующие предлоги: of (5), on (1), to (1), by (1).

Соотношение частотности моделей образования терминологических словосочетаний можно выразить следующей диаграммой.

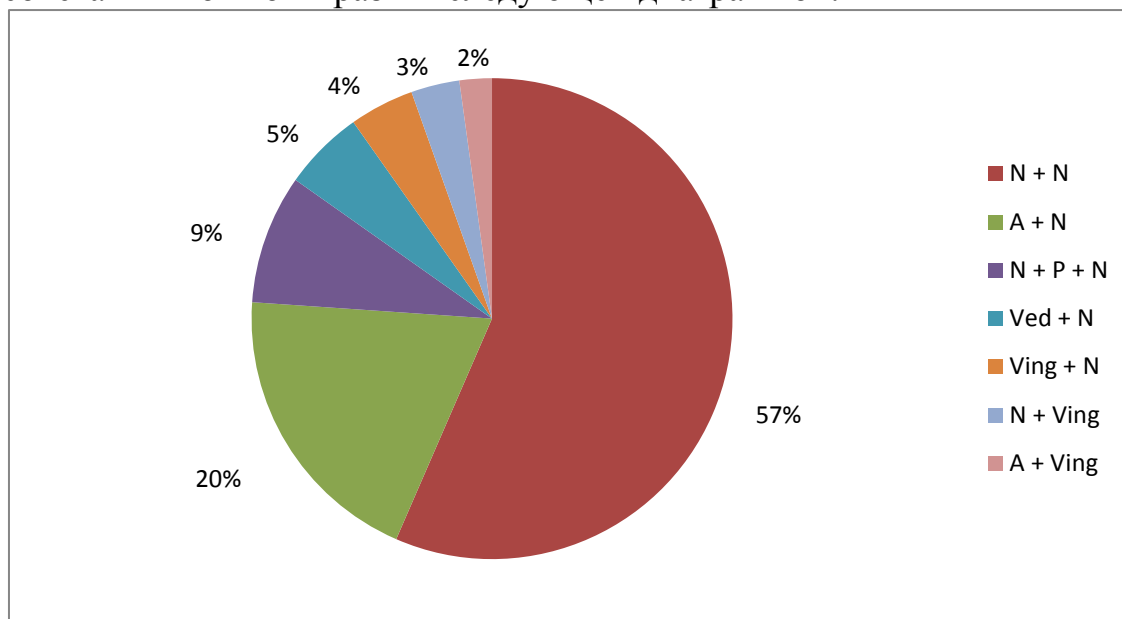

Рисунок 1. Модели двухкомпонентных терминологических словосочетаний

Несмотря на разнообразие вариантов, прослеживаются три основные структуры: N (Ving) + N (Ving), A (Ved) + N (Ving), N + P + N.

По морфологической структуре можно выделить следующие ядерные элементы:

субстантивные словосочетания (90 из 92), среди которых можно выделить:

с именем существительным, беспредложные и предложные (*process validation, control of nonconformities*)

с именем прилагательным (*true profit, holistic view*)

с причастием (*balanced scorecard*);

а также 2 из 60 глагольных словосочетаний с именем существительным (*contingency planning, on-the-job training*).

Следует заметить, что полученные данные подтверждают общие тенденции: синтаксический способ терминообразования как наиболее продуктивный, преобладание двухкомпонентных терминологических словосочетаний, построенных в основном по нескольким закрепленным моделям. Разумеется, нельзя на основании анализа части терминов терминологии делать однозначные выводы о тенденциях развития всей терминологии. Для более углубленного анализа требуется изучение всего корпуса терминов, которые как зафиксированы в стандартах ISO, так и содержатся в трудах и речи специалистов по экономике качества.

Источниковедческое исследование данного корпуса, составление максимально полной лингвистической картотеки, отражающей современное состояние терминологии экономики качества в английском и русском языках, – задача, которую предстоит решить автору статьи в ближайшем будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ISO 10014-2006 Quality management - Guidelines for realizing financial and economic benefits. Режим доступа: http://www.pqm-online.com/assets/files/standards/iso_10014-2006.pdf
2. Адлер Ю. П., Загребельный В. Н., Палей С. М. Англо-русский словарь по менеджменту качества и оценке соответствия. М.: Стандарты и качество, 2004. 352 с.
3. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высш.школа, 1987. 104 с.
4. Гринев С. В. Введение в терминоведение. М.: Изд-во МГУ, 1998. 309 с.
5. Скрипко Л.Е. Экономическое управление качеством: теория и методология. СПб.: Изд-во СПбГУВФ, 2006. 203 с.

III. ЖИВАЯ РЕЧЬ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ

В этом выпуске нашего журнала мы продолжаем публиковать устные рассказы жителей сел и деревень Красноярского края.

Тексты, которые вам предстоит прочесть, вот уже на протяжении более 50 лет записываются диалектологами и студентами-филологами красноярских вузов. Сегодня богатейшие текстотеки диалектной речи хранятся в КГПУ им. В.П. Астафьева и в Институте филологии и языковой коммуникации СФУ. Немало записей было сделано учеными Регионального лингвистического центра Приенисейской Сибири, которым с 2001 по 2009 гг. руководила доктор филол. наук проф. Фельде Ольга Викторовна, главный редактор четырех томов «Словаря русских говоров центральных районов Красноярского края». Когда-то и я, будучи студенткой этого университета, принимала участие в сборе и обработке материалов диалектологических практик, вслушивалась в старые магнитофонные записи речи пожилых сельчан, сделанные членами диалектологических экспедиций в середине 70-х – 80-х годов прошлого века. В настоящее время этих сельских жителей, или информантов, как их принято называть в полевой лингвистике, скорее всего, уже нет в живых. И все же с помощью записей («расшифровок» магнитофонных лент) мы имеем уникальную возможность – вернуться на несколько десятилетий назад, чтобы через эти, порой незамысловатые тексты, познакомиться с мировоззрением, традициями и укладом жизни простых жителей нашей необъятной Сибири.

В этом году мне посчастливилось принять участие в диалектологической экспедиции студентов и магистрантов Сибирского федерального университета в Кежемский район Красноярского края. Мы привезли десятки часов аудио- и видеозаписей, множество фотографий. В этом номере, наряду с записями, которые были сделаны давно, публикуются совсем новые тексты, которые свидетельствуют, что русские народные говоры Приенисейской Сибири живы.

Для удобства восприятия текстов читателями устные рассказы записаны по законам современной русской орфографии. Но при их расшифровке и подготовке к публикации мы постарались сохранить орфоэпические, лексические и грамматические особенности народной разговорной речи сибирских старожилов, а также с помощью принятых в русистике знаков долгих и коротких пауз показать ритмический строй

диалектной речи. (Филатова Марина Андреевна⁷, магистрант отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ).

Рассказ о рыбалке

Кежемский район. Село Усть-Кава

Информант: Нехорошев Никифор Яковлевич, 1918 года рождения

Максёнов⁸ в сентябре месяце добывают // в **садок**⁹ деревянный // На нем навёртывают дыры / шток не задохся / делают **берцу**¹⁰ / и туда **надобывают**¹¹ // Насыпают туда его / шток он там / живой был // Когда сделается Ангара / ну / холод пойдёт / замёрзнут / **заберег**¹² / ставятся **уды**¹³ // Вырубается **черешок**¹⁴ / и к ней привязывается поводок / ну так / величиной сантиметров пиисят // Уда налим у нас назывався // И вот его наживляют на хребет / этого **максёну** / и отпускают // Он там ходит // Утром идут проверяют // Попал налим / значить / он ево ес / этова **максёну** // Попал // Вытащишь // налим хороший // **Макса**¹⁵ хороша // Это дело шло / идёт / осенью / зимой // Кто старается / всю зиму ставит. Патом/ кыгда Ангара нацынает тепло / это / вода сходит / ездить нельзя уже по ней // Проходит Ангара / несёт уже редкий ледок / ставят **перемёты** // Попеременке **уды** с пробками / шток **уда** торчала вот так / к верху // Знацит / в этом месте берётся поводочик / вот так вот / **уды** и пробка / шток она её / к хрени привязанный // и коряга вытянута // Быстро тода Ангара / быстро идёт // И вот / когда она вот так торчит / красна рыба плывёт и подеется // Вот / мол / запрещали / што вот нельзя **перемёты**¹⁶ ставить // Она срывается / заражается / человек добывает / отравляется // Это у нас было / как с из веку веков // И отец мой рыбачил //

Четыре километра от нас Горохово // Туда осенью / в сентябре месяце / числа двадцатого сентября / съезжается туда к нам много лодок // Съезжается староста выбранный // Вот там яма // Там **красна рыба**¹⁷ на зиму собрался // Она стоит // А знаете / как стоит она // Я видал **белую рыбу**¹⁸ / стоит как и красна // Она стоит вот в ряд / здесь // Таким образом / она рядами стоит //

Когда настроились уже выезжать / скажем / сёдни третье число // Утречком рассветало // Уже светло / Ну / староста с флажком с красным //

⁷ Научный руководитель – Ольга Викторовна Фельде, доктор филол. наук, проф. кафедры русского языка и речевой коммуникации СФУ

⁸ Максён – пескарь.

⁹ Садок – приспособление для ловли мелкой рыбы

¹⁰ Берца – кол для укрепления рыболовных снастей

¹¹ Надобывать – добывать

¹² Заберег – полоса молодого льда вдоль берегов реки

¹³ Уды – самодельная удочка

¹⁴ Черешок – Черенок

¹⁵ Макса – печень налима

¹⁶ Перемёты – многокрючковая рыболовная снасть, состоящая из длинного шнура, растянутого между двумя якорями или кольями и оснащенного большим количеством поводков

¹⁷ Красная рыба – рыбы ценных пород (осётр, стерлядь, сиг и т.п.)

¹⁸ Белая рыба – линок, налим, щука и т.п. рыбы

лодками // Моторов не был / **на гребях греблись**¹⁹ // Щас кармой к берегу // и **карябали с камня**²⁰ // Как он махнул флажком / отпихиваются / и кто опередит // Как вот **спортвники**²¹ бегают / так и там / кто посильней // На яму приехали / Вот в этом месте староста // А патом / когда поставили перемёты / заезжают выше старосты и отпускают // Э / дёгтю намажут верёвку / привяжут её к камню и бросают / штоб ею пошевелить // Она покатила // Вот она подеётся // **Бой сделали**²² //

Ну / вот мой отец всё лето добувал рыбу // А вот эта речка Кава / её назвали рождение Усти-Кава // Мы можем с Кавы / с этой рещки / брать воду / и можем с Ангары воду брать // Вот в это время идёт налим / идёт туда таймень / идёт и щука / идёт и **вокань**²³ // И вот эти налимы там / вот такие / здоровые они / жирные // **Макса** станешь топить / сковороду натопляется жиру рыбьиво //

Порог восемь километров // Порог страшный // Много людей потонуло // А там / по Каве / населённые пункты были / не считай Уяр // Патом раскулачили людей / двадцать километров от Ангары // Патом тринадцать километров Сиза будет // Семь километров Прокопьево // Семнадцать километров Костино // Этак пойдёт туда / по рещке / населённые пункты // Прямо на откесе / на ето / километров шестьдесят / я раз был в ней // Э / маленька деревушка // Ну тода-то люди жили оцень богато // Весь **припас**²⁴ был // Всё было / рыба была / э / птиса была / э / зверь был // Всё было // Жили люди //

О прошлой и настоящей жизни

Кежемский район. Село Усть-Кава

Информант: Нехорошев Никифор Яковлевич, 1918 года рождения

Вот я раз слышал / то ли по радиу / то ли по телевизеру / учительса выступала // Тоже / стало быть / записывали и выступали / што / когда я ущилася / она Ангару не знала / што такое Ангара // И когда я / говорит / выучилася / меня посылают на Ангару // А считали / эту Ангару-то / бурлаки жили // У нас ни катеров не было // Если вернуться / то мы жили там плохо // В чём плохо // Рыба была / мясо было // Всё было // Хлеб был // Но царь когда был / я захватил эту жись / с восемнадцатаво года / в саму революцию родился // У нас не было керосину / помню хорошо // Я забыл сколько лет // не спросил ни маму / ни отца / сколько лет я стал помнить это // Но было утакое корыто величиной / во такое шириной / во такое глубиной // Из дерева // Дерево свалят / вырежут такую **чирку** и выдолбят // И туда железо в

¹⁹ Грестить на гребях – грести шестом и вёслами

²⁰ Карябать с камня – отталкиваться от мелководья

²¹ Спортвники - спортсмены

²² Бой сделать - дать команду на массовый вылов красной рыбы в установленный срок

²³ Вокань - Окунь

²⁴ Припас – Запас продуктов впрок

кузнице расплющат так / а это заострено / в это корыто напиток // А в корыте вода // Лучина тока была берёзова / больше никакой / потому что от берёзы / её кору уберут / дыму меньше // Вот так наискосок / сюда лучину эту воткнул // Она горит / догорает // Её подымут / а это вот уголь в воду // Захватил / в старой избе мы жили // Не было у нас / у которых этих / окна были / стёкол / из овечей **пучины**²⁵ / кожа // Скотину убивают // Тонкая плёнка-то / вот её очистят хорошо / скоблят // высушат и прибавают // Што плохо жили // Не было у нас школ / не было у нас больниц // Если человек заболел // в Богучаны надо // Эта **Богуча**²⁶ километров двести // Вот такая жись была // Вот тогда я хватил //

Дала нам жить советская власть // Просветила она нас // Появились у нас катера // То мы как бурлаки / вот с Енисейска до Кежмы / лодки таскали / шестнадцать-семнадцать тонн // Восемь-десять человек по берегу эту **элимку**²⁷ тащут / вот до Кежмы // А потом появились катера / появились моторки // Зажили хорошо / стали рыбачить // Попадало што у нас в ловушки / сетях / щука / окунь / **сарока**²⁸ // Это если частая / на восемнадцать-двадцать нерест попадает // Если редкая, сороковка / шестидесятка / тай идёт уже только крупная рыба / щука // Харюс в рещку шел // Удили / но запрещать стали // Харюса здорово добывали / на удочку // Вот червяка наживим / сначала красного / нет, деревянного вырубашь / он же тощит / короед его называют // Дерево вырубашь / наживляешь на него // Когда земля оттаяла / на красного // На красного лучше идёт // Добывали оцень хорошо // Щас не стали добывать // А почему не стали // Когда стал Хрущёв соединять колхозы / выбивать всего скота / сделал обнищание // Когда-то Ангара сама себя кормила / и государству сдавала // А щас ведь она не кормит // А потом начали гэсы строить / Иркутская построили / Братская построили // Понесло эту щелочь с этих озёр / мох // **Красна рыба** / несло её страшно // Она **шаблы**²⁹ забьёт / она теряет сознание // И вот она поверху таким образом // Вот такая моя мысль была / я бы никогда не стал гэсы строить // А эти / силовые бы настроили / мощные поставили двигатели //

Скажем / рыжик был / мода была // Дак лес-то **вывалили**³⁰ весь // Да / была километровая зона // От **бровки** до Ангары пробита просека / штоб в этой зоне не трогать лес / потому что / Ангару штоб не сушить // А щас это всё **вывалили** / **выкрепали**³¹ на островах / а вывести / нище не вывезли // Так оно гниёт всё // Так оно лежит всё // Когда у нас мы жили / там леспромхоз был / вывоз был / туда направили заключенных // Зона затопления // Когда я валил / возил / пятнадцать лет мне было / я на производство пошёл // Снег стаял // повторная чистка идёт // С граблями в кущи складываем / жещь нельзя / загорит лес // Сгребли / Фронтом так пошли

---

²⁵ Пучина - кожа

²⁶ Богуча – с. Богучаны

²⁷ Элимка – большая крытая лодка

²⁸ Сарока – рыба сорога

²⁹ Шаблы - жабры

³⁰ Вывалить – спилить, свалить (о дереве)

³¹ Выкрепать - выкорчевать

/ человек сорок-шестьдесят / выщестили // всё в кучу склади // Осенью снежок навалил // сожгли // В бору чисто // По ягоду пошёл собирать / видно // А щас всё вырвали // В речку харюс не идёт / к тому же / **проносную**³² воду надо // В Ангаре воду пить нельзя // Речки все высохли // Вот это не вредительство // Это не Ангара была / а это золото // Золотое дно и золотая местность была / У всех всё было / Только не было што / вот винограду / вот яблоков // Так мне не надо было // Рыба своя / мясо своё // Скота держали // Надо мне / сбегал в лес // Сохатова убил // Надо мне боровой птисы / я на ток побежал // Раньше у нас не было холодильников, хранили в **дупле**³³ // Люди жили / веселились / Вот говорят / пьяниси / алкоголики // У нас ведь это / до одиннадцати часов // Мы не замыкали ни дома / ни погреба // И никто ни у кого не тащил // Жили прекрасно // Ощень / ошень хорошо жили // У всех всё было // Всё што можно было / рожалось / помидоры рожались / морква / лук / чеснок / зимный лук / дикий лук // Всё прекрасно было // Одежда была //

Встреча с медведем

Кежемский район. Село Усть-Кава

Информант: Нехорошев Никифор Яковлевич, 1918 года рождения

Да / добувал я одноho // Не хочу сказать / што нет // Если бы не кобель / он бы меня съел бы // А как полушилося // Мы жили на Ангаре // Я пошёл осенью на охоту // Ну / пришёл туда / говорю / слушай / мамаша / ты мне ношки на две собери // Ну вот, я пошёл // Подходит ноцофка / а я с **тосочкой**³⁴ / воды нету // Один рущей перешёл / другой рущей перешёл / нет воды // Ну/ стало темнять // Расклат костёр / пихточки расстелил // Давай дров таскать // Залаял // На медведя лает собака / што ночью на человека // Ну / прямо скажу / перепугался я крепко // не хочу сказать / што я смелый // А впала через рущей осина / вот так вышиной от земли // Когда / говоришь / я его вижу / Он лапу положит на осину / голову промеж лап / спиной ко мне // Только заворощица медведь там / залает на него // Хороший кобель булл // Боялся медведь // И вот я утром встал / **тоска** эта у меня в руках // Эта сучонка находит белку / с **тоски** стреляю хорошо // Раньше от охоты до охоты жили // Добудешь / тем и живём // Белку добыл / вторую добыл / третью добыл // Не подходит / идёт стороной //

[Запись сделана в 1970 году Кирюхиной Натальей, обработана в 2008 году студенткой 2 курса КГПУ им. В.П. Астафьева Осипович Еленой. Руководитель диалектологической практики – проф. Фельде О.В.].

Рассказы о медвежьей охоте

³² Проносная вода – проточная вода

³³ Дупло (дуплё) - подвал

³⁴ Тоска - Ружье охотничье одноствольное

Кежемский район. Деревня Яркино

Информант: Колпаков Корнил Никонович, 1903 года рождения

На лошадях уехали туда / продукты возили / сами ехали / собаки тут были // По дороге / пятьдесят километров / а там // Тут переодевали / потом назавтре встали // Повезли хлеб дальше / к избушкам / где охотился // Там изба у нас / ручей такой широкий / вот там охотились // Белку добывали / сохатых добывали / ещё медведя добыли тут / у этой избушки // Тоже было // Пошли **белочить**³⁵ / один туда пошёл / другой туда // Один пошёл туда / он там находил медведь / по снегу // Он вернулся / охотник / к избушке / пришёл я // Пришёл // Ну / побежим // Побежали // Вот пришли / нашли собаки его / погонили / догнали // Но и добыли его / убили // Но потом коней привели / его вывезли // Он шибко не сопротивлялся / собаки лаяли в дереви его / он жопой этак к дереви не сядет // Они за жопу хватают его / у него жопка криво / боится он / ходит / **обвёртываеца**³⁶ // Суды хватит / суды **обвёртываеца** / а он / он такой / человека-то не глядит / на собак глядит // Вот к нему подходишь / подходишь / ближе-ближе / а потом из централки / бух-бух // Повернулся // Готовый // Подбегаешь / сразу голову прирезываешь / горло / штобы не **отжился**³⁷ // Ну и всё // Ну / бывает это / так / ну из централки достаёшь / как таица / так и от / пуля-то большая. По весу ходит в это / в дуло / в централку-то / пуля-то большая // Ну вот так //

***

Поехали вот отсюда по снегу уж / по другой дороге / охотица же // Ну / там заехали в ручей // у нас лошадь утонула в руччу // она **почала** в грязь / утонула // Стали вытаскивать // Собаки залаяли на бугоре / как раз на бугор // Ну-ка / я побегу / на кого лает // Да ишо один со мной пошёл / его нету час / он помер // Ну / побежим // Я наперёд / он за мной // Витька на бугор-то // Ешо не поднялась **глуда** // Ишь вы / глянул / по дороге-то / а медведь бежит к нам // А семь собак было тут / а её всё теребят / хватают / а он бежит по дороге прям ко мне // Я сговорю // Ребята // Медведь // Ну / они все / там / ружья и ко мне // Он до меня не добежал метра / четыре или пять ли / и в сторону свернул // И вот собаки посадили // Сял он // Охотники прибежали / нас тут четверо было // Прибежали / встали на дорогу / а собаки не дают стрельнуть / ить их многа / а патом // Но смотрите / собак не убейте // А он патом немножко как отскочит / от собак-то / в то время стреляешь // Убили его / патом тут три раза стрельнули / а патом подошли / и четверо на дорогу медведя вытащили // Ободрали его на дороге // **одневали** на кони / и к избушке увезли //

³⁵ Белочить – охотиться на белку

³⁶ Обвёртывается - оборачивается

³⁷ Отжиться – ожить, прийти в себя

Ну / жил я в колхозе / расскажу да-ка // Но меня выделяют на охоту // Осень / на охоту выделяют охотиться // У меня было две собаки / кобель и сучка / обои молодые // Ну / чего я с ними / не знаю / кого они будут ловить / будут искать кого или не будут ли // Но выпросил коня / завтра поеду / поеду / проведу / чего они бегать будут ли / лаять кого будут ли // Поехал // Километров шесть отъехал / добыл белку одну / патом поехал на ту сторону дороги / возле ручейка / ручей там есть // Ну / с километр отъехал / кобель бежит рядом / и я дак это / а он бежит // Бежал // Остановился / залаял // Что такое // На вид вижу я его / залаял / загрёб землю // Слезая с коня / коня привязываю за берёзку / беру централку в руки пулеми заряжены / топор в руки / с ног / и бегом / к кобелю // А сучка стоит / к нему не едёт / боится // Ну / подбегаю / эдак / ну / когда всё ближе подали / глядь / достал // Думаю / кого же он тут гребёт // А он такую дыру выгреб // Ну / гребёт / маленько постоял / медведь-то там крикнул / **матке**³⁸-то // Так я всё узнал / што это медведь //

Ну / чего делать // Не знаю // Постоял ешо немножко // Если бежать к лошади / да садиться / да уежать // она выскочить // меня **сустежот** и задавит // Нет / не пойду // Ставлю топор / **верхонки** у меня были // Сбрасываю // **Централку** на курке / и ешо поближе подошёл / где кобель-то роет / немножко // Постоял немножко / то ли она выскочила оттуда / чего их / только там бок да шевелится // **Централку** опять на руку / опять / бух // Как раз вот убили / другова тоже убил / вытащил из другова // Патом зашёл / опять постоял / постоял / взял такую палочку / отломил / бросил в эту дыру-то // Собаки-то туда убежали / в дыру ту // Немножко постояли / выскочили // Когда я выскочил / щас / за жопу глядеть / глядит в дыру // Што такое // Бляха / уже боюсь лезть / он / может / там // А он сердитый // Сломил **сашинку**³⁹ сухую // ну метра полтора // **централка** в руке в правой // в этой **сашинка** // В дыру засунул **сашинку** // давай там **шурыборить**⁴⁰ / а он схватай это / Так это там медведь // Нет / не хватат / ну / стало быть / нету боле // Но убил //

Давай я их обдирать / **беловать**⁴¹ / сначала **матку**-то ободрал / а потом детей // Они уж большия / собаки / большия / Хотел было одного не рубить / на седло положить / да домой привезти / дак не мог поднять-то / тяжёлый // Вот изрубил / ободрал их тут / склал кучей / на седло положил / на коня / повод в руки / централка на плече // Пошёл на дорогу / километра полтора / тёс тесать // На **деревине**⁴² / тёс с собой / сорву / дальше идёшь / штобы видно было // Натесал / вышел на дорогу / сел на **вешку**⁴³ // Приехал домой //

³⁸ Матка – медведица

³⁹ Сашинка – тонкая сосенка

⁴⁰ Шурыборить – тыкать, шарить, ища кого-то

⁴¹ Беловать – снимать шкуру

⁴² Деревина – ствол дерева

⁴³ Вешка – маленький шест для указания пути, границ зимней дороги, изготовленный из тонкого срубленного дерева.

К речке идёт старик // Ты кого везёшь // Я говорю / медведя // да што ты // Ты где его // Я вот говорю // Да ты с кем // Я говорю / Один // Ну / я бы один не стал промышлять // Ну дак чего // Как / может задавить / дак задавит / только не бойся // Переехал // Приехал домой // Бабушка встречат в ограде // Ты кого везёшь // Медведя // Заплакала // Ты с чего его стал добывать // Как с чего добывать // Собаки залаяли // не будешь убежать // стрелять надо // Ну и всё // кончил // Назавтре поехал / запрёг в сани коня // Дали мне // привёз их домой / и съели

[Записи сделаны в 1993 году Кукарской Е., обработаны в 2008 году студенткой 2 курса КГПУ им. В.П. Астафьева Осипович Еленой. Руководитель диалектологической практики – проф. Фельде О.В.]

О свадьбах

Кежемский район.

Информант: Рукощева Александра Михайловна, 1919 года рождения

Ну свадьбы / ну как не помню // Помню // По старинному / я знаю / брата моего старшего женили // Свадьбу проводили богатую // Брат у нас поехал в госьти / там доставал себе невестушку // нашёл // Приезжат // Я уже женился / говарит / договарюсь с невестой // Так езли сватали / с родителями / он там поехал в гости / это тридцать / ой / я забыла уже // Да / в тридцать третьем году / тридцать втором году он женился у нас // Перед колхозами уже // Начиная с колхоза // Но у нас-то што // вроде не было / в тридцать втором году уже / это / разделились на бригады / и у нас / значит / там от человек десять / одиннадцать / двенадцать // **Поежанины**⁴⁴ и называлась / **дружка**⁴⁵ // Сваха называца / значить / не сваха / а свидетели // А раньше назывались дружка / сваха // Вот / оне приезжают с этими // Народ всё бросают / в этот день не работают // Бегут на свадьбу //

На лошадях приехали / утром / только солнце всходило // Они приехали // У нас уже столы были **наряжены**⁴⁶ // Там раньше ставили скотской / сварят ногу // Губу отварят // и на столы ставят / Красива наредят // Наш брат приехал // Мы тут жили / вот он приехал / ну // Ну / народу полно // И дверь сняли с крючев // полный дом набрался // И в ограду / и везде // Народу набежала вся деревня / молодых смотреть // Даже не пускают / разделили и тут еле-еле / хоть приехали / а куды их всех //

А волосы у ней там ешо заплетают / у этой / матери // Делали рукавиче / расплетали косу / она одну косу заплетёт // Когда её замуж выдают / её расплетают девушки / и хоть кто приходит / одну прядочку расплетёт / на мелкие заплетут // Народу набирается много / и как **кружевают**⁴⁷ / по одной

⁴⁴ Поежанины – участники свадебного поезда со стороны жениха

⁴⁵ Дружка – доверенное лицо на свадьбе со стороны жениха

⁴⁶ Нарядить столы – накрыть столы к празднику

⁴⁷ Кружевают – (?)

прядочке расплетают / а патом уже на две косы // Она уже / когда её жених приводит / она две кассы заплетает / к жениху едет и две косы заплетаются //

Плакала / плакала // Невеста выходит из кухни / выходит на коленках / плачет // Всё к матери в колени падает / прощенье просит / всё это / што замуж вышла / што даже весь народ над ней плачет // Ну дальше / хватит / хватит плакать // Дак / ну не плачь / а бабушки говорят / другие / знашь / пусь поплачет / пусь // За столом / говорят / не наплачется / кругом наплачется // Вот так говорили //

А раньше весёлые свадьбы // А **дружка** был / да / **дружка** приговаривал // Я помню / вот у нас один старичок был / дверь / как идёт морозы зимой / в дверь стучит / да-да / говорят // Идёт **дружка** / через порог / еле ноги переволок // Иду / говорит / **дружке** из подпола проста / как с под ракитова / говорит / куста / вот // Говорит / маленьки ребятишки на палатках сидят / сопли до полу висят // Вот это говорит / ваши приготовили руковичак / нет ли у вас **лопати**⁴⁸ / нет ли у вас копоти / не замарать бы лопату // Наговариват / там всяко наговариват / там всяка наговариват много //

Все запомнила // Ну / всё же ведь не запомнишь // Цас уж столько лет прошло / так уж // Вот весело было / свадьбы раньше весело проходили // Раньше / когда свадьба / неделю гуляли // Это уж изо дня в день // И сколько есть этих **поежанин** / подружки / помне / два дня каждый к себе всю компаню вели //

Когда встречают / хмелем // Да / не у жениха / когда встречают / хмелем / когда к жениху едут / уже с регистрации / ну не с регистрации / а раньше венец был / венчались // Как приезжают / нынче встречают / стопки разбивают / тоже час хмелем бросают / и раньше бросали // В доме бросали / во дворах встречали //

А вот эта не помню // Ну / слыхала я / што некоторые говорили / што / значит / в мае не хотят / штоб свадьба / там перекосит дорогу / што-то поделают // Хотя вот мне не приходилась / не знаю / другие **выскакивали**⁴⁹ // Говорили у нас / есьли десять / девять горошин бросишь в **коливу**⁵⁰ / чё-то там сделают / и лошадь выпряжится // Это я слыхала // А видеть тоже не видела сама / не скажу //

[Запись сделана Сугановой Маргаритой в 1992 г., обработана студенткой КГПУ им. В.П. Астафьева в 2008 г. Руководитель диалектологической практики – проф. Фельде О.В.]

Рассказ о переселении из зоны затопления Богучанской ГЭС

Кежемский район. Козинск.

Информант: Шнайдер Анна Николаевна, 1932 г.р., урожденная Шарыпова (д. Паново Кежемского р-на).

⁴⁸ Лопать - одежда

⁴⁹ Выскакивали – выходили замуж

⁵⁰ Колево – поминальная кутья

Кто бы думал / что это все затопит острова / и деревни // С ума сойти / Люди-то ехали оттуда / плакали // Анна Алексеевна / ее с последних вывозили // Сколь-то это бабок / плакали // Вставали на коленки / поклонялися земле / да //

<... > на **проводилы**⁵¹-то ... у всех покрашено / чисто / околица / штакетник / дома покрашены / наличники // всё затопили // всё / говорю / сравнивали // С ума сойти / такая школа стояла / родима мать / хлопцы же все сожгли // Тут-то раньше сожгли / потому что кто-то поджог //

<... > двухэтажная была школа // С ума сойти // Все **сжабали**⁵² / всё **сжабали** / всё // Ужас один // Вообще было невозможно / сил уже не было ни у кого <... > / Дак / а щас вот перевозили покойников-то // Маму перевезли / Валерочку / и вот Валя / что утонул // Вот / троих их перевезли сюда // А чё делать-то остается // Раз там уже затоплять будут этот канал / чё / они-то в воде лежать будут // Вот и перевезли // А как уж / не то слово // И сколько людей-то перевезли // Ешо Усольцева там не перевезли / а щас затоплять будут // Нельзя их тревожить//

Собир.: Всех покойников перезахоронили?

А.Н.: Нет / конечно // Моя племянница / ея там мать лежит / брат родной / и ешо сродны братовья / уж их не перевезли //

Собир.: Под воду попадут!

А.Н.: Попадут / да запросто // Оно хоть вроде бы и высоко там / кладбище-то / а всё равно // А в Батурино-то на горе // Такая гора // Это оттудова упал парень / **заубился**⁵³ насмерть // А там / это на горе / думаешь / не могли бы затопить // А все если затопляют / да вот уже и воду подняли // Был председатель сельсовета // И он умер // Не выдержал // Приехал как / он умер // Умный такой был / царство небесное ему // Ну вот / когда это переселение было / это же все равно переживание // Кому сделаешь / кому не сделаешь // Это было все // Как это можно было / все это перенести // И когда они **канычут**⁵⁴ / как сват наш уже / приехали по-новому ешо // Бутаков за ним // За ним / за Мишей / эта / моего деда племянница родная // Ну и вот говорю / приехали они туда // И мы / ох / как начали снимать это все на камеру // Кладбище уже это ворочали // И он скончался //

Собир.: Прямо на кладбище?

А.Н.: Сердце не выдержало // Нет / на берягу / в лодке // Вот Карлович-то вроде его так держал / и он скончался у него на руках // Это конечно / не дай Бог // А всем не угодишь / все равно // Работал он там председателем сельсовета после / после старшего / Василь Андреич // После его племянника

---

⁵¹ Проводилы – проводы

⁵² Сжабать – уничтожить

⁵³ Заубиться – погибнуть

⁵⁴ Канычить – надоедливо выпрашивать, канючить

работала женщина / после этой женщины / дядя Саша Дубинин поступил // И вот он / привезли сюда хоронить //

Собир.: А кто выкапывал? Свои выкапывали или чужие?

А.Н.: Нет / нанимали / Ну / видимо / красноярские ли / чё ли / приезжали // Нанимали // Это же не так просто / чтоб всё // Что / ну / пока езили / показывали эти мяста // У мамы фотографии / у Валерочки / у Вали тоже // Ну вот / что свои //

[Аудиозапись Фельде О.В., Филатовой М.А. (г. Козинск, 2012 г.), обработка записи – Филатова М.А.]

Воспоминания о деревне Паново

Кежемский район. Козинск

Информант: Шнайдер Анна Николаевна, 1932 г.р., урожденная Шарыпова (д. Паново Кежемского р-на).

Мы када / я поехала // Это первый раз было / на проводины туда // Ешо два раз люди ездили // Стояли все дома // Все дома // Все вот / ну покрашены / каждый старался / чтоб / штакетник покрашенный / окна // Налишники по-нашему называются // Аha / налишники // И все равно / ведь это каждый старался / чтоб было красиво около своего дома // Ну и всё // А потом-то все сожгли / массой // И школа стояла на **угоре**⁵⁵ // И там / там и зал / там и классы / и всё // И двухэтажная школа // Это как так смогли-то // Так вот даже мы были в музее / и потом когда это / песню / Катя Гриняк сочинила пенью // Или уж / ну сочинила или как ли / что // Про Паново / Она жена Панова // И все эти жители когда уезжали / плакали // Ставни опускали / кланялись // И вот она эту песню сочинила / Катя Гриняк //

Ну вот / когда уезжали / что вот / как прощание уже // Ну и когда / я помню / не могла ходить / с **ключкой**⁵⁶ с одной / что туда ходила // И думаю / хоть бы прошла бы по деревни / отцову мать (всхлипывает – ред.) // Ну / что сделаешь / всё сравнивали / всё сравнивали // Сожгли все дома / ужас один // Это така деревня была // Она стояла у реки / рыбачили-то сколько люди-то // Вот / не было-то фотографий в то время-то / не было-то вот такого / что фотографировал //

Ой // А сколько рыбы-то было / я уже / может / рассказывала / что это самое // Остров Курейный назывался // Курейный и Босковой // Вот на этом именно Курейном / залив Курья / что называется залив // Вясной / как только пойдет ряка / и вот эти / окунь / вот таки окунь / да широки два // И шуки вон какие // Дак / дярвянны же лодки в то время были / не было железных-то таких // А / и это самое / и эту / как неводом закинут / эту рыбу ложат в эти

⁵⁵ Угор – возвышенность, холм

⁵⁶ Ключка – посох, палка

лодки / она уж сверх сыпется // Обрато в воду // Это ж надо было ее // Вот если така жара / все равно чистить гоняли рыбу / гоняли // Мужики **наточат**⁵⁷ / старики гоняли эту рыбу чистить // Икры там было // А икринки-то дело / и вот эту рыбу сваливали даже в воду // А идет щука на икромет / она выкидывает с себя вот эту икру // А потом уже / от этой икры / маленькие рыбки выводятся // Надо же вот такое в природе быть / ага //

[Аудиозапись Фельде О.В., Филатовой М.А. (г. Козинск, 2012 г.), обработка записи – Филатова М.А.]

Ангарские рецепты

Кежемский район. Козинск

Информант: Шнайдер Анна Николаевна, 1932 г.р., урожденная Шарыпова (д. Паново Кежемского р-на)

На печке / на **железке**⁵⁸ жарили // Так раскатают / как **сочни**⁵⁹-то / ну вот // И лепешку сделают потоньше / чтоб она прожариласи // С одной стороны загорит / другую сторону перевернем // И жуем сидим с водой / с чаем // А ешо чё было // Бабушка / царство ей небесно / она же поствовала / пока в уме была // Ну и чё вы думаете // Она возьмет картошку эту / **надолбит**⁶⁰ / и луку туда / луку / и этой же водой разводит / ага // И чё вы думаете // Она положит такую на чашку / вот так / с **вярхами** / **надолбит** и накладёт // А она там луком пахнет / лук-то чё / бутун был // Ну и чё // Мы прибежим со школы / я и говорю / бабушка / дай нам твоей картошки поисть // Да ешьте / говорит // Берем по ложке в руки / и в подполье // Она тут стоит на досках // С лесенки спустимся / она стоит на досках // И вот мы ложкой воды ключевой запиваем // И так нам вкусно казалось / что и лопали картошку эту // А она луком пахнет // Вкусно нам было в то время / ой //

А бывало / мама картошки этой намочет / **кругляшек**⁶¹ / и на печь / в печь-то высыпет // А она там же / там это самое / на паду жарится // И не загоревшая и не сгоревшая / вот как на паду жарится // И навораживаем / ну //

[Аудиозапись Фельде О.В., Филатовой М.А. (г. Козинск, 2012 г.), обработка записи – Филатова М.А.]

---

⁵⁷ Наточить – наловить много (о рыбе)

⁵⁸ Железка – железная печка

⁵⁹ Сочень – лепёшка из тонко раскатанного теста, испечённая в масле

⁶⁰ Надолбить – истолочь, замешать

⁶¹ Кругляшки – молодой картофель круглой формы

Рецепт икрянников

Кежемский район. Кодинск

Информант: Шнайдер Анна Николаевна, 1932 г.р., урожденная Шарыпова (д. Паново Кежемского р-на).

Вот / допустим / рыбу-то покупаете // Вот / а тем более вот эта / ангарская рыба // Все равно уже / она идет на икромет / она уже свою икру выкидывает // Что / ну вот / как мы уже насмотрелись / что вот эта курья // И растет тальник // И вот / допустим / сейчас уже листья у нее // И вот когда идет / весной она на икромет / она свою икру / вот / выкидывает // Она даже на кустах маленько висит / даже видно / ага // Ну / она как / видимо / выкинет ее / которая-то попадают в воду / а которая-та вот / на цветы // Вот когда рыбачить с дедом я ездила //

Вот эту икру берут // Берёт на вилку / вот так забиват / тогда же не было вот этих / листиков или кого // На вилку берёт её / вот так её всю // и она это / что / на ей шкурочка-то есть / она создаётся на вилку // А эта чистая икра / уже остаётся в чашке / ага // Потом в этой чашке / берет мама / колет два яйца / допустим / сколько там уже икры той // Потом соды / соли / и молока / вот эти части *вытекшие* // И всё это всбиват и на сковороду вылеют // <...> Посеяли эту сковороду // Это же память осталась бы // Ну и значит / чё / ставим в печь //

[Аудиозапись Фельде О.В., Филатовой М.А. (г. Кодинск, 2012 г.), обработка записи – Филатова М.А.]

IV. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдина Раиса Петровна - старший научный сотрудник НОЦ «Проблемы эффективной коммуникации» ХГУ им. Н.Ф. Катанова (e-mail: rabdina@mail.ru)

Беляева Елена Владимировна - кандидат филологических наук, доцент кафедры РКИ Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: lena1306@mail.ru)

Бутерус Елена Георгиевна – старший преподаватель кафедры РКИ Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: helen-buterus@yandex.ru)

Ван Гуаннань - студентка 4 курса отделения иностранных языков Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: rogrebnyak.n@mail.ru)

Веренич Татьяна Константиновна - кандидат филологических наук, зав. кафедрой РКИ Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: tverenich@mail.ru)

Готлан Юлия Александровна - аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного исследовательского университета (e-mail: noll@xaker.ru)

Евраева Светлана Валериевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара, Украина (e-mail: E.lana@ua.fm)

Емельянова Ольга Николаевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: olniam@mail.ru)

Ерофеева Анастасия Александровна - студентка 5 курса отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: illusory_doll@mail.ru)

Жадлун Маргарита Игоревна - магистрант русского отделения факультета украинской и иностранной филологии и искусствоведения Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара, Украина (e-mail: rita.ritusha@ya.ru)

Зорин Кирилл Александрович – канд. филос. наук, зав. кафедрой журналистики Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: Kirill_zorin@mail.ru)

Колпащикова Екатерина Андреевна - студентка 5 курса отделения иностранных языков Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: coconutmilk@yandex.ru)

Лю Муюй – студентка 5 курса отделения иностранных языков Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: tverenich@mail.ru)

Мартьянова Наталья Анатольевна - докторант, доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики Института филологии и межкультурной коммуникации ХГУ им. Н.Ф. Катанова» (e-mail: natam@bk.ru)

Пекарская Ирина Владимировна – доктор филол. наук, проф., Почётный работник высшего образования РФ, Заслуженный работник высшей школы Республики Хакасия, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (e-mail: cat_kat@bk.ru)

Степанова Екатерина Сергеевна, студентка 4 курса отделения филологии ИФиЯК СФУ (e-mail: cat_kat@bk.ru)

Шан Вэйчжи – студент 4 курса отделения иностранных языков Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: shangweizhisky@mail.ru)

Штейнгарт Елена Анатольевна, канд.филол.наук, доцент кафедры английской филологии КГПУ им. В.П. Астафьева

Южанникова Марина Алексеевна – аспирант 1-го года обучения кафедры русского языка и речевой коммуникации Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: Yuzhannikova@mail.ru)

Юркова Ольга Сергеевна, магистрант отделения филологии ИФиЯК СФУ (e-mail: yurkovaos@gmail.com)

V. Требования к оформлению статей, присылаемых в журнал «Siberia_Lingua»

Электронный вариант тщательно выверенной рукописи высылается по адресу: nau-ka_fil@mail.ru

Тема письма: «Публикация – журнал»

В адрес редакции высылаются также отдельными файлами:

Текст статьи

Фотография автора в формате jpg или gif

Рекомендация научного руководителя, если автором является студент, магистрант или аспирант (сканированный вариант с подписью)

Сведения об авторе / -ах: фамилия, имя, отчество; ученая степень, звание (если есть); место работы, учебы (для студентов, магистрантов, аспирантов), адрес эл. почты; ФИО, ученая степень, звание научного руководителя.

Прикрепленные файлы называются по фамилии автора следующим образом: Иванов-статья, Иванов-фото, Иванов-рекомендация, Иванов-сведения.

Просим учесть следующие требования к материалам, направляемым в редакцию журнала «Siberia_Lingua».

Принимаются статьи объемом до 7 страниц.

Шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал одинарный с полями 2 см со всех сторон, абзац 1,25, выравнивание по ширине.

По центру указываются инициалы и фамилия автора (авторов).

Заглавие набирается прописными буквами, полужирным шрифтом по центру строки.

После заглавия помещается аннотация на английском и русском языках (шрифт Times New Roman, кегль 12, курсив, не более 500 и не менее 250 знаков с пробелами)

Ниже помещаются ключевые слова на английском и русском языках (не более 15 слов / словосочетаний, шрифт Times New Roman, кегль 12, курсив).

Примеры в тексте статьи оформляются курсивом; сокращения, условные обозначения и цитаты оформляются в соответствии с общепринятыми стандартами.

Библиографические ссылки в тексте делаются в квадратных скобках, например:

[Виноградов, 1947. С. 129–130; Ларин, 1975. С. 26]. Пояснения даются в круглых скобках.

Знак тире отбивается пробелом с обеих сторон; знак дефиса печатается без пробелов.

Список литературы располагается в конце текста статьи по алфавиту.

Образец:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка конца XVII – XIX веков. М.: Наука, 1982. 529 с.
2. Даль В.И. Даль В.И. Пословицы русского народа: В 2-х т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 1. 383 с.; Т.2. 399 с.
3. Залевская А.А. Детская речь: проблемы и наблюдения // Полевые структуры в системе языка / Под ред. З.Д. Поповой. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. С. 32 – 58.
4. Карасик А.В. Лингвокультурные характеристики английского юмора: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 19 с.
5. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия ОРЯ. Серия литературы и языка. Т. 52. № 1. 1993. С. 3 – 9. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1993/01/931-003.htm>

Материалы, оформленные с нарушением перечисленных требований, к рассмотрению не принимаются.

Научное издание

Корректор английского текста Е.В. Иванова

Дизайнер: В.В. Усов

Подписано в свет 27.08.2012 г.

Уч.-изд. л. 6,4, 1750 кб

Тиражируется на машиночитаемых носителях.